

Тимофей Круглов

АВГУСТ

роман-круз

*Посвящается Елене Ефимовой –
Любимой, жене, другу, соратнице*

Все герои этой книги – образы собирательные, совпадения имен случайны, описанные события являются художественной реконструкцией действительности и не могут служить основанием для предъявления юридических претензий.

ПРОЛОГ

– Па-ра-рам – та-ра-рам – та-ра-рам-пам-пам! – мобильник радостно заиграл «Марш Радецкого». Петров, проснувшийся ровно за минуту до семи часов утра, уже держал телефон в руке и тут же придавил красную кнопку, оборвав мелодию. Маленький «Сименс» обиженно моргнул и погасил экран. Солнце врывалось в комнату сквозь открытую настежь балконную дверь, свежий, пахнувший мокрыми листьями ветер заигрывал с тюлевой занавеской, паркет отбрасывал зайчиков в огромное зеркало встроенного шкафа, а те летели обратно в Андрея Николаевича – целили в веселые карие глаза, норовили поплясать на резко очерченном подбородке или на чуть вздернутом хищном носу.

Петров зажмурился и, сбросив пододеяльник без одеяла, начал растирать себя ладонями. Сначала лицо, с неудовольствием почувствовав утреннюю небритость, потом коротко стриженный русый затылок. Руки, грудь, бока, поясницу, ноги, ступни ног... растирал тщательно, с удовольствием, заставляя просыпаться клеточки ладного тела. Вытянулся, закончив процедуру, во всю длину, полежал, расслабившись, еще минутку. А потом заложил руки за голову и, как пресс-папье, перекатился несколько раз по дивану, разминая позвоночник. Тут же выпрыгнул на середину комнаты, начал привычную зарядку – причудливую, для себя одного разработанную смесь старых добрых русских армейских упражнений, йоговских асанов и восточной гимнастики.

Зазвонил городской телефон. В том же темпе, не прерывая зарядки, Петров переместился к аппарату, висевшему на стене в крохотной прихожей, и снял трубку.

– Андрей Николаевич, прекратите безобразие, я вас умоляю! Мало того, что ночью вы два раза вставали и расхаживали по комнате как слон, так сейчас еще и прыгаете так, что у меня люстра скоро обвалится!

– Вера Мельхиоровна, дорогая, я уже пытался вам объяснить, что летать я не умею и даже учиться не буду! Все претензии, пожалуйста, обращайтесь к проектировщикам и строителям нашего замечательного дома. И еще...

– Что еще?! – встревоженно встрепенулся старческий голос в трубке.

– И еще... доброе утро, Вера Мельхиоровна! Утро просто замечательное сегодня, вы не находите? – Петров довольно ухмыльнулся озадаченному молчанию и тому, что ему удалось не сбить дыхание даже при разговоре со слегка сумасшедшей соседкой снизу. Он повесил трубку, продолжая при этом танцевать по паркету, изображая из себя медведя, обирающего малину на косогоре. Представил себе этот косогор – родной, уральский, из детства, – пронизанный светом, распаренный банно, пахнувший полднем и даже зарычал от восторга, топчась по воображаемому валежнику.

В крохотной ванной, радостно блеснувшей при виде хозяина свежей плиткой, новыми кранами и зеркалами, с вечера была налита полная ванна холодной воды. Андрей Николаевич опустил в нее, как в озеро окунулся – не вздрогнув, не поежившись. Он закрыл глаза и представил белую лилию у себя перед носом и кудрявые облака над еловой гребенкой на близком берегу; дунул на воображаемую водомерку, слишком близко проскочившую у лица, всмотрелся в хутор на взгорке – не покажется ли юная Мерике на мостках, не сядет ли в лодку, не поплывет ли к нему? Полежал так пять минут, вздохнул и занялся бритьем да прочими прозаическими утренними процедурами.

Кофе, ворча и отплевываясь, медленно стек из «кафе-машин» в толстую белоснежную чашку. Свежевыжатый тыквенный сок принял в себя пару кубиков льда и теперь оранжево пенился в высоком стакане. Два яйца всмятку, тосты со щучьей икрой – все это медленно, со вкусом поглощалось на пятиметровой заново отремонтированной и обставленной кухне. Петров очистил стол, быстро сполоснул посуду, на освобожденном пространстве открыл ноутбук, подключил выносную «клаву», переставил с подоконника на стол пепельницу и открыл сегодняшнюю пачку «Кэмел». Пока грузилась «винда» и подключался Интернет, Андрей Николаевич безуспешно пощелкал щегольской «зиппо». «Снова бензин ослиной мочой разбавили в фирменном магазине», – с досадой подумал он, чертыхнулся и внезапно отправил иссиня-черный тяжелый прямоугольник в открытое окно, прямо в макушку высокой рябины. Чиркнул кухонной спичкой, с удовольствием закурил и погрузился в Сеть.

08.08.08

07:07

Андрюша, привет! Доброе утро не говорю, какое тут нафик доброе утро?! И ты думаешь, что наши не проглотят в очередной раз тысячи трупов в Цхинвали?! Как там тебе, в Питере, хорошо спится, когда граждан твоей страны по площадям выкашивают «Градом», а потом утюжат танками? А твой президент спокойно путешествует по Волге на пароходе, а премьер смотрит олимпиаду в Пекине (((((-: НИЧЕГО не изменилось в России, Андрюша! НИЧЕГО! Как Димку Ганина – российского гражданина замочили на Тынисмяэ, так и Осетию проглотят ельцинские наследники, японка мать! Хорошо, что я негражданин Эстонии, а не гражданин России! В ЕС жить и то позора меньше, чем в России сейчас, после всего. погоди, доведут еще вас до ручки, сдадут пиндосам с потрохами, как Союз сдали в свое время! Наплачешься еще.

С.

08.08.08

08:08

Серезжа, доброе утро!

Чего не спишь? Всю ночь новости по спутнику смотрел? Ты погоди в Родину плевать, много и без тебя желающих. Что бы там и как бы ни было сегодня и даже завтра – ДРУГОЙ родины, кроме России, у нас нет. Власти приходят и уходят. А Россия остается. Даже если опять все сдадут, как всегда, ПРИВЫЧНО – даже и это не повод такими словами бросаться. Вот прижмет тебя куратьё в Чухляндии окончательно, сам куда бросишься? В Ирландию, что ли? Нет, Серый, в Россию побежишь. ДОМОЙ. Пусть и не ждет нас здесь никто. Да только страну нашу отдавать кому-то другому из-за обиды на то, что нас сначала бросила, а потом и остальных продала... Да что нам эти самогонщики-спиртоноши-винокуры-отравители... в конце концов, русских в России никто никогда не жалел. А там ведь, похоже, русские миротворцы под раздачу попали конкретно первыми. В любом случае – осетин жалко. Грузин – уже нет. Но я не Путин и не Медведев. И все же, это МОЯ страна, Серезжа. Я российский гражданин и военнообязанный, кстати, даже на учет в

военкомате встал, а ты вот, капитан, уже давно забыл, что это такое. Скажут воевать, и я пойду, без особой радости, конечно, да и кому я нужен в свои 45, но пойду! Потому что я – гражданин России, как ты правильно заметил. Пусть и недавний. Вот в этом вся разница. А обижаться на Россию и на меня заодно за то, что все делается не так, как ты на кухне рассудил или за телевизором, двигая батальоны и эскадрильи направо и налево – глупо. И вообще, еще не вечер. Не гони гусей, иди работать лучше на благо Евросоюза блядского...

Я вечером в круиз ухожу по Волге (как Медведев, ага!). Прямо из Питера. До Астрахани и обратно. Налетался уже, теперь пойду по рекам и озерам ☺. Нашим всем привет!

Второй экипаж («Кила») по-прежнему в Рамсгейте сидит или вместе с «Джамбо» в Перт отправили? Не забыл, кому оружие возите? Патриот ты наш...

А.

ПыСы Я ноут с собой возьму в круиз, – пиши, если что.

~~~~~

Часть первая

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Глава первая

– Презервативы купить?

Петров скептически окинул взглядом распаханное чрево небольшого дорожного чемодана на колесиках. Трусы, носки, носовые платки, стопка тишоток с яркими вышивками, напоминающими о десятках недавно посещенных стран. Джинсы, брюки, летняя курточка песочного цвета, легкий бежевый костюм – все от скромной, но любимой фирмы «Мефисто». Шьют для людей французы, по крайней мере, есть куда яйца складывать, когда штаны надеваешь. Пара пачек кофе молотого – черный «Давидофф». Чай «Гринфилд» в пакетиках. Кипятильничек и кружка с ложкой. Коробка «Коркунова» с миндалем на всякий случай – дам угощать. Виски «Баллантайн» – для себя любимого. Мир стал непостоянен, любимые сегодня марки, бренды, лейблы завтра могут превратиться в новое дерьмо с привычным старым названием, как и «Zippo». Одноразовый мир наступает! Вот и снова всплыл вопрос – презервативы брать? Одноразовые...

В мае только, еще совсем недавно, Андрей Николаевич пересек эстонско-российскую границу на своей новенькой «Джетте», загруженной даже не по уши, а так, слегка. Вещей было немного. Несколько десятков любимых книг, памятные с детства безделушки, ящик сувениров, накопившихся за годы полетов на грузовом лайнере по всему свету, – сувениров, по случайности не раздаренных тут же приятелям и детям приятелей. Коллекция дисков с любимыми фильмами и музыкой. Квадратный, на ключик закрывающийся, бокс с архивом фото и видео на DVD. Три старых фотоальбома: школьный, дембельский и студенческий, совпавший с первыми годами семейной жизни. Два ноутбука, цифровая

камера и стопка образов: Майя, жена бывшая – убежденная атеистка, – и это было единственное, что она *сама* предложила Петрову забрать из квартиры. С облегчением сняла иконы со стен его бывшего кабинета, аккуратно переложила пергаментом, упаковала в картонную коробку. И даже перекрестила стоящего в дверях с чемоданами в руках Петрова, улыбаясь при этом торжествующе нагло.

Да. *Эта* граница захлопнулась для Петрова навсегда. «One way ticket, one way ticket...», – напевал он про себя, медленно проезжая отрезок асфальтированной «нейтральной полосы» между эстонским и российским КПП. В Питере его ждали однокомнатная крошечная квартирка у парка Победы и не сказать, чтобы очень крупная сумма на валютном счету в «УралСиб» банке.

Лето прошло в хлопотах о получении внутреннего российского паспорта, в постановке на всякие учеты, включая воинский, оформление СНИЛСа и медицинского полиса, в ремонте и обстановке запущенной однушки, да еще в Интернете. В Сети Андрей Николаевич тусовался в ЖЖ, жадно пытаюсь по крохам, крупичкам, пылинкам собрать для себя образ настоящей – живой, не телевизионной, не парадной и не чернушной России. Глупая затея, конечно.

Авиацию он решил бросить. А потому никому из питерских коллег, с которыми иногда по полгода приходилось в одном, сборном, экипаже отрабатывать контракты, – никому не позвонил даже, что он теперь – россиянин. Небольшая частная авиакомпания, которой Петров отдал 15 лет жизни, владела тремя потрепанными военно-транспортными «Ил-76». Базировались в Таллине, но работали на английских фрахтовщиков, дома почти не бывали. Выполняли заказы ООН по перевозке гуманитарных грузов – то в воюющей Югославии, то в Африке – у черта на рогах. Тысячами, внавалку, вывозили беженцев.

Сначала, правда, освоили Европу, пока не запретили конкуренты российскую грузовую авиацию «по шумам»: возили комплектующие для автомобильных концернов, пиво, рыбу замороженную, в общем, всякую дрянь. Господи, да чего только не возили, и где только не были! Под конец контракты стали все более опасными и тяжелыми.

Английские фрахтовщики связались с австралийскими военными и использовали русских «эстонцев» для переброски

оружия в Афганистан и Ирак. Все законно, но неприятно. Формально авиакомпания была эстонской, но, конечно, эстонцев в ней почти не было. Летали и обслуживали разваливающиеся самолеты – русские. Неграждане Эстонии и даже граждане России, если не хватало людей в экипажах. Работать на НАТО было как-то совсем уж не в кайф. Но деньги не пахнут, и жить на что-то НАДО. Да к тому же, долгое время российские власти продавали Россию стократ дешевле и подлее, чем русские летчики из частной эстонской фирмы, возглавляемой тремя русскоязычными евреями – еще в 89-м году буквально из ничего, из цветочного кооператива умудрившимися создать авиакомпанию.

Не распались после двадцати лет совместной жизни семейный союз Андрея и Майи, наверное, Петров остался бы в Эстонии и продолжал летать. Тем более, что всего год назад он из операторов по обработке грузов переучился на радиста, перешел на офицерскую, так сказать, должность. Хотя и окончил Андрей в свое время Рижский институт инженеров гражданской авиации, работы в первые постперестроечные годы по специальности не было никакой. Пришлось идти оператором, так и пролетал десять лет, следя за погрузкой и разгрузкой, выполняя к тому же в полете роль стюарда: кормить, поить экипаж, запасаться кэтерингом, тянуть буднично самую черную работу.

Майя, торгуя швейными иглками, рижскими колготками и эстонским бельем на необъятных российских просторах, зарабатывала в несколько раз больше Петрова. Когда после очередного контракта Андрей Николаевич вынужденно отсиживался дома, дожидаясь своей очереди снова вылететь на заработки (деньги летчиками получались в основном за счет командировочных, в остальное время компания платила лишь минимальную зарплату), Майя, не вылезавшая годами из вояжей по российской глубинке, чуть не всю ее объехав с неподъемными сумками на колесиках, лишь презрительно шурилась. Но вслух ничего не говорила – другие мужики зарабатывали куда меньше ее мужа.

Правда, после российского дефолта челночный бизнес Майе пришлось бросить. Но она выгодно вложила деньги в дело: устроилась маклером в риэлтерскую фирму, приобрела опыт, а потом открыла собственное агентство по продаже/покупке недвижимости. Почти не скрываясь стала заводить любовников,

сначала в отсутствие Петрова, а в последнее время даже тогда, когда он возвращался с полетов.

На счастье случилось большое горе. Один за другим скончались родители Петрова и оставили ему большую четырехкомнатную квартиру в Мустамяе. Андрей Николаевич умудрился, не без помощи Майи, конечно, выгодно продать недвижимость еще до пика неумолимо подступавшего к Прибалтике экономического кризиса. Деньги положил на свой счет, да Майя на них и не претендовала – для нее это уже было «несущественно». Андрей Николаевич подал документы на российское гражданство, благо для неграждан все еще сохранялся льготный режим, помаялся еще годик в опостылевшем Таллине, отлетал за три месяца в Австралии последний свой контракт и уволился. Развели их с Майей быстро, благо детей у них так и не получилось как-то за все эти годы. Бывшая супруга разрешила Петрову пожить на даче в Пирита, пока он не купит себе жилье в России.

В мае 2008-го Андрей Николаевич аккуратно припарковал свою «Джетту» с транзитными номерами у старенькой «брежневской» пятиэтажки, утопающей в зелени свежей листвы, как в лесу. Было раннее утро. Птицы пели, сладко пахло черемухой, детишки заспанные, зевая и спотыкаясь на ходу, тянулись за мамиными нетерпеливыми руками в соседний детский сад. И все говорили по-русски: дети, мамы, продавщицы в маленьком продуктовом магазинчике на первом этаже Петровского дома. По-русски ругались друг на друга мужики, выезжая торопливо с забитой автомобилями узенькой улицы, русскими словами частили дикторы радио, звуки которого доносились из открытого окна у двери подъезда: «Пробка на Витебском проспекте по направлению к центру, затруднен проезд по Дворцовому мосту, авария на съезде с КАД в районе...».

Андрей Николаевич поймал себя тогда на том, что глупо – до ушей улыбается, застыв перед железной дверью с кодовым замком и вслушиваясь в обрывки утреннего эфира. «Закрой рот, дурак!» – грубо скомандовал он сам себе, прикладывая к замку брелок электронного ключа. И тут же снова заулыбался, слушая пиликанье послушно открывшейся двери...

~~~~~

Спустившись вниз за сигаретами, стоя в небольшой очереди к прилавку, Петров теперь вспоминал прошедшие три месяца с неожиданно теплым и радостным чувством. Вроде бы столько хлопот и переживаний, а помнится только хорошее. Ни хамство чиновников паспортно-визовой службы, «через черный ход» пропускающих без очереди новоявленных золотозубых «граждан России» кавказско-азиатской национальности, ни взяточничество и полный беспредел при растаможке «Джетты», ни бестолковость таджикских сантехников – ничто не оставило такого следа в душе, как неожиданное и постоянное ощущение *дома*. Этот дом окружал его везде: в ужасно пошлом и глупом телевизоре, в конторе жилтоварищества, в толкучке на Невском, на эскалаторе метро, стоя на котором, Андрей уже не сгонял с лица привычную улыбку при виде юных курсантов военных училищ и мальчишек-суворовцев, хмурых омоновцев, деловитых офицеров, симпатичных студенток и просто пожилых теток с родными озабоченными лицами. Военных Петров потому отмечал особо, что непривычно было при виде людей в форме не превращаться в колючего ежа, неприязненно провожающего взглядом эстонского полицейского или кайтселитчика, невинно мечтая захватить курату по прыщавой морде. В Питере люди в форме не были врагами – они *тоже* оказались *свои*. Это было неожиданно.

Отсутствие ненависти, как постоянного фона жизни русского человека в Эстонии, в России – расслабляло, и было сначала похоже на легкий и радостный хмель. А потом, как-то незаметно, жить без ненависти стало нормальным состоянием. Тогда только начал Петров понимать, насколько отравлены были почти двадцать лет его жизни. Получается, не простил он ничего и не прощал. А ведь казалось, что политика его совершенно не интересует. Андрей Николаевич никогда не участвовал в акциях протеста, не состоял ни в одной из десятка «русскоязычных» организаций, – стоило ему услышать имя Ханона Барабанера, названного прессой «лидером русских Эстонии», как он раз и навсегда махнул рукой на всякую «общественную деятельность». Да к тому же, постоянные длительные командировки по всему миру позволяли забыться и в калейдоскопе впечатлений, и в тяжелой монотонности нелегкого труда. А ведь если покопаться в себе, стоило пожить хоть полгода в Таллине, как снова возвращалось ощущение очень стыдной несправедливости, на которую так и не ответил кулаками, которую

так и не смысл действием. Не обиды, нет. Именно несправедливости – это очень большая разница.

Но, как отвыкает от чистого воздуха и ключевой воды горожанин со стажем, и не замечает уже, чем он дышит, что ест, что пьет, так и русские Эстонии (не все, но многие, очень многие) уже не в силах сегодня дать себе отчет в том, насколько они отравлены жизнью в государстве, постоянно считающем их врагами. И в душе накапливалась ненависть. В ответ на провокацию нарыв прорвался недавно. Теперь, приняв острую форму, вряд ли ненависть останется подсознательной. Петров в последних событиях на Тынисмяэ участия не принимал. Раньше гвоздички иногда относил к «Алеше», когда случалось бывать в Таллине на День победы. «Бронзовая» ночь его не слишком, казалось, и задела – он мотался тогда между Ираком, Афганистаном, Кувейтом, Соломоновыми островами и Австралией – не до того было. А потом умерли родители... Развод, переезд в Россию, который воспринимался сначала не как акт протеста против русофобского режима в Эстонии, а просто как выход из сложившихся жизненных обстоятельств. Надо было менять жизнь, он и поменял. А то, что не на Запад уехал, а в Питер, так это просто как-то само собой получилось...

Отец Петрова был капитаном первого ранга. С Северного флота отца перевели на Балтику, – там он уволился в запас, там и остался, и семья вместе с ним, конечно. Мать была из поморов, а папа родился на Урале, в Кунгуре. С детства бредил морем. Училище окончил в Ленинграде, невесту нашел в Мурманске, сын родился в Кувшинке... Палдиски, потом Таллин. Так жизнь и прошла. Петров вспомнил отца, сгоревшую за месяц после его смерти маму и загоревал...

За воспоминаниями очередь неожиданно быстро рассосалась. Андрей купил два блока «Кэмел», отошел было от кассы, но тут снова всплыла шальная мысль, подспудно не дававшая покоя; он на ходу обернулся к продавщице и, осекшись вдруг, спросил почти шепотом:

– Девушка, а презервативы у вас есть?

Хрупкая, бледная продавщица неожиданно застенчиво улыбнулась в ответ, впервые проявила к знакомому уже покупателю не дежурный интерес, оценивающе окинув Андрея Николаевича взглядом:

– Закончились. Я закажу сегодня, привезут...

– Да я уезжаю вечером, в круиз ухожу по Волге, – неожиданно поделился радостным событием Петров, не сообразив впопыхах, что он, собственно, ляпнул девчушке.

– Да уж, в круизе без *этого* никак, наверное, – мечтательно (о круизе) протянула продавщица и деловито, как своему, посоветовала, – в аптеку зайдите, в «Горные вершины» на Космонавтов! Там-то уж точно есть... А то как же вы, в путешествие и без презервати-и-и-вов!

Девушка округлила насмешливо голубые – на пол-лица – глаза, заметила, что за нечаянным их с Петровым диалогом с интересом следит вновь образовавшаяся очередь, отмахнулась от Андрея кокетливо рукой и сердито-безлично обратилась к покупателям:

– Говорите!

Петров крикнул, подхватил пакет с сигаретами и двинулся к выходу. «Нет, значит и не надо, – подумал он, – не пользовался никогда и тут не пригодятся!». Глянул машинально на часы – уже четырнадцать тридцать – скоро подъедет заказанное такси до Речного порта. «Слот объявлен на пятнадцать ноль-ноль» – всплыла в памяти вместе с голосом командира картинка из прошлой жизни. Бортинженер включил ВСУ, загудел и ожил тяжелый родной самолет, защелкали дружно под пальцами экипажа переключатели. Снизу в кабину пилотов поднялся оператор – бывший напарник, принес кипящий кофе в толстых термостаканчиках. Из штурманской сквознячком затянуло вверх, к пилотам, ароматный дымок «кэпстена». Петров натянул на уши гарнитуру и стал связываться с диспетчером... Споткнулся о корень, проросший сквозь городской асфальт, легонько подпрыгнул, чтобы не упасть, пришел в себя, усмехнулся жизни новой и побежал домой за чемоданом.

Глава вторая

Четырехпалубный теплоход «Петербург» отходил от Речного вокзала в 19.00. Посадка начиналась в семнадцать часов, но Андрей Николаевич в этом районе города никогда не был, да и к вечеру пробок будет, как всегда – немеряно. Хотя по карте от квартиры до речного вокзала было всего ничего, он решил подстраховаться – вызвал такси с запасом свободного времени. И правильно сделал, как оказалось. Перед тем, как ехать на паром, надо было еще заскочить в банк – пришлось сделать небольшой крюк в сторону.

На углу Московского проспекта, аккуратно напротив фонтанного комплекса, машина сломалась. Водитель озадаченно и чуть сконфуженно пообещал Петрову разобраться с поломкой минут за десять – пятнадцать. Андрей Николаевич ругаться не стал, помогать, правда, тоже. Вышел из машины, встал на обочине и закурил, коротая время, рассеянно поглядывая на густой дорожный поток, любуясь пронизанными солнцем высокими струями фонтанов на той стороне проспекта. Тут и притормозила рядом с ним солидная черная «Вольво». С заднего сиденья вынырнул из темной прохлады автомобиля в городской шум и потную жару крепкий, чуть полноватый мужик в таком же, как у Петрова, летнем французском костюме. Загорелый, рыжебородый, громогласный он хлопнул Андрея по плечу:

– Не ожидал, не ожидал свидеться! Курат вытакс! Биедрс Петровс но Игауниас, – частил незнакомец, нарочито смешивая эстонский с латышским, предоставляя Петрову возможность не позориться и самому опознать старого знакомца.

– Валерий Алексеевич! – не оплошал Андрей. – Какими судьбами в нашем городе?

– Нашем? Так ты что, тоже в Питер перебрался? Ну, молодец! Давно пора было!

– Тоже? Так вы что, тоже уже россиянин?

– Не россиянин, русский я! – сморщился Валерий Алексеевич и потянул из пачки сигарету, отмахнувшись от вежливо библикнувшего про «время» своего водителя. – Три года уже в России! И не жалею!

– А я вот только весной переехал... завязал с полетами, развелся с женой и уехал.

– Вот значит как... – задумался собеседник на мгновение, но тут же снова улыбнулся, – все равно, дома и стены лечат!

– Именно, что *дома*, – удивился Петров такому совпадению мыслей. – Я, признаться, и не думал сперва, что именно *это* главное. Потом стало доходить.

Валерий Алексеевич Иванов был тележурналистом из Риги, владельцем собственной небольшой студии, подрабатывавшей, помимо производства эфирных передач, рекламой, представительским видео и «датским» кино к юбилеям. С авиакомпанией, в которой служил еще недавно Андрей, Иванов (и режиссер, и журналист в кадре, и продюсер, и сценарист, и оператор, если потребуется) дружил давно, – снимал большие фильмы ко всем круглым датам: пятилетие, десятилетие, пятнадцатилетие компании. Каждый раз подолгу и с удовольствием летал вместе с экипажами грузовых бортов по всему свету, набирая рабочий материал. И каждый раз встречался в этих командировках с Петровым.

Вместе ели, вместе водку пили, в одном номере ночевали порой. Не гнушался режиссер и руками поработать, помочь экипажу, если что, – не отсиживался в сторонке с камерой. Летчики платили душевному человеку той же монетой. Вот и сейчас Петров искренне обрадовался встрече.

– Телефончик-то оставь, Валера, – перешел он тоже на «ты» по старой памяти. – Я, правда, в круиз собрался по Волге, давно хотел Россию посмотреть, а то все по заграницам, уж забыл, как родина выглядит. Да и изменилось все сильно!

– Не так уж и сильно! – махнул рукой Иванов. – Это, Андрей, на поверхности – то глянец, то ржавчина, а внутри все пока еще цело, сам увидишь. Не без проблем, конечно, но русский народ переделать – это только на первый взгляд просто, – он коротко хохотнул, затягиваясь на ветру сигаретой и поперхнувшись крепким дымком. – Круиз – это здорово! Я тоже хочу! Вот вернемся с Катей из командировки и тоже махнем, если только навигация к тому времени не кончится...

Из окна «Вольво», подвинувшись к правой стороне на заднем сидении, выглядывала любопытно и весело рыжеволосая молодая дама в скромном деловом костюме.

– Катя моя! Жена! – гордо как-то провозгласил Валерий Алексеевич и помахал рукой, – сейчас-сейчас, успеем! – Он снова обернулся к Петрову. – Как вернемся, позвоню, приедешь к нам в гости, познакомитесь, как следует. А сейчас, извини, спешим в аэропорт.

– Далеко собрались? – вежливо поинтересовался Андрей Николаевич.

– Война же у нас, Андрюша! Война. Ты что, не в курсе?

– Неужто ввязались? – недоверчиво и все же с надеждой посмотрел на журналиста Петров.

– Слава Богу! По полной программе! 58-я армия скоро погонит «грызунов» из Цхинвала. Уже два часа как наши танки прошли перевал. Конечно, не то, что война – слава Богу, а то, что не отмолчались, не отступили в очередной раз. Это самое значимое событие со времен перестройки Андрюша! Сейчас судьба мира решается – вот вспомнишь мои слова! Легче не будет, будет труднее, но *сейчас* даже от этого легче!

Петров помрачнел, сбил ногтем огонек с окурка, поискал взглядом и выщелкнул бычок в сливную решетку на асфальте.

– Я политикой не интересуюсь, Валера, ты же знаешь. Так вы что, на Кавказ?

– Во Владикавказ, точнее. На фронте мне делать нечего, – под ногами мешаться. Но рядом быть надо. Нынешние «кадры» телевизионные, к сожалению, не то, что слова забыли, они даже знать не знают тех слов, что сейчас в эфире потребуются... У них головы так устроены, что воевать на информационном фронте за русских язык даже за большие деньги не поворачивается. Как ни стараются, а все выходит как в первую чеченскую. Или предательство, или глупость, или пошлость...

Иванов коротко матернулся и протянул Петрову мягкую сильную лапу:

– Ну, рад был встретиться! Вернешься из круиза – позвони обязательно, вот визитка. Или по «мылу» черкни хотя бы, нельзя нам, русским, терять друг друга. Даже в России. Особенно в России!

– Береги себя, Валерий Алексеевич! Позвоню обязательно! Ангела-хранителя в дорогу!

– И тебе тоже, Андрей! Давай, радист, до связи!

Иванов ловко переместился обратно в машину, и «Вольво» тут же мягко рванула с места, быстро набирая скорость и перестраиваясь. Таксист как раз захлопнул капот, облегченно кивнул Петрову на свою желтую «Волгу»: «Поехали!».

Андрей Николаевич проводил взглядом скрывшуюся в потоке машин «Вольво»: «На служебной ездит, с водителем. Не потерялся, значит, Алексеич и в этой жизни. Засиделся в Латвии без большого дела, теперь вот опять «воюет», нашел себя на родине, наконец. Ну, значит, и я не пропаду! Только вот война – это без меня, пожалуйста...».

~~~~~

Отыскали Седьмой причал, остановились прямо у огромного белого теплохода с поблескивающими на вечернем косом солнце металлическими буквами «Петербург» на борту. Таксист, весело балагуря, освободил багажник от чемодана и дорожной сумки Петрова, с улыбкой принял 500 рублей без сдачи и пожелал счастливого пути. А в насупившемся внезапно небе вдруг громынуло, солнце пропало куда-то почти мгновенно, шквалистый порыв ветра взметнул пыль на причале, и тут же заскакали по асфальту крупные белые зернышки града. Петрова больно щелкнуло по макушке, и он, подхватив багаж, побежал к теплоходу, ища укрытия от внезапной непогоды.

До начала посадки оставался еще час, внутрь салона рецепшн пока не пускали, и Андрей, громко простучав по железным сходням каблуками, свернул направо от входа, постоять хотя бы на закрытой сверху от дождя галерее главной палубы. Укрывшись от непогоды, он облегченно вздохнул, поставил вещи и стал отряхиваться от начинавших таять прямо на нем крупных градин, застрявших в волосах, на плечах, залетевших в карманы легкого пиджака, тут же покрывшегося от воды темными пятнами. Рядом стояли несколько пассажиров, приехавших пораньше и теперь ожидавших начала регистрации. В светлой легкой одежде, с красивыми дорожными сумками и фирменными чемоданами, веселые и беззаботные они почему-то напомнили Петрову иностранцев – туристов с пассажирских авиалайнеров, приземлившихся где-нибудь в экзотических странах.

«Да, изменилась Россия, – подумал он, услышав рядом родную русскую речь. – Внешне не отличишь уже питерца от европейца. Разве что, одеты получше и более стильно, чем западные туристы, во главу угла ставящие не красоту, а удобство... А град?! Ну, Петербург! Надо же, попасть под град в начале августа!». Град, между тем, уже перешел в ливень, грозовой фронт подходил все ближе, вокруг потемнело, темно-лиловые тучи на горизонте пронзали молнии. Настороженный слух поймал обрывок разговора – рядом с Петровым притулилась пожилая семейная пара интеллигентного вида, оживленно обсуждавшая последние новости, которые, видимо, успели посмотреть перед отъездом в порт.

– «Град» – это система залпового огня, реактивные минометы, вроде «Катюш» в отечественную войну. Только гораздо мощнее! А еще есть «Смерч», тот вообще все сметает с лица земли. Вот «Градом» грузины и накрыли в Цхинвали осетин. Представляешь, Маша, по спящему городу, по мирным жителям, не разбирая, где женщины, где дети! Тысячи жертв – и к гадалке не ходи! – горячился профессорского вида мужчина в светлой льняной рубашке с расстегнувшейся пуговкой на брюшке. Седая аккуратная бородка; дорогие изящные очки съехали на нос, на покрасневшемся высоком лбу крупные прозрачные капли пота – несмотря на грозу, было душно. Миниатюрная подтянутая брюнетка лет пятидесяти в обтягивающих поджарую попку брючках, в легкомысленной блузке с декольте до пупа оживленно кивала, глядя на супруга с обожанием и часто затягивалась тоненькой сигареткой с ментолом.

– Машенька, дай мне свою сумочку, пожалуйста! – прервал свой монолог мужчина, и дамочка тут же с готовностью вытащила из своего маленького дизайнерского чудовища в форме раковины плоскую фляжку. Отхлебнула, впрочем, сама сначала, затем протянула фляжку супругу, тут же опустошившему никелированную емкость до дна.

– Кирилл, ты эгоист! – выдохнула Машенька безнадежно и тут же привычно погладила объемистый пузик мужа, – застегнись, Кира, а то женщин смущаешь!

Молодящиеся блондинки, стоящие рядом – подруги, должно быть – дружно хихикнули, смутились и отошли на шаг в сторону, продолжая с интересом наблюдать за потянувшейся к пароходу цепочкой туристов, хлынувших на причал как-то разом, дружно из

подъезжавших одна за другой машин. Блондинкам было, наверняка, за сорок, но форму они не теряли, выглядели ярко и, по всему видно, намеревались оттянуться в круизе во весь рост и по полной программе.

Петров, с не меньшим любопытством оглядывая поднимающихся на борт туристов, озадаченно хмыкнул про себя: «Смесь геронтологического санатория с пионерским лагерем, а не пароход! Ни одной молодой женщины без мужа! Бабушки, дедушки с внучатами, солидные родители с детьми, изредка молодые пары – молодожены в свадебном путешествии...».

Андрей Николаевич никогда не страдал излишним вниманием к женскому полу, даже жене не изменял почти ни разу за все двадцать лет супружества. Грязные негротянки по три доллара в Африке или страшные англичанки по 40 фунтов в Европе, которыми иногда не брезговали наиболее озабоченные члены экипажа, Петрова не привлекали в командировках однозначно. Но одиночество сказывалось, новый свой статус – свободного и не обремененного никем мужчины – подсознательно требовал реализации. И хотя вряд ли дело дошло бы до банальной скоротечной связи, отсутствие подходящих объектов для таковой раздражало и тревожило.

Петров отмахнулся от глупых мыслей и попытался вернуть бесшабашное настроение предвкушения праздника. «Адын, савсэм адын... Адын! Савсэм адын!!!» – вспомнил он старый анекдот про овдовевшего грузина и коротко рассмеялся вслух. Россия, совсем не забытая, как оказалось, родная и близкая, несмотря на целую жизнь, прожитую Петровым за границей... теперь уже за границей, да - да... Россия лежала перед ним, готовая открыть свои реки и озера, свои просторы и тайны. И своих людей, женщин, в том числе! Андрей Николаевич повеселел и отправился на регистрацию.

У стойки «рецепшн» бойко собирала путевки юная красавица в стилизованной морской форме. «Марина» – «морская», провозглашал к тому же бэджик на высокой груди. Ласковая, отнюдь не дежурная «европейская» улыбка озарила молодое лицо, когда она протягивала Петрову ключ от его каюты.

– Добро пожаловать на борт «Петербурга»! У вас шлюпочная палуба, два этажа вверх по главному трапу. Номер 410. Ужин

первой смены в 19 часов, ваш столик – двенадцатый, ресторан находится на средней палубе.

Красный бархат дорожек, теплый блеск натертых дубовых поручней и искры света в зеркалах, плюшевый уют диванчиков и кресел в холлах свились празднично в один маскарадный лабиринт, напомнив мимолетный уют сотен отелей, служивших когда-то пристанищем усталому «эйр крью» – экипажу воздушного судна. Петров открыл дверь своей каюты, бросил вещи на комодик в небольшом тамбуре и посмотрел на себя в большое зеркало, оказавшееся прямо напротив взгляда. На него смотрел крепкий, подтянутый, элегантный мужчина.

Андрей довольно подмигнул отражению, отодвинул портьеру, отделявшую коридорчик от каюты и огляделся. Почти как в купе СВ. Два мягких диванчика напротив друг друга, большое окно между ними. Полочки, тумбочки, холодильник, висящий прямо на стене. В тамбуре – платяной шкаф и дверь в ванную. Крохотный санузел был чистым, сантехника новой, душ наличествовал, что еще надо?

Петров с усилием потянул вниз оконное стекло, впусив в каюту влажную духоту грозового вечера. Дождик не прекращался, только стал мелким и нудным. Сквозь гул машин, несущихся по набережной, все еще отчетливо погромыхивало, и редкие вспышки молний соревновались с огнями неоновой рекламы на здании речного вокзала. Андрей мгновенно вспотел, покачал головой, закрыл окно и сделал «погромче» древний «кондишэн», укрывшийся в уголке за его диванчиком. «Своим» диванчиком он выбрал тот, что по ходу движения. По праву «первой ночи», так сказать, поскольку соседа пока на горизонте не наблюдалось. Удовлетворенно вздохнув, Петров принялся развешивать в шкаф одежду, пока не помялась в чемодане окончательно. Он порадовался предусмотрительно захваченным с собой вешалкам – в шкафу их оказалось всего две, переделся в джинсы, сменил пропотевшую майку, выбрав австралийскую, с разноцветными кенгуру, вышитыми на груди причудливым узором, и вышел на палубу – в динамиках громкой трансляции уже зазвучало давно забытое «город над вольной Невой...». Теплоход «Петербург» отправлялся в плавание.

Легкая, почти неощутимая дрожь судовой машины приятно напомнила ощущения длительного перелета. Час за часом тянут турбины тяжелый грузовой лайнер над Индийским океаном, и ни суденышка, и ни клочка земли не видно внизу – только волны, почти неразличимые с восьмикилометровой высоты. И надо попасть в середине океана на маленький коралловый остров – базу американских ВВС Диего-Гарсия. Дозаправка. Ноги размять на упругой, пластмассовой как будто траве, пнуть кокос, упавший с пальмы на дорожку; если повезет, искупаться наскоро в невесомой, прозрачной воде, прорвавшись к океану сквозь узкий проход, прорубленный в густых мангровых зарослях, окаймляющих белую подкову пляжа в лагуне. Отрубить руку по локоть размашистым жестом вслед черному треугольнику «Стеллса», прямо над головой заходящему сквозь тропическое закатное солнце на посадку, подобрать парочку настоящих раковин каури, за вывоз которых с острова полагается год тюрьмы или 20 тысяч баксов штрафа.

Как призрачна жизнь! Вот же оно, было все – и как будто не было, как будто не с тобой было. Петров уселся на носу теплохода в пластмассовое креслице, закурил, подвинув поближе высокую урну-пепельницу. Впереди и внизу, как плуг целину рассекал зеленовато-серую невскую воду белый треугольник, уже плохо различимый в ранних августовских сумерках. Среди швартовых канатов и прочего имущества ярко поблескивал на носу судна надраенный до солнечного света колокол. Андрей Николаевич еще до отхода теплохода успел разглядеть на колоколе гравировку «Леонид Ильич» и теперь усмехнулся новому названию судна – «Петербург».

Сосед по каюте так и не объявился. Это радовало, но надо было что-то предпринять, чтобы закрепить приятную неожиданность. Сунуть что ли денег кому, чтобы не подсадили пассажира где-нибудь по дороге? Петров аккуратно погасил окурок, вытолкнул себя из уютного креслица и решительно направился в радиорубку или как там у них это называется? Короче говоря, туда, откуда организатор круиза делает объявления, приглашает в ресторан очередную смену и рассказывает о проплывающих мимо городах и селах.

Андрей Николаевич не без сожаления выудил из портмоне новенькую пятитысячную банкноту и постучался в радиоузел. Через пять минут вопрос был решен к обоюдному удовлетворению сторон. Правда, пришлось поторговаться и доплатить еще, но не так уж и много по сравнению с официальной стоимостью отдельной каюты. Довольно усмехнувшись везению, Петров снова вышел на палубу и стал неспешно нарезать винтами круги по пароходу. Дойдет по своей, шлюпочной, палубе до кормы, там спустится на палубу ниже, дойдет до носа, спустится еще на этаж, потом с кормы главной палубы поднимется на среднюю, еще круг, и опять на свою – шлюпочную. Стемнело, разом вспыхнуло дежурное освещение, не праздничное, как на картинках в рекламном буклете, а просто синеватый, рассеянный свет. Теперь на самый верх, в открытый солярий. Там снова можно усесться в заветрии и перебрать в памяти всех встретившихся туристов, заслуживающих внимания. А за ужином еще ведь состоялось приятное знакомство с соседями по столу!

Молодой доцент воронежского института, с ним два богатыря-аспиранта. Раскованная, юморная, дружная компания – завсегдатаи речных круизов. Билеты заказывают заранее, со скидкой, тщательно выбирают маршрут, копят весь год деньги из своих невеликих доходов. И тут же «черепаша Тортилла» – доктор наук, член-корреспондент, острая на язык и безапелляционная старуха лет под восемьдесят. Напротив – молчаливая, вся в себе, молодая женщина роскошных рубенсовских форм – ее Петров заметил еще в очереди на посадку. Грудь и прочие приятные части тела его нынешней визави за табльдотом так и рвались наружу из обтягивающих брюк и тугой маечки. Но не грозили растечься, случись непоправимое – лопни эластичная материя, так бы и качались упруго налитые груди и ягодицы. «На любителя!» – отметил про себя Андрей Николаевич и отвернулся, уж такими плотскими были эти формы, даже желание проснулось вдруг непрошено, как у мальчишки.

Но за столом Вера (так она представилась) вела себя скромно. Едва прикоснувшись к еде, не дожидаясь десерта, она откланялась с улыбкой, но сухо.

Официанточка Ира, обслуживающая их столик, совсем ребенок – лет восемнадцать – не больше. Черные кудри волос, бледное овальное лицо, маленькая грудь под тонким батистом белой

форменной блузки, длинные стройные ноги, мелькнувшие в разрезе черной юбки. И по-взрослому опытный, чувственный голос, которым она на ухо Петрову говорила тревожаще интимно: «Пожалуйста!», – каждый раз, как он сдержанным кивком или словом благодарил девушку, подавшую очередное блюдо.

Наверное, природа потребовала своего, так внимательно оглядывал Андрей Николаевич каждую встреченную на теплоходе женщину. Расслабился? Позволил себе поверить в то, что он давно уже свободен от всех обязательств и ощутил, наконец, что ничего уже «не шевелится» при воспоминании о бывшей супруге? Или воздух влажный речной да первобытная свежесть нетронутых могучих лесов, уже потянувшихся по берегам, сменив отступивший почтительно Питер, подействовали? Или просто атмосфера круиза напоена была изначально любовным томлением? Все вместе.

Петров вдохнул сырой вкусный воздух, отодвинулся подальше в скрывающую его тень надстройки и положил ноги на ближайший пластмассовый стульчик. Замер, вслушиваясь в тишину. Сквозь негромкое рокотание машины и гул вентиляционных решеток слышался равномерный плеск воды, пароход стало заметно покачивать – вошли в Ладожское озеро.

Зазвенели чуть слышно ступеньки металлического трапа, кто-то поднимался на пустынную верхнюю палубу. Нетрезвое мужское пыхтенье, мягкий, частый, вкрадчивый женский шаг, запах чистых фруктовых духов и грубый – дешевого коньяка, – два силуэта прорезались в лунном свете неподалеку от скрытого тенью Петрова.

Затяжной «голливудский» поцелуй; огромная, мертвенно-белая на фоне черной короткой юбки, мужская ладонь мнет молодое тело, залезает нетерпеливо под легкую ткань, задирая ее наверх, мелькает на мгновение в свете полной луны красиво очерченная голая попка, едва прорезанная узкой полоской «стрингов». И тут вдруг мужская рука дергается, как будто током ударила ее женская плоть, и обмякает вяло. Грузная тень медленно опускается на палубу, превращаясь в неопрятный бугор, как будто холмик земли насыпали прямо на палубе солярия. Гротескно, утрированно стройная и сексуальная, как из рисованного порно, фигурка изящно наклоняется над обмякшим, дернувшимся на прощанье длинной ногою мужчиной; тонкая рука обшаривает карманы пиджака, что-то находит и девушка (женщина? ниндзя из гонконгского фильма?)

легким шагом скрывается в ночи, спустившись по трапу другого борта.

Петров заметил, что затаил дыхание и тут же полной грудью длинно вдохнул внезапно разреженный теплый воздух. Окурок, спрятанный огоньком в ладонь, догорел почти до фильтра. Андрей Николаевич аккуратно затушил его в пепельнице, а то, что осталось – выщелкнул, поморщившись от такого безобразия, за борт.

Теплоход уверенно и почти бесшумно пёр по глади притихшего озера. Мобильник, укрытый от чужих глаз отворотом пиджака (зачем?) коротко пискнул, мигнул и показал время: 23. 32.

Петров решительно поднялся и пошел к тому, что... упало... на дальнем конце солярия. «Девятнадцать», – зачем-то сосчитал он про себя шаги. Перед ним лежал на спине, широко раскинув ноги и неловко подмяв под себя левую руку, пожалуй, что... труп. Андрей присел на корточки рядом, вытащил телефон и откинул крышку, пытаясь увидеть при синем неверном свете мобильного признаки жизни в небритом мясистом лице. Пустые, мертвые черные глаза смотрели куда-то вбок, застыв навсегда. Мощная волосатая грудь в расстегнутой под вельветовым пиджаком белой сорочке не двигалась. С левой стороны, там, где обычно носят бумажник, пиджак был отдернут, почти снят с плеча. Во внутреннем кармане, сразу видно, было пусто. На левую руку мужчина, видимо, упал, подвернув ее под себя, но ему не было, ни неудобно, ни больно теперь. Правая рука раскинулась на палубе, кулак был крепко сжат. Ни раны на теле, ни лужи крови под ним, как уже мерещилось Петрову, не было.

Петров захлопнул телефон, выпрямился и осмотрелся вокруг. На верхней палубе по-прежнему никого. Снизу, из диско-бара, слегка доносился при порыве ветра красивый глубокий женский голос:

*«Как много лет во мне любовь спала,
Мне это слово ни о чем не говорило,
Любовь таилась в глубине, она ждала,
И вот проснулась и глаза свои открыла...».*

Андрей перешел на другой борт, перегнулся через поручень и посмотрел вниз, в ту сторону, куда скрылось сексуальное привидение. Там было пусто. Он вернулся к надстройке

капитанского мостика, хотел было перешагнуть через цепочку, перегораживавшую туристам проход к вахте, подумал в нерешительности секунд пять, развернулся и тихо спустился по трапу на шлюпочную палубу. Из окон диско-бара вылетали разноцветные лучики, и уже громко слышен был чувственный голос певицы:

*«И вся планета распахнулась для меня,
И эта радость будто солнце не остынет,
Не сможешь ты уйти от этого огня,
Не спрячешься, не скроешься,
Любовь тебя настигнет...»!*

Голос вместе с музыкой взлетел на волне высокой ноты и оборвался. В окно видно было, как юная певица поникла длинным телом, тесно и страстно охваченным вишневым шелком, как встряхнула волнистыми каштановыми локонами, как прижала микрофон к всколыхнувшейся груди и словно перед последним поцелуем разомкнула чуть губы, медленно выдохнув еще раз первую строчку, пропев лишь одно последнее слово: «Как много лет во мне любовь спа-а-ла...».

Петров отшатнулся от окна, подошел к открытой двери в холл перед диско-баром и закурил. Вспыхнула овация. Выбежала со сцены и скрылась в коридоре, ведущем к каютам... Ассоль из забытого детского фильма... нет, Марина, администратор Марина это была! – с удивлением отметил про себя Андрей.

Народ потянулся из бара на палубу – подышать воздухом. Вот и знакомые лица: доцент со своими аспирантами. Они весело поприветствовали соседа по столу, стали закуривать. Петров, подшучивая над «тремя богатырями», предложил подняться на верхнюю – «солнечную» – палубу: «Там, наверное, вид открывается замечательный, зарницы играют на небе, где-то гроза все еще идет...».

Аспиранты – Дима с Ильей – первыми, в одно мгновение вознеслись по трапу, пробежались по палубе, отыскивая всем кресла, подвигая их к борту, шумно ликуя открывшейся красоте. Петров пропустил вперед доцента Славу и теперь ждал восклица, удивленного крика, испуга... Ничего этого не было.

Поднявшись в солярий вслед за доцентом, Андрей Николаевич рассеянно огляделся, как бы привыкая к темноте, потом только позволил себе кинуть пристальный взгляд туда, где должно было лежать, остывая, бывшее «лицо кавказской национальности», – и ничего не обнаружил. Ни единого следа. Зато у другого борта, вместе с аспирантами, покуривали, мерцая в полутьме сигаретками и угощаясь из литровой лимонадной бутылки разбодяженным в ней ребятами спиртом – два незнакомых силуэта. Общительный Слава – Вячеслав Юрьевич, точнее, тут же и Петрова представил туристам из соседней с ним каюты.

– Муравьев Анатолий, можно Толя! – радостно, как старому знакомому, потряс Петрову руку, сияя гардемарино-харатьяновской улыбкой, высокий широкоплечий блондин в щегольском белосинем клубном пиджаке морского покроя.

– Анчаров Саша, – жестко стиснул сухими пальцами ладонь Андрея невысокий, смуглый – восточного типа человек с черной кудрявой шапкой волос на голове. Темная строгая рубашка и такие же брюки на нем сливались со сгустившейся ночью.

– Коктейль «Слеза комсомолки» не желаете? – дружелюбно предложил Петрову новый знакомец.

– Я бы сейчас и от «Поцелуй тёти Клавы» не отказался, – пробормотал озадаченный своими мыслями Петров.

– ... он же «Поцелуй без любви», он же «Поцелуй насильно данный»! – весело подхватил тему блондин. – Сожалею, на борту нашей яхты проблемы с «Розовым крепким». Зато спирт медицинский со «Спрайтом» рекой льется!

Аспиранты дружно захохотали, услышав, наконец, знакомые слова.

Андрей машинально принял в руку полный пластмассовый стаканчик и разом замахнул до дна желтоватую обжигающую жидкость, едва удержавшись, чтобы не посмотреть опять в тот конец палубы, где *должен* был валяться труп кавказского человека.

– Поцелуй насильно данный? Может быть, может быть...

Глава третья

Свирь неожиданно оказалась рекой мощной, прозрачно-синей, широкой. Оттолкнувшись от теплохода, волна набегала на чистейший рыжий песок у подножия высокого берега, разбивалась о корни деревьев и, отпрянув, набиралась силы и смелости – снова и снова омывала освещенные косым утренним солнцем укромные пляжи. Но видно было сверху, с палубы теплохода – спуститься к реке, к этой страстной городской мечте, к этим заветным местам для купания нагишом, – со стороны леса просто невозможно. За тонкими белыми березками, окаймлявшими песчаные бухточки, стеной, могучим частоколом вздымался густой непролазный ельник.

Андрей Николаевич успел выспаться, размяться, принять душ, сгонять на главную палубу за кипятком и заварить себе большую кружку крепкого кофе. Половинка кружочка лимона плавала месяцем в горячем тумане черного глянца. Петров осторожно отхлебнул кофе, зажмурился, поставил кружку на столик, стоящий рядом, бросил туда же пачку сигарет и уселся в кресло, вертя в руках зажигалку, оттягивая сладостный момент первой утренней затяжки. Туристы еще спали, утомленные веселой ночью на белом круизном теплоходе. Из диско-бара расходились за полночь, потом еще долго сидели, видимо, по каютам – делились впечатлениями. У Петрова впечатлений тоже было выше крыши, однако и привычка к стрессам у бортрадиста еще сохранилась. А потому спал он все равно крепко и поднялся рано. При свете солнца, да еще такой красоте вокруг, неприятные мысли быстро развеялись поначалу.

– А был ли мальчик? – спросил сам себя Андрей и усмехнулся иронически, вспомнив стокилограммовую тушу кавказской национальности, на его глазах тяжело рухнувшую вчера на палубу.

– Да, «мальчик», конечно, – это сильно сказано... С другой стороны, а кто скажет, что это девочка?

Шутка получилась довольно натянутой. Но лучше отшутиться, чем впасть в панику, поднимать шум и устраивать капитану теплохода сцену с нервическим заламыванием рук и прочими театральными жестами. В конце концов, сначала мальчик был, а потом... потом мальчика уже никакого не было. То, что мальчик *был*, видели только Петров и неуловимое сексуальное привидение в мини-юбке. А вот то, что мальчика *не было* – это и доцент с

аспирантами, и мужики эти – Саша с Толей, что там стояли на Солнечной палубе, ночью уже, подтвердят любому следователю. Или даже психиатру. Не хватало только санитаров в студии, то есть на борту, конечно. «А ведь вызовут санитаров на ближайшей стоянке и кончится для меня круиз однозначно», – резюмировал Андрей Николаевич невесело и закурил, не испытав вовсе никакого удовольствия. Да и кофе за размышлениями остыл.

– А свидетеля уберут, согласно классике жанра, – продолжал Петров беседовать сам с собой...

– А кто у нас свидетель?

– А свидетель у нас я.

– А есть ли свидетели тому, что я свидетель?

– А вот этого я не знаю. Но именно от ответа на этот вопрос зависит мое дальнейшее поведение и настроение. Нет свидетелей того, что я свидетель – живу тихо и счастливо, потому что ничего не видел, ничего не слышал и ничего никому не скажу.

Что там случилось на самом деле с похотливым кавказцем – меня совершенно не интересует, пусть это волнует его горячих родственников. Дома надо сидеть, за Большим Кавказским хребтом, а не рассекать на пароходах по Руси-матушке. И не лапать наших девушек.

–А вот если кто-то видел, что я видел, то тогда... То тогда мне тем более надо совершенно искренне показывать всем своим видом, что я никакого внимания обращать на печальный инцидент не собираюсь, в голову его не беру, шум поднимать не буду и вообще – я тут отдыхаю и больше меня ничто абсолютно не интересует. То есть, при всех раскладах единственный выход у меня: жить и радоваться. Можно еще, конечно, тихо слинять с парохода при первой возможности, но вот как раз это будет самым неразумным в любом случае. И путешествие сорвется, и деньги пропадут. И настроение испорчено, а главное, подозрений куда больше вызовет мое внезапное исчезновение. А уж найти человека в наше время сплошной компьютеризации баз данных и абсолютной продажности чиновных лиц, базы данных сохраняющих...

– Ну, так что, Андрей Николаевич? Радуетесь жизни?

– Однозначно! Тем более, что кирпич на голову все равно неожиданно свалиться может, и никакой страховой полис от этого не спасет.

Петров облегченно затянулся крепким дымком, затушил сигарету, приветственно покивал головой проходящей мимо пожилой парочке в шортах и отправился в ресторан на завтрак.

~~~~~

В это же самое время на нижней палубе теплохода «Петербург», в скромной трехместной каюте без удобств, с одним круглым иллюминатором чуть выше ватерлинии, слова вылетали, скрещиваясь очередями «дружественного» огня.

–Толян, ты вообще отмороженный на голову стал, ты это-то хоть замечаешь за собой? – Анчаров, жилистый поджарый узбек с роскошной шапкой черных с ранней проседью волос, сидел на своем диванчике в одних боксерских трусах. Не сидел, нет, ёрзал, еле сдерживаясь, чтобы не соскочить с места и не заорать во весь голос. Но орать было нельзя и потому Саня шептал еле слышно, но с такой экспрессией, что и вправду, похоже было на крик. Массивный серебряный крест на черном гайтане раскачивался на груди, мокрой еще, в капельках воды из общего для нижней палубы душа. Мокрое полотенце в руке взлетело в воздух и не больно, но обидно хлопнуло по голой коленке высокого плечистого блондина-красавца.

–Это что еще за жесты, майор? – Муравьев цепко перехватил худую волосатую руку своей клешней и потянул на себя. Легонький Анчаров чуть не слетел на пол, но тут же, ловким движением кисти в сторону большого пальца захватившей его могучей ладони, без особого усилия выдернул руку и выпрямился, смешно нависнув пружинистой фигуркой над собеседником.

–Виноват, товарищ подполковник, вспылел, исправлюсь, – иронически протянул майор, успокаиваясь. – Нет, ну, в самом деле, Толя! А вдруг кто-то видел, как мы это тело за борт опускали? Он же живой еще был, наверняка, вдруг очнулся в воде и выплыл?

– Да что ты меня за идиота держишь, Саня?! Не оставалось другого выхода, быстро все делать надо было – быстро! Время

принятия решения и... концы в воду, – неловко скаламбурил Муравьев и нахмурился, задумавшись.

– Ага, летчик недоделанный! А взрывчатка эта – последняя? А «грызун» этот – один здесь был?

– Вертолетчик я, Саня, да и то, в другой жизни, уж 20 лет прошло, не вспоминай лучше, – снова вздохнул Толян. – Сумку со взрывчаткой мы к телу привязали, так что всплывут они вместе вряд ли – тяжелая сумка – килограммов сорок, не меньше. А уж выплыть тем более невозможно, даже если он и очнулся, что маловероятно.

– Час от часу не легче! Я ж тебе говорил: зачем все вещдоки топить?! В случае чего хоть взрывчатку бы предъявили, да оружие его, а теперь вообще ничего нет...

– А держать все это добро на теплоходе, на котором одних туристов три с половиной сотни человек? А если все же он не один был? А если взрыватель в сумке установлен уже на время? Или ты взрывотехник, чтобы всю сумку вскрывать и перекладывать? А если бы мы взрывчатку и оружие при себе оставили, то, как бы ты доказывал, в случае чего, что это не *наши* игрушки?

– А предъявят тебе обвинение в убийстве, что ты предъявишь? Корочки МГБ Приднестровья? Это тебе не Бендеры и не Рыбница, Толя! Съездили в отпуск, называется! Отдохнули! – Анчаров сокрушенно нокаутировал тощую подушку и стал натягивать джинсы.

– Ладно, Санек, не ори, сам не знаю, как ввязался. Ты же ведь мне девицу эту с инфой подставил, между прочим! Вот сам бы и разрабатывал её, в одиночку! А то, как шуры-муры разводить, так ты, а как твоих девочек из неприятных ситуаций вытаскивать, так я. Ты бы лучше сдал их обоих тихонько в Лодейном поле в ФСБ или в милицию и все – наше дело сторона!

– Ага! В ФСБ... В АБВГДэ! Есть она там, в этом Мухосранске районном, ФСБ вообще? А в милицию сельскую, к этим дуболомам местным, чтобы они из нас, как румыны в 92-м, дубинками показания с зубами вместе выбивали... Иди ты, Толя, лучше, купи билет до Риги!

– Так что тогда ты от меня хотел? А если бы эта скотина рванула пароход, не дожидаясь, пока мы его сдадим, куда следует? Война идет, Саня, с Грузией, нормальная такая война, если ты еще не в курсе, понял?!

– Ёкарный бабай, да мы-то тут причем?

– Да что ты, как не русский в самом-то деле, – начал заводиться уже и Муравьев. – Тебя, что, эта война не касается? – он посмотрел удивленно на хмыкнувшего узбека и сам засмеялся.

– Русский, русский, только глаз немного узкий, – проворчал примирительно Анчаров. – Что делать-то будем, командир?

– Завтракать! – решительно и громко, устав шептаться, ответил Толян. – А потом отдохнуть, как все туристы. Авось пронесет. Только ты Глафиру эту свою после завтрака к нам пригласи на чашку... коньяку, что ли. Надо поговорить. Она теперь наш единственный свидетель.

– После завтрака сразу стоянка, экскурсия в монастырь, не успеем!

– Успеем! У нас первая смена. Пока еще вторая смена позавтракает, пока автобусы подадут – надо успеть! Чтобы больше сюрпризов не было. Эям, драугс, уз брокасти!

– Ей ту дырса, латвиетис хренов!

(-Пошли, друг, на завтрак!

-Иди в задницу, латыш... лат.)

~~~~~

В глубоком омуте, зацепившись крепко-накрепко за ушедшую на дно Свири полусгнившую березу, плавно покачивался в медленной воде еще не успевший безобразно раздуться московский грузин Давид Гугунава, проходивший большую часть своей беспорядочной жизни под кличкой Жеребец.

Огромный старый сом, длинноусый, черный, почти незаметный в темной на дне реке, застыл рядом, осторожно выжидая – не опасен ли неожиданный пришелец? Увесистая дорожная сумка из крепкой кожи была прикреплена надежно через ручки к брючному ремню утопленника и тянула его большое тело еще ниже, в самую пучину. Но Давид уже застрял в крепких сучках окаменевшего дерева и не поддавался. А в сумке, набитой запечатанными пластиковыми пакетами с белым порошком, водонепроницаемый

взрыватель израильского производства тихо отсчитывал в своих электронных потрохах время. По расчетам Жеребца сумка, оставленная им в каюте на нижней палубе, под кроватью, то есть уже практически ниже ватерлинии, должна была взорваться или в первом шлюзе, или сразу после выхода из него, в Онежском озере.

Гугунаву неподалеку от Свято-Троицкого монастыря ждала машина, на которой он рассчитывал уехать в Москву, не возвращаясь на обреченный теплоход. Таких, как Давид, было несколько человек, рассредоточившихся по всей России – от Владивостока до Питера. А почему ни у кого из них так ничего и не получилось, знают лишь Господь Бог, случай да Федеральная Служба Безопасности.

~~~~~

Петров улыбчиво поздоровался с доцентом Славой и его аспирантами, подмигнул заспанной Верочке, скептически оглядывавшей сервировку стола, подвинул стул и усадил заботливо престарелую профессоршу, рассыпавшуюся в его адрес витиеватыми благодарностями. Кормили в ресторане вполне прилично. Кофе, правда, бурда, но все остальное было съедобно. Ирочка, меняя приборы, бесшумно появляясь из-за спины Петрова, в ответ на его вежливый кивок все так же чувственно шептала ему прямо в ухо глубоким низким голосом: «Пожалуйста!». А он с удовольствием провожал взглядом ее черные вьющиеся локоны, худые стройные ноги в высоком разрезе форменной длинной юбки, следил за покачиванием гибкого девичьего стана.

Верочка перехватила взгляд Андрея, усмехнулась полными губами, повела налитыми грудями в тонком свитерке и еще прямее выгнула спину. Все в приподнятом настроении, все шутят, обмениваются любезностями, продолжают едва начавшееся вчера за ужином знакомство.

Черепаша Тортилла, смакуя красиво размазанное по десертной тарелке химическое пирожное (Петров с Верой, перемигнувшись, отдали ей свои порции приторной польской дряни) рассказывала что-то о пользе включения России в Болонский процесс. Доцент Слава вежливо спорил, молодые люди помалкивали, а Петров

внезапно ожесточился и высказал все, что он думает по поводу западной системы образования и предательского по отношению к нашей молодежи копирования западных схем этим Профурсенко или как там его на самом деле звать. Не обошлось и без споров по поводу ЕГЭ. Восемидесятилетняя доктор наук оказалась к всеобщему удивлению ярой защитницей всех нововведений. В ходе короткой, но оживленной дискуссии выяснилось, что пожилая дама имеет немало преференций от такой позиции – и приглашения регулярные за рубеж, и гранты, и даже этот тур на теплоходе ей оплатила неправительственная научная организация с головной конторой в Лондоне.

Слава с Петровым понимающе переглянулись и быстренько свернули спор, откланявшись и оставив старуху доедать халявные пирожные.

– Доктор наук, академик, жизнь прожил человек, и она не понимает, *что* поддерживает?! – остановившись в холле воскликнул Петров.

– Андрей Николаевич... – укоризненно протянул молодой доцент из Воронежа. – Да они там, в обеих столицах, душу дьяволу продадут, не то, что студентов и школьников! Вы думали в России все не так, как в свихнувшихся прибалтийских республиках? Да так же слепо копируют все западное. Да и не слепо, а просто за деньги, за карьеру, за научные звания торгуют родиной еще почище ваших эстонцев.

– Грустно как-то. Я ведь и в круиз этот пошел не столько для того, чтобы на берега поглазеть, сколько с людьми живыми пообщаться, пощупать, чем живет страна наша. Я ведь в России так давно не был, сказать по правде, что ничего не понимаю сейчас ни в людях, ни во власти нынешней, ни в чем.

– Ну, это у вас быстро пройдет, – коротко хохотнул доцент. – Учитесь не принимать близко к сердцу нашу действительность – вам теперь в ней жить придется.

– Да я не боюсь, – отмахнулся рукой Петров. – Дома и стены помогают, свое дерьмо не пахнет, а чужого я уже нанюхался вдосталь. Бывало хуже, поверьте. Знаете, как мясо будет по-эстонски? – «Лиха»! Вот в 91–м у нас сначала посмеивались, каламбурили: «Почем фунт лиха?». А потом узнали. А теперь я, похоже, очень вовремя спрыгнул с палубы фашистского кораблика. Запас прочности кончился – все советское разворовали, скоро

Прибалтика ко дну пойдет. Но не потому, конечно, я в Россию вернулся, чтобы просто спастись. А домой вдруг потянуло. Хочу остаток жизни прожить по-человечески!

– Это в России-то? По-человечески?! Впрочем, все познается в сравнении, я из Питера в Воронеж возвращаюсь и сразу про это вспоминаю. Дома, конечно, лучше. Даже, когда хуже. Пойдемте собираться, скоро экскурсия начнется.

~~~~~

Отправив Анчарова завтракать, Толян выждал, пока опустеет их нижняя палуба и вошел в каюту, в которой уже пришлось побывать этой ночью в поисках сумки со взрывчаткой. Он небрежно разворошил и снова заправил так и не разобранный кавказцем постель, собрал в пластиковый мешок оставшиеся в каюте мелочи – легкую курточку, бейсболку, туалетные принадлежности, початую бутылку вина. Сполоснул стакан, помыл пепельницу, протер всё аккуратно полотенцем. Задернул шторку на иллюминаторе, еще раз внимательно огляделся и вышел, оставив ключ на столике. Как и не было тут никого. Спрятал мешочек с вещичками в своей каюте – до вечера, потом пусть отправляется в воду, вслед за хозяином. Нет! Опасно. По дороге на экскурсию отправим в самый запущенный мусорник! Беззаботно насвистывая «Прощание славянки», Муравьев отправился на завтрак, догонять Анчарова.

Теплоход уже пришвартовался к пристани. Подполковник заметил в холле перед рестораном доцента – соседа по нижней палубе. Тот внимательно слушал вчерашнего нового знакомого – Петрова. Муравьев поздоровался и спросил мимоходом Славу – не видел ли тот, куда это «ломанулся» с вещами на пристань грузин из каюты напротив? Может, случилось что? Тот недоуменно пожал плечами. Но когда через полчаса горничная, приступившая к уборке, спросила доцента, а где же сосед, тот ответил ей, что грузина видели покидающим теплоход с вещами. Больше о кавказце никто и не спрашивал. Бывает. Круиз ведь, по сути, только начался, никто еще не успел примелькаться туристам и персоналу настолько, чтобы о нем тревожились.

За столом приднестровцев в ресторане питались, кроме них, только две девушки-студентки, девушки, жизнь повидать успевшие

во всех ее разнообразных аспектах. Не заметить этого в девушках опытным операм было невозможно. Девушки, впрочем, тоже были не дурочки и сразу предположили в двух подтянутых холостяках, сидящих напротив, причастность к милиции или еще чего хуже.

Бывшим рижским омовцам, а ныне офицерам госбезопасности Приднестровья маскироваться в России нужды не было, но и афишировать свой род занятий они тоже не стали, отшутились, что любят боевики и детективы, а потому так похожи на героев Флеминга и Константинова одновременно. Тем не менее, вчерашнее знакомство за ужином превратилось поначалу в подобие «разведки-боем».

Глафира, несмотря на редкое русское имя, выглядела суперсовременно и очень сексапильно. Есть такие женщины, каждое невинное движение которых воспринимается мужчинами как часть любовной игры, близкой к завершению и готовой начаться немедленно снова. Темная шатенка, невысокая, с очень женственной и вместе с тем спортивной фигуркой... как из танцев на льду. Модельная, не очень короткая фантазийная стрижка от дорогого мастера, почти никакой косметики на выразительном лице. Черные, как лесные озера, глаза, аккуратный носик, пухлые в меру губки, изящное ушко обнажено с одной стороны – в нем сережка искусной работы – неброская, серебряная. И кольца, браслеты – много еще серебра на загорелых обнаженных руках, все ручной работы, все русское. Тонкая белая блузочка на крепкой груди, мини-юбка – не то вызывающе, не то по-домашнему скромно, сразу и не поймешь. А голос, голос такой, каких в столицах больше не услышишь: певучий, живой, играющий интонацией в каждом слове. Толян вчера даже засомневался первому впечатлению, ну нет, не может такое чудо быть питерской студенткой, да еще, как пить дать, с журфака!

И сразу же выдал старый тестовый анекдот, разыгрывая рубаху-парня и ухаря:

– А вот еще, мой любимый!

Просит Айседора Сережу купить ей шарфик.

– Сережа, как нравится мне этот шарфик!

Месяц просит. Надоело Сереже. Купил:

– Да задавись ты своим шарфиком!

Глафира сморщила чуть брезгливо носик, но потом все же прыснула по-детски в ладошку, утерла выступившие слезинки на

сверкнувших лукаво глазах. Ее подружка – Даша, красивая, но безликая Барби, даже не улыбнулась, лишь отметила деловито:

– Брутальный анекдотец, однако. Но в тему. Не парьтесь, господа офицеры, мы на отдыхе. Так что вы, вместе со своими кошельками, в полной безопасности.

– Грубо, Дашка! – не одобрила подругу Глафира.

– Не грубо, а опять же, брутально, под стать анекдоту. Ты что, не видишь, господа проверяют наш общекультурный уровень. То есть, опять-таки, грубят.

Анчаров недоуменно переводил черные насторожившиеся глаза с Глафиры на Муравьева. А тот с явным удовольствием наблюдал за девушками, проявившими все же свои характеры. Пусть наигран их диалог, но и в характере игры всегда можно уловить... характер.

– «Брутально» и «грубо» – это, Санек, считай, то же самое, что монопенисуально и одно...фигственно, – в последний момент Толян удержался от явной грубости. – Это теперь уже девушки нас с тобой проверяют на выдержку, нас – невинных тружеников конторского труда, типичных представителей офисного планктона – прожигателей жизни в кредит и лизинг.

– Ой-ой-ой! – покачала головой Глафира. – Насчет *конторского* труда я еще поверю, а вот насчет планктона вряд ли.

– Те еще акулы, – поддакнула Даша, не забывая с аппетитом уминать омлет с ветчиной, без церемоний закусывая его двойным бутербродом с сыром и колбасой, сооруженным ею из находящихся на столе холодных закусок.

– Откуда ж вы такие бойкие, подружки? – поинтересовался простоватый с виду Санек. – Такие начитанные из прошлой советской жизни с ее «конторами глубокого бурения». И такие свеженькие, удивительно русские красавицы! В Питере таких явно не водится.

– А мы разве притворялись петербурженками? – обиженно протянула Глафира. – Костромичанки мы. А в Петербурге учимся. На журфаке в Университете профсоюзов. А вы нас, как я посмотрю, за девушек легкого поведения приняли? Так это Дашка придуривается. Терпеть не может, когда на нее *так* смотрят.

– А разве мы *так* смотрим? – искренне удивился Муравьев. – Извините, барышни, круиз попутал! Примите наши с Сашей искренние.... Э-эээ...

– Соболезнования?! – как из пулемета выдала Даша с набитым ртом. – За то, что мы не *эти*, а вовсе даже те?

Тут уж даже Муравьев смутился. Саша поперхнулся, а Глафира улыбнулась ясно и сразу примирила всех одной фразой:

– Пожалуйста! Не сердитесь, и мы не сердимся, и зовите меня просто Глаша. Глаша и Даша, куда уж проще! Только на брудершафт даже и не намекайте! Студентки не пьют, журналистки – тем более!

Все захохотали дружно, неловкость, возникшая было между собеседниками, сразу испарилась куда-то, а тут и чай подоспел.

Даша отсмеялась и сразу превратилась неожиданно из Барби в милую воспитанную отличницу, если уж и не комсомолку, то старосту группы.

– Вы уж простите, мальчики, да только неудобно как-то вас величать без отчества («мальчики-то нам с Глашей в отцы годятся!») – театрально сделала она вслух ремарку в сторону).

Мужчины вежливо приподнялись.

– Анатолий Александрович!

– Александр Алишерович!

Познакомились поближе, отношения стали выстраиваться доверительные, просто товарищеские, без липкого сексуального подтекста, ведь и в самом деле, «солдат ребенка не обидит», как не преминул заметить строго подполковник майору, отведя его покурить в сторонку от прогуливавшихся на палубе студенток.

Вечер оказался длинным *вчера*. Посидели вместе в баре «Панорама», попили кофе, послушали живую музыку, не забывая поглядывать в огромные окна на сгустившуюся за бортом ночь – вышли уже в Ладожское озеро. Потом девушки отправились переодеться, чтобы идти потанцевать в диско-баре. А Толя с Сашей взяли в каюте днестровский, родной уже, коньяк, сели со стаканчиками на корме. Дышали озерной свежестью, смотрели на звезды, радовались редкому летнему отпуску. Специально уехали в Россию, да еще и в круиз, чтобы не выдернуло начальство на службу.

Тут и нашла их встревоженная Даша.

– Пойдемте скорее к нам! Очень прошу, ну пожалуйста! Глафира после дискотеки что-то учудила, бьется в истерике в каюте, ничего не рассказывает, только ревет как белуга! Помогите, очень прошу, больше никому!

Глава четвертая

... Муравьев, подчистив каюту грузина и закинув встретившемуся по дороге доценту версию о том, что кавказец только что внезапно покинул теплоход, вошел в ресторан. Солнце играло зайчиками на столовых приборах, отражалось лучиками в зеркалах, смеялось вместе со свежим ветерком в колышущемся тюле занавесок на приоткрытых панорамных окнах. Река мягко, почти неощутимо покачивала пришвартованный к пристани теплоход. Празднично блестели глаза туристов, спешивших поскорее позавтракать и тут же бежать на берег: фотографировать, покупать сувениры, гулять, дышать, да просто посмотреть снаружи на свой красавец «Петербург» – как выглядит он на воде в утреннем солнечном свете?

Анчаров сидел за столом один и вяло ковырялся в салате. Девушки на завтрак так и не пришли.

~~~~~

Приятный женский голос пригласил по трансляции вторую смену на завтрак и начал рассказывать об Александре Свирском, и о чудесном явлении ему Святой Троицы. Петров уже собрался на выход, но поскольку на пристани делать было явно нечего, а автобусы подадут еще через полчаса, не раньше, отправился наудачу в «Панораму», а вдруг бар уже открыт?

Не только открыт был бар, но и большая плазменная панель работала на полную громкость; политически грамотная часть туристов сгрудилась за ближайшими к панели столиками и напряженно внимала тревожному голосу дикторши, перемежаемому артиллерийской канонадой, короткими пулеметными очередями, стонами, женским воем и детским плачем синхрона.

Андрей Николаевич пошлепал по барной стойке пухлым портмоне, привлекая внимание широкоплечего красавца бармена, впившегося в экран вместе с ранними посетителями. Никто ничего пока не заказывал – большинство туристов сбежались на знакомый

телевизионный голос – новости с фронта посмотреть перед беззаботным экскурсионным днем. Дмитрий (так значилось на прикрепленной к белоснежной рубашке бармена карточке) нехотя, но вежливо повернулся к Петрову, одним ухом в телевизоре, другим к клиенту.

Андрей заказал «американо» без сахара, но с лимоном и бутылочку «Перье». Устроился удобно в дальнем углу бара, у панорамного большого окна, попробовал кофе – не высший класс, но терпимо – и закурил, поглядывая на воду, на чаек, на легкие, белесоватые облака. День обещал быть жарким. За соседним столиком присела уже знакомая пара – высокий лысоватый «профессор» с пузиком и его молодящаяся супруга-брюнетка. Вот они-то, несмотря на ранний час, сразу потребовали у Димы освежающий коктейль с мятой, дружно закурили, дружно отпили по большому глотку из затейливо изукрашенных барменом фужеров, одновременно вытащили белоснежные платочки и стали утирать мгновенно вспотевшие от алкоголя лица, продолжая свой бесконечный диалог:

– Нет, Кира, ты только посмотри, что западные СМИ творят! Они ведь лгут, совершенно по-геббельсовски лгут, начиная со вчерашнего дня! Вот ты все время говоришь, что нашей прессе надо брать пример с объективности и оперативности мировых информационных агентств, но ведь они лгут, совершенно бессовестно лгут! Лгут, лгут, лгут! – изящная для своих лет дамочка для усиления фразы трижды энергично проткнула воздух длинной тонкой сигаретой, с которой тут же соскочили и устремились вверх три совершенно ровных сиреневых колечка.

Кира привычным жестом расстегнул на мохнатой седой груди льняную, уже промокшую от пота рубашку и жадно прикончил «Мохито». Затушил раздраженно окурок, закурил новую сигарету, рассерженно меча молнии сквозь элегантный блеск модных очков и... смолчал обескуражено. Петров даже улыбнулся про себя, у бедного профессора был вид человека, внезапно потерявшего веру в человечество. Новостной выпуск закончился, бармен переключил спутник на музыкальный канал, но бар тут же опустел, никто не торопился заказывать дорогой кофе или спиртное с ресторанной наценкой. Новости посмотрели и ушли на пристань, даже не обсуждая между собой увиденное. Никто еще не успел

перезнакомиться толком, и боялись, наверное, люди перед незнакомой публикой сказать, что думают о войне на самом-то деле.

Только смуглый мужчина средних лет, совершенно не похожий на обычно развязных кавказцев, но, чувствовалось все же, что не русский, так и остался сидеть, уйдя в себя, перед плазменной панелью, по которой уже энергично скакала подтанцовка известной певицы. В проходе, не заходя в бар, стояла очень красивая молодая женщина славянской внешности с двумя маленькими копиями своего нерусского мужа. Они все вместе смотрели на мужчину терпеливо, понимающе, с уважением и сочувствием и видно было, что ни мальчикам, ни жене даже в голову не пришло бы никогда, что можно нетерпеливо позвать мужа или отца на пристань, или даже выругать, выразить свое неудовольствие, как это у нас часто бывает! «Что ты сидишь, все уже занимают места в автобусах, а мы как всегда последние!». Или что-нибудь вроде того...

Дима, подошедший к Петрову поменять пепельницу, тихонько сказал:

– Осетин. Их у нас две семьи на пароходе. Одна наша, из Северной Осетии, а эти оттуда – из Цхинвала. Весь вечер вчера у телевизора просидели с бутылкой водки в Приват-баре. Мужчины, конечно, с женами у них строго, хотя жены у обоих русские. У нас то вечером живая музыка, вы же были вчера... – Петров рассеянно кивнул головой.

Он нарочно отвернулся от экрана, старался не слушать, о чем говорит диктор, не обращать внимания на болтовню пожилых детей – Киры с Машенькой.

– Не хочу! Не хочу ничего знать! Не хочу ничего вспоминать...

Много лет отработав воздушным извозчиком на чужих войнах и гуманитарных катастрофах, Андрей просто физически заболел от одной только возможности увидеть все это *дома*. В Эстонии – черт с ней! Там было временное пристанище. Там было место для ночлега, просто отель, да еще с изуверской администрацией. Он всегда это чувствовал, но понял это про себя досконально, только вернувшись в Россию. Обживая маленькую квартирку в Петербурге, делая ремонт, переругиваясь беззлобно с грузчиками и мастерами, продавцами и офицерами ФМС, обзаводясь документами и страховками, посещая в первый раз *свою* поликлинику и *свое* отделение милиции, Петров как-то очень быстро решил для себя:

«Я здесь буду просто *жить!* Я полюблю, я заведу, наконец, детей, я построю дачу и баню, я научусь смотреть футбол и хоккей, я буду ходить на рыбалку и охоту, я отключу когда-нибудь Интернет, я никогда не скажу ни одного худого слова в адрес политиков, появляющихся на экране телевизора, потому что я не собираюсь *переделывать* мир, потому что я хочу только жить в этом мире и не гадить вокруг себя. А политиков я видал и похуже, гораздо хуже. И воров покруче. И я снова, как когда-то в молодости, в советское еще время, когда и Эстония была для меня кусочком родной земли, я снова стану обыкновенным законопослушным гражданином, просто обывателем, просто мещанином безо всякого дворянства! Мне уже за сорок, а я еще не жил нормальной семейной жизнью. Пока еще есть силы, я хочу понять, что это такое – лежать в трениках на диване и проверять у дочки дневник. Или у сына. Или у детей. Я ведь даже не знаю, кого я больше хочу – сына или дочь. Я знаю только, что я хочу жить, а не выживать. Я хочу сидеть дома, в своей стране, быть невыездным и не иметь заграничного паспорта. И не хочу переделывать земной мир в версию «Царствие небесное - лайт», Господи, прости и помилуй!».

~~~~~

– А ходили бы лучше строем! – весело сказал Толян, глядя с высоты шлюпочной палубы на пеструю толпу туристов, мечущихся между десятком вполне комфортабельных автобусов, въехавших на пяточок перед пристанью. На взгорке, где резко обрывался серый от старости асфальт, бородатая коза жевала кусты. А под дощатым навесом еще не успевший похмелиться мужичок продавал копченую рыбу. Муравьев вспомнил старый фильм «12 стульев» и водное путешествие Бендера с Воробьяниновым, довольно заржал, стянул с себя белую капитанскую фуражку и помахал ею переминавшимся у прилавка с рыбой Петрову и Анчарову:

– Заседание продолжается! Я требую продолжения банкета! Танцуют все! Лед тронулся, господа присяжные заседатели! – Подполковник хмыкнул, вспоминая мудреное слово «контаминация», покачал головой и неспешно спустился на пристань.

В автобус сели вместе: Петров, Муравьев и Анчаров. Расположились уютно сзади, сдали деловитой женщине-экскурсоводу посадочные талончики, одновременно подняли руки и стали крутить над головами круглые колпачки кондиционера – в салоне было жарковато. Ехали недолго. По дороге смотрели в окна, да приглядывались исподволь к туристам, с которыми предстояло провести вместе целых три недели и пройти по воде не одну тысячу километров. Счастливые лица молодоженов немного разбавили похожие друг на друга пожилые семейные пары, озабоченные, как бы не упустить чего-нибудь из положенной программы круиза – ведь такие деньги уплачены! Одиночек было мало. Эти туристы, в основном средних лет, что мужчины, что женщины, напоминали детей, поменявших за лето школы и не знающих, как же их встретит новый класс. Неуверенные, чуть заискивающие взгляды по сторонам, осторожные фразы, намекающие на желание поскорее сблизиться хоть с кем-нибудь, перестать быть одиночками. А вот у этой тетки наоборот глаза становятся колючими, чуть только кто-нибудь попробует войти с ней в контакт. Она хочет только одного, чтобы никто ее не трогал до конца путешествия. А в душе надеется... Но случится так, что понравится кто-то, она никогда не позволит себе даже необязательных приятельских отношений.

А вот прибалтненый мужичок из провинции. Новые, колом стоящие джинсы, белая костюмная сорочка, нелепый галстук и серая льняная кепка, блином прилипшая к коротким русым вихрам, странно смотрящимся над татарским лицом. Коренастый, мускулистый, энергия так и прет наружу, только нехорошая энергия – стремящаяся подавить, подмять окружающих мужиков, произведя этим впечатление на женщин. Как попало на теплоход «Петербург» это чудо в кепке, совершенно непонятно. Чуть ли не в танце, почти как Майкл Джексон, мужичок прошелся по узкому проходу между кресел, не забывая церемонно-презрительно цедить: «Из-з-виняйте...». И остановился перед компанией, сидящей на последнем, широком диване.

Он попытался нависнуть морально над «этими городскими лохами», повел крепкими плечами, растянул в улыбочке сухие губы, глазки сделал щелками, хотел что-то сказать, посуровел внезапно, пожевал неприязненно губами, еще раз заглянул в глаза всем троим, сухо сглотнул, повернулся, протанцевал к выходу и развинченной походкой прошествовал к другому автобусу.

Мужчины дружно переглянулись с улыбкой, общей на троих.
– Задружиться хотел, шпаненок! – добродушно протянул Толян.
– Да что-то раздумал быстро, – коротко хохотнул Анчаров.
– А соображает мгновенно, однако... – Петров был слегка ироничен, но и задумчив в своей реплике. – Ну что же, товарищи офицеры, давайте знакомиться поближе?

– А не пожалеешь, Андрей Николаевич? – включил дружескую, широкую улыбку Муравьев. Включил – и выключил, как свет погасил в автобусе. А серо-голубые холодные глаза подполковника на мгновение заглянули Петрову в душу сквозь его глаза – карие с искоркой. И чуть потеплели...

Небо, еще утром влажными облаками низко нависавшее над Свирью, неохотно пропускавшее откуда-то сбоку красные, чуть теплые лучи не разыгравшегося еще в полную силу солнышка – небо к полудню вдруг взмыло ввысь, как и положено в России. А воздух не заметался, не задрожал в мареве, наоборот, был хрустально-прозрачным, хотя до осени оставалось еще время, немножко, но оставалось... И облака, потеряв влажный утренний блеск, не обесцветились, – яркими снежными мазками подчеркнули синь небес, поднялись высоко над сочно-зеленым ельником, густо вставшим на дальнем берегу Рощинского озера. А может быть, и Святого – два озера здесь рядом, экскурсовод же попался торопливый, не объяснил толком, что к чему. Главное Андрей Николаевич и так знал, зашел утром в Интернет и вычитал на сайте монастыря: «Алекса́ндро-Сви́рский монасты́рь находится в Олонецком уезде Олонецкой губернии, на правой стороне реки Свири, в 6 верстах от оной, в 16 от города Лодейного Поля, в 84 от города Олонца и в 20 верстах от Ладожского озера, при большой почтовой дороге из Лодейного поля в Олонец и Петрозаводск. Окружающий монастырскую местность со всех сторон сосновый бор, близость реки Свири и находящиеся при монастыре два больших озера: Рощинское и Святое, возвышенное и сухое местоположение — все это придает Свирскому монастырю и занимаемой им местности красивый вид и способствует здоровому, благоарстворенному воздуху.

Дважды за всю историю человечества открывался Троичный Бог телесному человеческому взору — первый раз святому Аврааму у Мамврийского дуба, знаменуя великое милосердие Божие к роду человеческому; второй раз — на русской земле святому

преподобному Александру Свирскому. Что значило это явление новозаветному святому – не будем дерзать отвечать. Только будем стремиться почтить эту землю, тот монастырь, который был воздвигнут на севере русской земли по велению Бога-Троицы и самого "новозаветного Авраама" — преподобного отца нашего и чудотворца Александра.

Александр подвизался на Валааме, изумляя суровостью своего жития самых строгих Валаамских иноков. Однажды, стоя на молитве, святой Александр услышал божественный голос: "Александр, изыди отсюда и иди на прежде показанное ти место, на нем же возможеши спастися". Великий свет указал ему место на юго-востоке, на берегу реки Свирь. Это было в 1485 году. Там он нашел "бор красен зело, место сие было леса и озеро исполнено и красно отовсюду и никтоже там от человек прежде живяше".

На 23 году поселения Преподобного в пустыни большой свет явился в его храмине, и он увидел трех мужей, вошедших к нему. Они были одеты в светлые одежды и освещены славою небесною "паче солнца". Из уст их святой услышал повеление: "Возлюбленный, якоже видиши в Трех Лицах Глаголющего с тобою, созижди церковь во имя Отца и Сына и Святого Духа, Единосущной Троицы... Аз же ти мир Мой оставляю и мир Мой подам ти". На месте явления Бога-Троицы впоследствии была построена часовня, и до наших дней на этом месте содрогается душа человеческая, помышляя о близости Божией к людям Своим».

~~~~~

Хотя дорога была недолгой, народ повалил из автобусов нетерпеливо, стремясь поскорее размяться, оглядеться, готовый восхищаться и радоваться, трепетать и сетовать, строго указуя на недостатки. Туристы в подавляющем большинстве были русские да, судя по платочкам, которые спешно повязывали женщины – православные. Впрочем, была и одна явно еврейская семья. Но моложавая мама со взрослой дочерью тоже что-то на голову накинули, с интересом посматривали на сияющие золотом кресты над маковками храмов, на беленые стены древнего монастыря, да искоса – на русских, не найдется ли невменяемый какой, кто одернет их почтенное интеллигентное семейство яркой семитской

наружности. Дураков не нашлось, слава Богу, и евреи расслабились.

Мужчины торопливо курили, пока экскурсоводы не опомнились, не повели туристов по маршруту. Асфальт резко обрывался у стен первого из двух монастырских комплексов, того, что еще не весь был отдан Церкви. Огромная лужа начиналась сразу на пути к Свирской психиатрической больнице, не спеша освобождавшей насиженное место, еще и больные попадались иногда навстречу. Лопухи, кусты какие-то, колючки чертополоха на длинных юбках женщин. А подними голову – небо тянет взлететь, и в небе этом кресты исчезают, так ярко блистающие, что сливаются, кажется, с солнечным светом.

Молодежи неожиданно оказалось куда больше, чем сперва показалось Петрову на теплоходе. Парочки в основном – молодожены, но есть и подростки, и трогательные девочки 12-14 лет. В юбочках, платочках, без макияжа на чистых еще от жизненного опыта лицах, искренне желающие *соответствовать* месту, и место в жизни и в народе своем отыскать, вопреки даже своим родителям, куда более прозаично, а то и просто подчеркнута атеистически настроенным.

Андрей Николаевич, не любивший организованные экскурсии, дошел со всеми до храмового комплекса и постарался отстать от своей группы. Потихоньку разбрелись поодиночке, и пропали из виду Анчаров с Муравьевым. Только доцент со своими аспирантами не отставали от гида, слушали внимательно заученный гладкий рассказ.

Поднявшись в Троицкий собор по высокой каменной лестнице, Петров замер в просторном притворе, обнимающем широко весь храм. Такая белая красота, мощь, простор и столько света под сводчатыми потолками! Сдвоенные окна по полукругу галереи перекрещивали свет, словно сами сотворяли его осязательно *видимым*, как белые крылья Духа Святого. Войдя же внутрь, трижды перекрестившись широко и поклонившись Царским Вратам, приложившись к «Празднику» на аналое, Андрей и вовсе исполнился торжественной тихой радости. Свет и здесь лился потоками из под купола, но он был другой, синевато-золотой от чудесной росписи, покрывающей фресками каждый сантиметр внутреннего пространства.

Шепча Иисусову молитву, перемежая ее «Богородице, дево, радуйся», Андрей обошел тихонько весь храм, не обращая внимания ни на повалившуюся вслед за ним толпу туристов, ни на разноголосицу экскурсоводов, ни на вспышки бесчисленных фотокамер. Внимание его привлекла внезапно и вернула в грешный мир огромная фреска Страшного суда, напротив алтаря, над входом в храм. Наивная – и от того святая – неполиткорректность сюжета заставила его открыть поворачивающийся дисплей приятно тяжелого «Кэнона» и сделать несколько снимков на память.

Над огромным узловатым туловищем страшного Змия, испещренного изображениями чертей, выстроились в очереди, скованные одной цепью, самые страшные грешники, отринувшие Веру Христову. Над тщательно выписанными изображениями людей в европейских кафтанах, мусульманских халатах, иудейских хламидах старинные иконописцы четко прописали пояснения, чтобы никто из молящихся не испытывал сомнений: « жида, турки, татары, немцы, галлы»...

В сердце Петрова, вернувшегося внезапно с небес на землю, снова занял червячок: «Кавказец, убиенный вчера, куда делся?!». Некстати произнесенное мысленно слово «убиенный», навеянное обстановкой храма, не связалось однако вместе с неотрывным казалось бы от «убиенный» словом – «невинно».

~~~~~

Черная красotka «BMW-x5», абсолютно неуместная на деревенской улице, медленно прошуршала мощными колесами по подсохшей грязи и замерла, качнувшись, рядом с чайной для паломников и туристов, вынесенной далеко за пределы монастырских стен. Тонированное стекло правой передней дверцы беззвучно съехало вниз и явило курам, копошащимся у высохшей кучи навоза напротив чайной, смуглое гладковыбритое носатое лицо с бледным шрамом поперек сплюснутого лба. Через минуту стекло плавно поднялось до упора, снова превратив «бэмку» в черный блестящий монолит, непроницаемый для чужого взгляда.

Машина сдержанно заурчала, перекадилась на несколько метров дальше по дороге и съехала на обочину, прямо в густую траву

перед покосившимся штакетником, делавшим вид, что ограждает ветхий деревянный домишко. Прошло несколько томительных для находящихся в «бумере» людей минут. Но время в этих местах немереное, и за те минуты, что показались такими длинными привыкшим к суете столицы московским грузинам, никто так и не вышел на крыльцо обычно полной туристов чайной.

– Надо было на какой-нибудь старой развалюхе ехать! – кипятился, барабанил нервно пальцами по подлокотнику, пожилой, с выпирающим брюхом, водитель. По вискам его из под седых бакенбардов тянулись струйки пота, хотя кондиционер в новой машине трудился на полную мощность, и в салоне было даже холодновато.

Молодой, но явно старший по положению – носатый со шрамом – резко ответил водителю по-грузински. Водитель в ответ и вовсе взорвался:

– Зачем унижаешь человека?! Знаешь, что я в Москве всю жизнь прожил! На такое дело пошли и светимся, как последние лохи! Да в такой глуши про «Икс-пятую» все лето рассказывать будут – вон, из каждого окна выглядывают!

– Не успели бы мы на развалюхе! – раздраженно повторил по-русски носатый, любивший комфорт и только теперь сообразивший, что старый таксист был, конечно, прав. – Какое «такое дело»? Откуда ты знаешь, какое дело, а? Заберем человека и в Москву отвезем – вот и все «дело». Помалкивай, дядя, и не лезь, куда не просят. Лавэ любишь, люби и саночки возить. Э! – он махнул рукой, ярко блеснули массивные печатки на пальцах, и снова забурчал по-грузински, проклиная неуютную Россию, начальство, сидящее сейчас спокойно в Тбилиси, и эту дурацкую войну, выдернувшую его из Грузии в самое пекло. Ну, пекло не пекло, а находится сейчас в России не самое лучшее время. Русские врут, что уже выбили наши войска из Цхинвала, да конечно, врут! Хорошо, если врут... – Носатый поежился и снова уставился на залитое солнечным светом крыльцо чайной. Условленное время подходило к концу, а чертов жеребец Гугунава не только не появился в чайной, но даже не позвонил, правда, и звонить ему было запрещено строго-настрога...

~~~~~

Петров постоял на берегу озера, с наслаждением вдыхая чуть сыроватый воздух, подставляя лицо свежему ветру, шурясь от солнца. На островке, а может и просто на той стороне озера – тёмно-зеленый густой ельник сливался в одну сплошную гребенку – красовалась свежей краской часовня. Уже прихваченные чуть-чуть золотом, рядом с часовней клонились на ветру несколько березок. Так захотелось вдруг сесть в лодку, окунуть весла в прозрачную, изумрудного оттенка озерную воду, пахнущую жизнью, оттолкнуться с усилием веслами от воды, почувствовав ее неожиданную плотность, оглянуться – верно ли выбрал курс на часовню – и грести, грести размеренно, без спешки, наблюдая за тем, как удаляется берег, как все объемней и краше выступает на берегу панорама монастыря. Пристать бы там, на той стороне, окунуться в уже остывающую августовскую воду, поплавать, полежать на спине, глядя в облака, прикрываясь ими от слепящего солнца. Попросить у озера смыть грехи и воспоминания злые и лютые, неудачи и горе оставить на темном дне, погрузиться с головою в воду и вынырнуть чистым и сильным... И потом только войти в незапертую часовню, поставить свечу у неугасимой лампы, встать на колени да помолиться всласть о горечи, о наболевшем за всю жизнь.

Хоть и жаль было свежего ветра, но привычка дала о себе знать. Выйдя из монастыря, Андрей Николаевич потянулся за сигаретами, закурил, затянулся глубоко и побрел неспешно по аллее мимо Святого источника к распахнутым воротам второго монастырского комплекса – уже отреставрированного, жилого и живого. Перед воротами он аккуратно потушил сигарету, выбросил окурочек в урну и даже воздух выдохнул.

Пройдя сквозь толстые стены – они же жилые корпуса – взгляделся Петров в картину, открывшуюся в зубчатом полукруге арки, и радость света и цвета снова охватила его. Те же чистые тона, что на фресках в Троицком храме: солнечное золото на крестах Преображенского собора, и та же голубая, бирюзовая синева – от неба, от озера, от куполов и цветников, от зелени травы на ухоженных газонах и елей на горизонте. Все это перетекало друг в друга, играло все новыми оттенками единой гаммы, когда-то безусловно переданной старыми мастерами.

– Да где, как не здесь явиться на землю Святой Троице?! – вслух воскликнул неожиданно для себя Петров и смущенно оглянулся: не услышал ли кто?

Услышали... В шаге от него, чуть позади только, стояла и улыбалась нежно дивной картине молодая женщина. Андрей еле отогнал от себя искушение сравнить ее с любимым образом Казанской Божьей матери нового письма, первым в своей жизни, подаренным ему при крещении. Старшие друзья благословили – командир корабля с супругой. Первый пилот был верующим не внешне, но глубоко внутренне. Никогда бесед душеспасительных с экипажем не вел, никого не тащил в Церковь насильно. Но летчики все под Богом ходят, как и моряки. Среди них атеистов мало. Воцерковленных по-настоящему, конечно, тоже немного. Но и неверующих совсем – нет.

В Кюрасао, после сложной посадки чуть ли не в сердце бушующего над океаном урагана, причинившего немало бед, Петров сам постучался ночью в номер командира, спасшего в очередной раз свой экипаж. И попросил быть крестным. «Взрослым крестные не положены», – улыбнулся тот. Однако, когда отлетали контракт, Юра не забыл просьбы, выдернул Андрея с дачи, отвез в Таллин и все устроил с крещением.

Андрей Николаевич не был человеком восторженным и наивным. К Богу приходил трудно, не умом, но сердцем, отгоняя порой скептические мысли, исполненные инженерной логики. Но после первого Причастия все сомнения растаяли – Таинство помогло.

И детские сказки снова вошли в жизнь Петрова. Да-да, сказки... Он ясно, воочию увидел вдруг, что жизнь исполнена чудес и чудесных героев, и чудесных возможностей, и страшных мук, и бесстрастных чудовищ. И объяснилось внезапно то, что никогда не мог он объяснить себе с помощью марксистско-ленинской философии и истории, естественнонаучных знаний и диплома о высшем инженерном образовании.

Конечно, не стал Петров примером в воцерковлении, не проводил все свободное время в храме и молитве. Жил привычной жизнью, но уже *не без Церкви, не без веры*. Да и грешил, грешил порою. Но уже с осознанием греха и с необходимостью очиститься покаянием.

Женщина услышала восторженный возглас из уст совершенно невесторженного на вид человека – зрелого мужчины, современного, модно одетого, уверенного в себе, физически сильного и внутренней силой привлекательного. И не удивилась почему-то. Только спросила себя:

– Неужели, Господи? – и услышала ответ, и поправила легкую газовую шаль на темно-русых, модно подстриженных волосах, и длинные красивые пальцы ее задрожали при этом обыденном движении, прикоснувшись к вспыхнувшей румянцем щеке с ямочкой, пробежав по уголку без косметики блестящих упругих губ. Пальцы застыли вдруг на груди, и снова дрогнули, затеребили длинные кисти платка. И не было на пальцах колец – ни обручального, ни золотых перстней с дорогими камнями, ни серебра дешевого, но искусной работы.

Глаза их встретились. Карие, с искоркой солнечной, у Петрова, глядящие с восторгом и с усилием волевым погасить восторг. Зеленые женские – ясные, с надеждой, спрятанной глубоко-глубоко и с вызовом, чтобы погасить испуг – и не потерять надежду.

Андрей смутился вырвавшейся вслух мысли, стало неудобно перед свидетельницей его несдержанного поведения. Да еще уставился на женщину нескромно, в глазах ее чуть не утонул. Городская ли привычка запирается в себе, усиленная годами проживания в холодной и к своим, и к чужим Эстонии, скромность ли врожденная сыграла свою роль, – только Петров резко отвернулся и пошел было прочь, убыстряя шаг, как сбежать попытался от этой встречи.

– Постойте! – послышалось вдруг вслед. Глубокий, музыкальный голос напомнил Андрею Николаевичу певичку из Диско-бара, он остановился, взгляделся снова с недоумением в нагонявшую его быстрым легким шагом женщину. Нет! Певица была молодая совсем. А навстречу Петрову выступила из полутьмы монастырских ворот уверенная в себе дама средних лет. Теперь, на солнце, резко отсекавшем от беленой стены темный проем глубокого прохода под аркой, женщина выглядела вполне зрелой. Стройная фигура, стройная не от спорта, а от природы, да чистое ухоженное миловидное лицо с легко отбрасываемыми ветром русыми локонами, выбивающимися из-под шали заставили Андрея подумать, что перед ним юная девушка. А незнакомке наверняка

было уже за тридцать. Может быть, и не минули ее печали нашего суетного времени, да только не отразились ни на чистом лбу, ни на гладких щечках с ямочками. Никаких излишеств и пороков не читалось за спокойной доброжелательной улыбкой. И желания подшутить над внезапно вырвавшимся у Петрова восторгом при виде чудесной картины Преображенского храма, открывшейся внезапно за монастырскими стенами – тоже не было в прозрачных зеленых глазах.

– Ну что ж вы бежите, – укорила женщина, догнав Андрея Николаевича и придержав даже его за рукав. – Вы с теплохода ведь, правда?

– Так точно! – невпопад вырвалось почему-то у бывшего летчика.

– Отставить! – шутливо скомандовала незнакомка, доверчиво взяла Петрова под руку, и повела к храму по выложенной диким камнем дорожке. – Я потерялась и испугалась, – тут же объяснила она себя. – А вас на «Петербурге» видела, вы заметный. Да и обрадовались красоте здешней так искренне, что я решилась к вам подойти – не люблю ходить одна, – на этих словах легкая тень словно вуалью легла на безмятежное до того лицо.

– Меня Андрей Николаевич зовут, – опомнился Петров, уже пройдя рядом с женщиной метров десять.

– Очень приятно, – чуть сильнее сжала его локоть незнакомка. – А я Людмила Николаевна! Но вы можете звать меня Люсей, если хотите.

– Хочу! – расслабился и повеселел внезапно Андрей. – Я почему-то люблю это имя. Но сейчас редко кто из Людмил позволяет звать себя Люсей...

– Спасибо! – улыбнулась Люся, посмотрев искоса, сбоку и снизу на своего высокого спутника, на гладкий волевой подбородок и четкий профиль лица. Обычно мужчины, когда им за сорок, начинают оплывать глазами, подбородком, обрюзгшими щеками. А ее новый знакомый не был мягким, как пластилин, в нем чувствовались нерастратенная сила и непокорившаяся жизненным обстоятельствам личность. Женщина даже легонько подпрыгнула – подтанцевала на длинных, сильных ногах при этом внезапном открытии – так обрадовалась внутренне славной находке. Тут же выровняла шаг и тут же снова объяснила Петрову свое поведение:

– Вы мне понравились вдруг, Андрей Николаевич! Я на самом деле очень осторожно к мужчинам отношусь. Не боюсь вашего брата, но осторожничаю. А с вами, поверилось мне, можно подружиться, по-хорошему, как в книжках. Можно? – Люся просто и доверчиво посмотрела Петрову в глаза.

Людмила Николаевна не была наивной дурочкой и поставить себя умела, но объяснять людям себя всегда любила сразу, чтобы не было недомолвок в любых отношениях – деловых или личных. Или даже при редком случайном знакомстве, вот как сейчас. Объяснишь человеку все, растолкуешь, и тогда не будет ни обид, ни двусмысленных ситуаций, – верила она.

–Я рад знакомству, Люся! – легко отозвался Петров, почувствовав, что уже устал быть один. И заноза в сердце от дикого инцидента ночного впервые по-настоящему отпустила, перестала покалывать, отравляя удовольствие от первого дня (вчерашний вечер не в счет), только сегодня начавшегося по-настоящему круиза. Конечно, вокруг было много людей. И доцент с аспирантами, и офицеры из Приднестровья, попросившие после совместной поездки и знакомства подробного в автобусе не слишком распространяться о них посторонним. Доверились ведь люди, не стали прикидываться петербуржцами. Да и Петров им все рассказал о себе вкратце – чего таить? Но с Люсей что-то совсем иное предчувствовалось в совместном путешествии. Ой, даже и мысли дурной и чисто мужского интереса не возникло у Андрея к этой удивительной женщине! Как сестру вдруг встретил по дороге к храму. Сказочка, сказочка...

Глава пятая

Андрей хотел было пропустить Люсю вперед у входа в собор, да и посмотреть на нее захотелось, хоть понять, во что одета, окинуть ее *всю* коротким взглядом. Просто, чтобы не потерять потом в толпе туристов, не отпускать ее одну по течению. Но Люся подтолкнула его аккуратно в широкую спину, дескать, в церкви нет у меня преимуществ перед мужчинами. Петров все же обернулся тогда с улыбкой, не исподтишка, а прямо, не скрываясь, оглядел женщину с головы до ног, приговаривая:

– Особые приметы: джемпер белый с синим на молнии, юбка серая льняная, волосы русые, хороша необычайно... Это я словесный портрет составляю. Если вдруг потеряетесь, буду вас искать!

– Куда же я денусь с... теплохода? – отшутилась Люся в тон. И добавила уже серьезно, – ну же, идите, а то народ набежит, даже к мощам преподобного приложиться не протолкнетесь!

В прохладной тишине собора они разошлись в разные стороны. Андрей у свечницы «выменял» образ святого Александра Свирского, записочку подал о родителях заупокойную. А Люся подошла к монаху, присматривавшему ревниво за туристами, и о чем-то стала спрашивать его тихонько.

Поставив свечи, где хотелось сегодня особенно, не без трепета приложился Андрей к мощам; не отрывая лба от холодного, пахнувшего ароматно стекла, молил чудотворца о помощи и вразумлении, пока не провалился всей душою в иное измерение, пока седой монах не тронул его за плечо, понуждая поберечься и не потерять связи с земным миром. Петров выпрямился, как из воды выплыл, вдохнул глубоко насыщенный благовониями воздух. Перекрестился медленно, уставно и отошел на шаг. Монах строго посмотрел Андрею Николаевичу в лицо и потянул у него из руки приобретенный им только что образ. Приложил к мощам, прочитал молитву короткую и отдал иконку обратно Петрову, опять почему-то укоризненно покачав головою. Андрей медленно, приходя в себя, пошел к выходу, заметив краем глаза Люсю, припавшую к старинному чудотворному образу Богоматери:

«О чем молить Тебя, чего просить у Тебя? Ты ведь все видишь, знаешь Сама, посмотри мне в душу и дай ей то, что ей нужно. Ты, все претерпевшая, все премогшая, – все поймешь. Ты, повившая Младенца в яслях и принявшая Его Своими руками со Креста, Ты одна знаешь всю высоту радости, весь гнет горя. Ты, получившая в усыновление весь род человеческий, взгляни и на меня с материнской заботой. Из тенет греха приведи меня к Своему сыну. Я вижу слезу, оросившую Твой лик. Это надо мной Ты пролила ее и пусть смывает она следы моих прегрешений. Вот я пришла, я стою, я жду Твоего отклика, о Богоматерь, о, Всепетая, о, Владычице! Ничего не прошу, только стою пред Тобой. Только сердце мое, бедное человеческое сердце, изнемогшее в тоске по правде, бросаю к Пречистым ногам Твоим, Владычица! Дай всем, кто зовет Тебя,

достигнуть Тобою вечного дня и лицом к лицу поклониться Тебе»...

~~~~~

Выйдя из храма с верою, что все в руке Божией, Андрей Николаевич обнаружил внезапно дорожку, ведущую в сторону от собора, прямо к берегу озера. Оказалось, там оборудована небольшая аккуратная купальня, огражденная со стороны монастыря стеной из дикого камня, чтобы не смущать и не смущаться. Петров вышел на чистые, промытые ночным дождем деревянные мостки, посмотрел на часовню на другом берегу, перекрестился, посмотрел на часы – не отстать бы от своего автобуса, – и решительно стал раздеваться. Прыгать с разбегу не стал в манящую, прохладную на вид, воду. Не место для гимнастических подвигов. Присел на край нагретых солнцем мостков, поболтал ногами в прозрачной воде – неожиданно теплой, и соскользнул аккуратно в озеро, погрузившись с головой. Напрягшиеся ноги встретили ласковый песок, пощупали его придиричиво – нет ли камней? – и тогда уже оттолкнулись пружинисто. Петров вынырнул, отфыркался, втянул в себя глубоко особенный, только над живой водой суший воздух, перевернулся на спину и замер так, лишь чуть-чуть пошевеливая руками, чтобы лежать, не чувствуя веса, не чувствуя *тяжести* своей.

Тихий всплеск заставил оглянуться невольно назад, на купальню. Плавно разводя воду длинными гладкими руками, как бы раздвигая ее, чтобы не мешала видеть открывающуюся красоту кругом, смешно сдувая с улыбающихся губ радужные капельки, к нему подплывала Люся. Андрей невольно обратил внимание на то, какие у женщины красивые округлые плечи – такие не часто встретишь сейчас, такие плечи только на картинах старых мастеров бывают.

Петров перевернулся в воде, сделал мощный гребок навстречу неожиданности, хотел выкрикнуть что-то и осекся тут же, увидев некое предостережение в зеленых, широко распахнутых глазах: не спугни тишину, и меня не спугни, – говорили они. Поплыли рядом неспешно, наслаждаясь вновь обретенной чистотой души и тела,

молодой свежестью, которой оделило их Святое озеро. Или Рощинское? Да разве важно это?

Как будто гигантские щуки выпрыгнули из воды и снова ушли в глубину, гоняясь за мелкой рыбешкой – один за другим раздались два мощных всплеска. Это Муравьев с Анчаровым бесшумно пробежали по мосткам и тут же, без колебаний на краю, нырнули в озеро и долго плыли в его толщине, пока не показались неожиданно на поверхности рядом Андреем и Люсей.

– Славно-то как, товарищи! – отчетливо, но не криком выдохнул Толян.

– Зер гут, геноссен! – утвердительно кивнул черной с проседью головой Саша.

Офицеры улыбнулись синхронно кивнувшей им парочке и энергично, правда, без лишнего шума, ринулись саженками наперегонки куда-то вдаль, подальше от берега.

Люся посмотрела одобрительно им вслед и спросила Петрова:

– Это ваши друзья?

– Надеюсь, что так, – неопределенно протянул Андрей Николаевич, – во всяком случае, с этими мужиками лучше дружить, чем ругаться.

Люся еще раз посмотрела вслед удаляющимся на середину озера мускулистым торпедам и коротко кивнула.

– Давайте к берегу, Андрей Николаевич, только вы первый, хорошо? Не люблю, когда меня разглядывают, – тут же пояснила она свое желание.

– Вот не могу сказать, что не очень-то и хотелось! – выдохнул Петров и послушно погреб к мосткам, всем проснувшимся после купания телом ощущая растворившийся в воздухе над озером хрустально чистый, без кокетства, женский переливчатый смех.

Удалось обойтись без ступенек деревянной лестницы. Петров ловко вымахнул на теплые доски, сгреб свою одежду и послушно скрылся за деревянной перегородкой купальни – снять мокрые боксерские трусы, выкрутить и... куда ж их теперь девать-то? Летние тонкие брюки тотчас пойдут пятнами, если выжатые трусы надеть. Неприлично. А если брюки натянуть на голое тело, то куда ж трусы девать мокрые – не тащить же в руках? Пока Петров мучился детским вопросом, Люся весело позвала его из соседней переодевалки:

– Андрей Николаевич, кидайте мне свои плавки, у меня мешок есть!
– Неудобно, – буркнул опешивший Петров.
– А с мокрыми трусами в руках по монастырю разгуливать вам удобно?
– Нет! – отсмеялся в ответ Андрей и перекинул «боксеры» через деревянную перегородку.

Освеженное купанием голое тело приятно согрелось вновь под стоящим в зените солнышком. Надевая брюки, Петров еле унял внезапно вспыхнувшее желание, даже юность вспомнилась невольно. Сам себе удивился и посмеялся Андрей Николаевич, справился с природой, оделся полностью, причесался и пожалел, что закурить нельзя – монастырская вроде бы купальня-то.

Люся ждала его на дорожке, ведущей к собору. Свежая, довольная, глаза лучатся, длинные пальцы ловко выкручивают намокшие у шеи и потемневшие русые локоны. Рядом с холщовой сумочкой, небрежно брошенной на скамейку, притулился пластиковый пакет с логотипом Петербургского Дома книги. Петров решительно подхватил пакет с мокрым бельем и подумал: «Интересно, а в чем Люся купалась? Я так и не заметил, в купальнике или... Что за детство, Петров!» – оборвал он сам себя и, заметив краем глаза, как торопятся в сторону автобусной стоянки туристы их группы, замахал призывно рукой приднестровцам:

– Толя, Саша! Пора!

Две еле различимые головы на середине озера – одна белая, другая черная, согласно кивнули, подняли вверх руки, и тут же эти руки замелькали, как будто нокаутировать хотели вспенившуюся вокруг воду – мужчины быстро поплыли к берегу.

~~~~~

– Последняя группа из монастыря возвращается, видишь? Водитель черного «бумера» был мокрым от пота, в прохладном кожаном салоне еще острее пахнувшего страхом.

– Успокойся, ты мне в отцы годишься, а ведешь себя как русский! – отмахнулся от встревоженного напарника старший машины. Он и сам волновался. Несколько групп туристов вернулись с экскурсии, расселись по своим автобусам и уехали на пристань, а Жеребца все не было. Не выдержав, старший выскочил из БМВ и закурил, стараясь не очень приметно озираться вокруг чайной. Вот и запоздавшая группа, действительно, показалась из аллеи, ведущей к монастырю. Туристы утомленно тянулись редкой цепочкой, несмотря на бибивавший им всю последнюю оставшийся на стоянке автобус. Некоторые еще и в чайную заскочили.

Грузин выругался по-русски и в несколько шагов вбежал на крыльцо чайной. Внутри было тихо и уютно. Вкусно пахло свежей выпечкой. Небольшая очередь выстроилась у прилавка, закупиться в дорогу минералкой и соками, пирожками и булочками, которые здесь в десять раз дешевле и вкуснее, чем в баре на теплоходе.

На длинных деревянных лавках за столиками сидели только две местных старушки и те, просто так, поболтать с буфетчицами. Очередь тут же разом обернулась к колоритной кавказской фигуре в дорогом черном костюме, совершенно неуместном в этих краях. Отошедший от стойки с пакетом пирожков в руке высокий крепкий блондин средних лет заторопился к автобусу и, протискиваясь мимо грузина, загородившего выход, по-своему приобнял его за талию – вежливо, но твердо подвинул, чтобы не мешался спешащим людям. Кавказец вскинулся было осадить русского, но следом поперся какой-то восточный дядя со стальными локтями, чувствительно толкнувший его в бок, потом русоволосый подтянутый мужик бесцеремонно отодвинул грузина, пропуская впереди себя красавицу с большой бутылкой минералки и еще какими-то покупками в обеих руках. Вежливо протиснулась в дверь пожилая парочка – высокий мужчина с седой профессорской бородкой и прижавшаяся к нему опасно миниатюрная жена в тесно, не по возрасту, обтягивающих брючках. А там и все вышли. Чайная опустела. Гугунава так и не явился. Ехать к теплоходу и искать его там – совершенно нелепая затея. А вдруг попался Жеребец? А что, если русская контрразведка давно сидит у них на «хвосте»? А почему так отчаянно трусит водитель – человек опытный и пожилой? Может быть, это он сдал их всех с потрохами, от того и трясется? Грузин кинулся к машине, захлопнул за собой

дверцу и дрожащей рукой вытащил из плечевой кобуры увесистый револьвер.

– Поехали отсюда, живо! – ствол грубо воткнулся водителю под ребра. – И без шуточек, если что, застрелю как шакала!

Седой старик каким-то чудом сразу вобрал в себя брюхо, побледнел и, не задавая вопросов, стал разворачиваться на узкой деревенской улице. Черный слиток немецких передовых технологий заурчал и понесся мимо покосившихся палисадников, мимо стекляшки табачного ларька на опустевшей автостоянке, обогнал неспешный туристический автобус, на первом же перекрестке свернул в сторону от пристани, нащупал под собою асфальт и скрылся на горизонте, как и не было его у монастыря.

Муравьев проводил взглядом сверкнувший черным лаком «бумер» и невинно перевел взгляд на Анчарова. Тот кивнул, как бы размышляя о чем-то своем, «девичьем». Петров, сидящий между офицерами, покусал губу и окинул взглядом сидящих впереди туристов. Кто-то рассеянно слушал усталого гида, кто-то дремал. Андрей приобнял крепкие плечи Толяна и тихонько шепнул ему в ухо:

– Толя, а у этого чуда в перьях кавказской национальности, того, что из «бэмки», *ствол* под мышкой. – Толя ничего не ответил, просто кивнул, дескать, принял к сведению. Зато сидящий с другой стороны Анчаров, казалось бы, смотревший в окно, неожиданно сам подвинулся к Петрову и горячо шепнул в ответ за Толяна:

– Не только под мышкой, но и за поясом тоже.

Петров тяжело вздохнул и нахмурился. Толян невозмутимо нащупал своей лапицей сжатую в кулак руку Андрея, ласково ее разогнул и похлопал надежной прохладной ладонью:

– А не выпить ли нам днестровского коньячку за знакомство сегодня вечером? А лучше, сразу после обеда.

– Лучше сразу! – эхом отозвался с другой стороны Саша Анчаров.

Петров только кивнул в ответ.

Автобус мягко остановился на пяточке асфальта у пристани. Туристы с облегчением потянулись к теплоходу, окружили пестрыми чирикающими стайками местных торговцев сувенирами и рыбой. Кирилл с Машенькой немного отстали от группы, закурили оба с наслаждением и отошли на ближайший бугорок, подставив разгоряченные лица свежему ветру.

– Кира, ты позвонить домой не хочешь? Здесь, наверное, связь хорошая, – Машенька порылась в сумочке и протянула мужу, протирающему платочком блестящую плешку в окружении венчика седых волос, маленький затейливый телефончик.

– А? Да, милая, сейчас, – встрепенулся мужчина и послушно открыл крышку мобильного, всматриваясь сквозь изящные стеклышки профессорских очков в расплывающиеся циферки кнопок.

– Витя, сынок, здравствуй!.. Да все хорошо у нас, мальчик, все в порядке. Мама довольна, а это главное!.. В монастыре вот были, Александра Свирского... красота здесь, русская красота, незаёмная, настоящая! Жалко, что тебя нет с нами, как раньше... Нормально, нормально все, сына, кормят хорошо, каюта удобная, все просто замечательно. Кстати, Витя, я тут подумал, ты передай Зинаиде Петровне номер машины, которая ее с дачи перевозить будет, я договорился перед отъездом... Пишешь? Черная BMW-X-5, госномер К-534-НО, 97... Да-да, с комфортом поедет теща твоя, с уважением...

Грузчики? Машина легковая, какие еще грузчики? Ну, один человек, кроме водителя точно будет... Поместится, не переживай ты так. Когда? Да минут 20 назад созванивались. Ты по карте глянь, там одна дорога всего прямая – с дачи ехать... Ну, хорошо, береги себя и Валечку, не перетруждайтесь там!.. Целую, мама тоже привет передает... пока.

Народ потихоньку рассосался с пристани на теплоход. Кирилл подхватил супругу под локоток и повлек к мужикам, торгующим рыбой.

– Успеют? – спросила Маша, семена на шпильках, еле успевая за размашистым шагом мужа.

– Должны успеть, никуда клиенты не денутся. Затеряться здесь негде – не Москва! Дорога одна – на Петрозаводск, кругом леса. Нет, ну совсем страх потеряли, мерзавцы! Рассекают как у себя дома – на бумере, с оружием! Хоть бы для приличия зашифровались немного... Кто в доме хозяин – не пойму совсем?! Да, Маша, это тебе не «Август 44-го» – это август 2008-го, нынешние диверсанты от Смерша не прячутся, а откупаются, япона мать! – отдуваясь, проворчал Кира, прикрыл усталые глаза на мгновение и вдруг заулыбался плотоядно, рванулся к огромным

вяленным лещам, потрясая на ходу увесистым пластиковым мешком с позвякивающим в нем пивом.

Глава шестая

Ах, как славно, когда после прогулки на свежем воздухе ждет тебя уютная каюта на комфортабельном четырехпалубном теплоходе! Как хочется жить и путешествовать бесконечно, когда всегда сопровождают тебя твоя постель белоснежная и кремовые занавески на опущенном до половины навстречу речному ветру большом окне. Когда можно засунуть в холодильник свежее пиво живое и сок, и минералку, и даже еще теплого копченого сомика, купленного тут же, на пристани. Когда можно переодеться в невесомые широкие штаны чуть ниже колена и майку любимую. Даже просто уединиться в собственном сверкающем санузле, когда захочешь – и то радость.

Петров вспомнил про пластиковый мешок с мокрыми трусами, унесенный им с собой машинально в каюту и брошенный в коридоре на коврик. Хозяйственно вытряхнул содержимое в раковину умывальника, выполоскал хорошенько и свои «боксеры», и Люсино кружевное бельишко цветное, в котором, впрочем, не стыдно было бы даже и показаться в случае чего вместо купальника – не было в голубых плавках и лифчике ничего чересчур откровенного и интимного. Андрей бережно отжал все, встряхнул, чтобы не комком было, и повесил сушиться.

До обеда оставалось еще полчаса. Можно было, конечно, пойти покурить на палубу, полюбоваться на пришвартованный рядом с «Петербургом» теплоход-близнец с милым сердцу названием «Очарованный странник». Но стоит только закурить сигарету, как тут же начнет саднить душу идиотский детектив, продолжение которого пришлось пережить неожиданно сегодня в чайной. Явно неспроста появилась в деревне новенькая «Х-5» с кавказцами на борту. И бандит этот в дверях чайной, с пистолетами под пиджаком... Искали дружка, исчезнувшего ночью невесть куда с солнечной палубы! Что это было? Наркоту возят теплоходами по России? «Катал» - шулеров опекают дорожных? Так здесь публика не та на теплоходе для этого бизнеса. И проституток никто не

потерпит в круизном рейсе – есть ведь, наверняка, и у судовладельца – «Водолёта» своя служба безопасности.

Петров строго покачал сам себе головой, отгоняя навязчивые мысли, и достал из тумбочки маленький ноутбук «Fujitsu-Siemens», купленный в Швеции и потому не имеющий русской раскладки. Но в Сети полазить это не мешает, а письмишко черкнуть на худой конец и латиницей можно – дело привычное. Андрей Николаевич подключил к лэптопу мобильник и зашел на почту.

~~~~~

– Гла-а-а-шка! Глашенька! Глафира, мать твою за ногу! – Даша собралась с силами и перевернула лежащую ничком подругу лицом вверх. Запекшиеся, искусанные, почти черные губы, бледные щеки, лоб в холодной испарине, упрямо зажмуренные глаза, не желающие открываться. Глаша с утра валялась в отключке на кровати прямо в одежде. Короткая черная юбка помялась и задралась чуть не до пупа, цветная блузка навывпуск разорвана на воротах. На ковролине между диванчиками в их каюте валялась пустая бутылка «Мартини» из общих запасов. Унитаз заблеван, конечно, – милое студенческое дело. После вчерашнего неожиданного скандала и Глашкиных истерик, Даша с перепугу пригласила к ним в каюту соседей по столику в ресторане – Сашу с Толей. Те коротко и деловито допросили обезумевшую подругу, быстро приведя ее в чувство совсем не джентльменским способом – вылив на голову двухлитровую бутылку минералки из холодильника и влепив пару увесистых пощечин. Даша ничего не поняла из этого сумбурного разговора, да и не в состоянии была реагировать, так потрясло ее поведение подруги. Уж от кого не ожидала неприятностей, так это от Глафиры! А мужчины, выяснив для себя что-то существенное, мгновенно исчезли, велел Дарье присматривать за подружкой, накачать ее чем-нибудь, никуда не выпускать и никого в каюту не впускать до завтрака.

Даша скормила зареванной Глафире сразу две таблетки феназепамы, да еще, дура, дала запить «Мартини». Выпила и сама фужер безо всякого льда, залпом, закрыла дверь на ключ, спрятав его у себя под подушкой, и отрубилась от переживаний и усталости сразу же.

А Глашка, видно, всю ночь курила и пила. Утром на завтрак ее было не поднять. Так и экскурсию пропустили. А теперь на обед пора, а подруга верная лежит трупом и оживать не хочет, притворяется, что все еще спит, сцуко! Даша вспомнила, что в холодильнике еще оставалась маленькая бутылка минералки и решила последовать вчерашнему уроку. Решительно отвернула пробку, встряхнула запузырившуюся ледяную воду и только собралась плеснуть ее Глашке прямо в зажмуренные глаза, как та взвизгнула и соскочила с кровати:

– Дашка, ты что, в конец озверела?!

– Ну, Глафира, ты и отожгла вчера не по-детски, – тихо протянула Даша и послушно присела на свой диванчик, отпив большой глоток из холодной бутылки. – На, выпей яду, – кинула она минералку очнувшейся подружке, страдальчески качающейся из стороны в сторону в углу каюты. Глаша, против ожидания, бутылку поймала и юркнула с ней вместе в ванную, захлопнув дверь и повернув задвижку.

– У-ф-ф! Жить будет! – Дарья подхватила со столика косметичку и пошла к большому зеркалу в коридорчике – краситься. Посмотрела на припухшие глаза и красные пятна на щеках, открыла тональный крем, взяла чуток на кончики пальцев. Но тут же пришлось тыльной стороной ладони утирать медленно катившиеся по лицу слезы...

~~~~~

На теплоходе товарищи офицеры вели себя подчеркнуто погусарски. Не скрывали ни удаль, ни статью. Не прикидывались штатскими менеджерами нефтегазовой компании. Никому, кроме Андрея, о себе не болтали лишнего, но и не конспирировались. Впервые за долгие годы они просто были собой, без поправок на ветер. Они не сговаривались, как обычно, о линии поведения, не распределяли ролей и обязанностей. С первого дня на теплоходе в них исподволь стало вызревать какое-то прорвавшееся наружу решение. Решение неотвратимое, как возмездие самим себе за пусть не бесцельно, но не своей жизнью прожитые годы. Даже не годы уже, пожалуй, а десятилетия. От этого оба поймали кураж. И потому, почувствовав кураж, ничего не боялись, знали – понесла

волна – главное теперь не тормозить. Да и к тому же, чего бояться? Россия – чуть ли не единственная страна на свете, где *сегодня* некому было и не за что предъявлять к ним претензии.

– Кур ту тэци, кур ту тэци, гайлис манс? – дурачился, напевая, Саня Анчаров. В черных вельветовых джинсах, с голым мускулистым торсом, он приплясывал по каюте, смешно изображая из себя того самого петушка (гайлиса) из народной латышской песни. Заурчала вода в крошечном туалете, оттуда показался в одних плавках высоченный Толя, он выбирался бочком из сортира – плечи не входили в узкую дверцу.

– Пиф-паф! – упав вдруг на колени, «выстрелил» он в друга из пальца.

– Тиу-тиу-фью! – Саня двумя руками показал, как пули просвистели мимо его ушей, упал на колени и поднял вверх трясущиеся от ужаса руки. – Сдаюсь, только без обеда не оставляйте, биедрс сарканайс стрелниекс!

– Ты кого красным стрелком назвал, гад?! – Толя приставил палец ко лбу товарища и «нажал курок». Анчаров очень натурально умудрился изобразить разлетающуюся на куски голову и забился в агонии.

Отсмеялись друзья, оделись и собрались в ресторан. И только про себя подумал каждый, что, не смотря на столько лет, прожитых в Тирасполе, так и не вобрали они в себя ни одного румынского слова, ни одной привычки, свойственной южным русским. А старая любовь - ненависть все не сгорала...

Это Анчаров упросил вчера друга познакомиться поближе с соседками по столу.

– Да они же дети еще, Саня! – отнекивался поначалу Муравьев, потягивая коньяк из припасенной в круиз алюминиевой кружки – кофе заваривать. Толян тихо радовался тишине, мирно плывущим по обеим сторонам реки берегам, густо поросшим таким родным – русским лесом. Вспомнилось, что даже по грибы уже 20 лет почти не ходил – некогда и некуда в Приднестровье-то...

– Да причем тут: дети – не дети! – Анчаров приподнял свой широкий коньячный бокал, гоня насыщенную жидкость на дне по кругу. Неторопливо откусил специальными щипчиками на брелке кончик новой сигары и потом долго пыхтел, раскуривая ее, немного отсыревшую на влажном речном воздухе. – Я жениться хочу, Толян! – произнес он твердо.

Толя не стал напоминать другу о том, что когда-то у него была уже жена, и двое детей, что Сане перевалило за сорок, что красавиц и в Тирасполе полно, да таких, что бледным россиянкам впору расплакаться от бессильной злобы... Муравьев и сам был когда-то женат. А дочке его, Светочке – 23 стукнуло, и она уже замужем. И не видел ее Толя с 91-го года. Не собирался никто из рижан, волей случая осевших в Приднестровье, задерживаться там надолго. Сначала думали, что отвоюют свою страну. Потом, что и выживут вряд ли. Муравьев дважды сидел в следственном изоляторе МВД, а потом и МГБ – по году почти в каждом. Наверху делили власть, озадачивали тогда еще капитана, а потом и майора деликатными поручениями. И рано или поздно предавали, загоняя в угол. Но Толян не сдавался, выкарабкивался и снова поднимался: выжил, стал подполковником и начальником отдела. Однако, устраивать при таких раскладах семейную жизнь было глупо и просто безответственно. Муравьев характер имел легкий, веселый, но человеком умудрялся оставаться порядочным. С молодости девчата просто вешались ему на шею, и он порою собирал их гирляндами, как связку баранок. Перебирал, надкусывал и оставлял, ничего не обещая и ничем не обнадеживая. Оглянулся недавно, а уже 17 лет прошло, как из Тюмени сорвались они с Саней на набухший кровью Юг – мстить и умирать. Ни отомстить до конца, ни умереть Бог не дал. А жизнь на середине, а может быть, даже с горки уже спускается бывший младший лейтенант. «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины», – сказал он вслух, невпопад, но Саня все понял и не стал переспрашивать.

Анчаров навоевался с лихвой еще на срочной – в Афгане. Орденоносцем стал в 20 лет. Рано женился, рано завел мальчишек-близнецов. Был «замком» – замкомвзвода у Муравьева в Рижском ОМОНе. И потом опять воевал – то в Бендерах, то в Рыбнице. Толян вытащил сержанта из госпиталя, потом из затяжного запоя. Помог стать офицером. А со временем Анчаров снова занял место заместителя Муравьева, только теперь уже в его отделе МГБ Приднестровья. Оба они все эти годы жили в одном и том же 12-этажном общежитии Тирасполя. Все, что заслужили – это отдельные комнаты с удобствами. Бывшие рижские коллеги, кураторы ОМОНа от МВД СССР, первыми нарисовавшиеся в ПМР сразу после «путча», давно уже занимали министерские посты.

Подопечные им когда-то омовцы все чаще только мешали в новой жизни и карьере – знали много такого, о чем хотелось забыть и никому не рассказывать. Вот уже 17 лет судьба двоих друзей висела на волоске, как и само Приднестровье.

– Жениться, говоришь? – Толя махом опрокинул в рот остатки коньяка из кружки, закурил «Галуаз» из синей пачки. Анчаров задумчиво смотрел на проплывавшие мимо леса, уже сливавшиеся с потемневшим к ночи горизонтом и попыхивал сигарой:

– Я же не к тому, что вот так сразу, на первой попавшейся Глафире и жениться. Я просто хочу вспомнить, какая она – человеческая жизнь, понимаешь?

– Понимаю. – Муравьев вздохнул, разлил остатки коньяка из узкой высокой бутылки и приподнял свою кружку. – За тех, кто в море!

– На границе!

– И в венерической больнице! – выпили, не чокаясь, и пошли искать подружек, убежавших после совместного кофе в «Панораме» танцевать в диско-бар.

А там уже их самих разыскивала встревоженная Дарья. Прошли быстро в каюту девчонок, на среднюю палубу, привели в чувство Глашу, бьющуюся в истерике. Пристал к ней в диско-баре грузин какой-то здоровый бандитского вида, и не отвязаться было никак. Девчонки наплясались, выпили по паре крепких коктейлей и потеряли привычную осторожность – они же на отдыхе! Даша, правда, с самого начала хотела позвать знакомых мужчин, чтобы разрядить ситуацию. Но раздухарившаяся неожиданно Глафира решила сама поставить кавказца на место. Была у нее одна вещь в сумочке; еще на первом курсе, когда и вправду, чтобы выжить провинциалке в Питере, приходилось «сниматься» иногда, – клиент один, иностранец, подарил. Ручка типа «шпионской», стреляющая иголками. Как тот голландец сказал, нужно только повернуть колпачок против часовой стрелки и нажать на пимпочку. И тогда обидчик тихо уснет и все. Ни разу не довелось Глаше воспользоваться импортной хреновиной, всегда она была осторожна и обходилась без скандалов с клиентами. А потом и вовсе забыла про вынужденный промысел, устроилась подрабатывать в районную рекламную газету.

А тут, словно бес попутал от испорченного хорошего настроения. Увлекла распалившегося грузина на пустынную и темную уже

солнечную палубу, а как он под юбку полез, так и выстрелила ему из приготовленной заранее «авторучки» прямо в сердце. Тот сразу упал, как-будто и правда подстреленный. И лежал не как спящий, а как мертвый. Когда перепугавшаяся Глафира стала ощупывать ему грудь – сердце не билось. А за поясом, сзади, у него был пистолет. Зачем бумажник у него вытащила, сама не представляет, наверное, от шока.

Анчаров с Муравьевым переглянулись и посмотрели оба на Дашу. Та, казалось, не слушала рассказ подруги, курила сигарету за сигаретой, да потягивала «Мартини» из недавно открытой литровой бутылки.

В тонком бумажнике грузина был российский паспорт с московской пропиской, немного наличных и несколько кредитных карточек. И еще тонкий листок чертежной бумаги с подробным планом теплохода. Это бы еще ничего, да вот только сразу несколько мест на плане были отмечены крестиками, и все – ниже ватерлинии – в местах, легкодоступных для постороннего, но все-таки скрытных. Не понравилась эта бумажка офицерам. Так же, как и сообщение о пистолете. Пришлось разбираться. И по-быстрому, пока шум не начался. Девчонкам, понятное дело, ничего о плане судна говорить не стали. Велели закрыться и спать. Сами же сначала осмотрели тело, забрали пистолет. Перетащили бездыханного, но живого, живого все же грузина подальше от стоящих в изобилии на солнечной палубе шезлонгов, лежаков и столиков. Прикрыли тело свернутым тентом, оставленным в солярии для какой-то надобности, прихватили найденные в кармане кавказца ключи от каюты и ринулись ее осматривать. В каюте никого больше не было, слава Богу, зато вот в огромной дорожной сумке обнаружилась неприятная неожиданность в виде двух-трех десятков килограммов гексогена в аккуратных мешочках. Был и электронный взрыватель с таймером, но ворошить сумку дальше Толя Анчарову не разрешил – так, сдуру, можно было и самим взорваться, и весь теплоход с людьми погубить. Могли у грузина и сообщники найтись... Надо было быстро принимать решение. Муравьев его принял, может быть, и не самое лучшее, но раздумывать было некогда – кто его знает, на какое время таймер выставлен? Поднимать панику? Докладывать капитану? Эвакуировать срочно людей? Куда? Мы в среднем течении Свири – места глухие! Ждать, пока очнется лежащий в шоке грузин, и

потрошить потом его наскоро, добиваясь правдивых показаний – опасно. Вызывать из рубки группу антитеррора из Питера или Петрозаводска? Пока они долетят на вертолете, пока высадятся, пока поймут, что к чему, а взрыватель считает бесшумно никому, кроме лежащего в отрубе грузина, неизвестное время до взрыва. Выбросить за борт взрывчатку, упаковать накрепко террориста, – пусть с ним потом власти разбираются? Так ведь сумку потом на дне не найдешь, Свирь не Фонтанка – не прочешишь с водолазами! И разбираться будут уже не с грузином, а с тобой. Да и девчонку жалко – дурищу – испортят ведь ей жизнь, глупышке.

Перекрестились мужики и, чудом никем не замеченные, – благо ночь уже – выкинули и грузина, и груз его, – за борт, каждую секунду ожидая неминуемого взрыва. Но опять обошлось. Пока обошлось. Теперь предстояло разобраться досконально во всей этой неприятной истории.

Сегодня утром девчонки так и не показались ни за завтраком, ни на экскурсии. Если их не будет и на обеде, придется снова принимать решение... Да еще и дружки кавказца неожиданно обнаружили у чайной. С другой стороны – раз никто на связь не вышел с людьми из черного «бумера», значит, никого больше на теплоходе и не было. И нет *уже*. Ин и хорошо, ин и ладно.

– Андрей что-то видел, мне кажется, – скороговоркой шепнул Саня другу, поднимаясь по трапу на среднюю палубу – к ресторану.

– А вот пообедаем, узнаем, что с девочками, и потом с Андрюшей попьанствуем! Сам все расскажет, если есть что на сердце, не зря же он так охотно стал с нами знакомиться. Чувствую, что поддержка ему нужна – переживает человек, жопой чую!

~~~~~

Писем в ящике было два. Одно с рекламой порносайта, отчего сразу отправилось под кнопку «пожаловаться на спам». Второе из Эстонии, от Сережки – штурмана бывшего петровского экипажа.

09. 08. 08.

12:46.

Андрюша, привет! Завтра в Рамсгейт летим, а потом снова в Перт месяца на два. Достала уже эта Австралия, хорошо хоть зима сейчас у них. Ну что, всыпали наши «грызунам» по первое число! И вроде бы останавливаться не собираются! Только медленно как-то все идет, неужели за один день нельзя было отбомбиться сразу по Тбилиси?! Да я бы со своего ракетноносца, не подлетая к Грузии, все их штабы раздолбал! Эх, россияне, просрали армию советскую, душа кровью обливается! Хоть как-то воюют и то уж не так стыдно! А кураты сначала по всем каналам показывали, как грызуны бодро в наступление идут, а сегодня пластинку сменили на похоронную: огромная Россия напала на маленькую свободолюбивую мирную Грузию! Как тебе плавается? Хороша ли Россия с борта парохода? Подругу не завел себе еще? Ну да, ты же у нас «не ходок» и даже не пьяница))))))! И в кого ты такой примерный уродился, Андрюха? Все, автобус пришел, поеду на базу! До связи!

С.

09.08.08

15:03

Zdravstvuj, Sery! Bistro ti zabil, kak ecsho v4era s Rossiej rasplevalsja! Ja s soboj klavu ne bral – latinicej dlinnie pisjma pisatj lenivo! Parohod klassny, devo4ki krasavici, priroda pervozdannaja. Bilo uzhe I priklju4enie – ostanusj zhivoj – rasskazhu... No ti pomni pro May Day ot menja, esli pisem bolshe ne polu4ishj! A parohod u menja PETERBURG Vodoljot Company. Kruiž: SPb – Astrahanj – SPb. Navedeshj spravki, esli 4to – boljshe nekomu! Privet Borode, I komandiru poklon! Do svjazy!

А.

Андрей Николаевич быстренько пробежался по новостным сайтам, вздохнул и вышел из Сети. Отключил ноут и снова припрятал его в тумбочку. На столике остался лежать образ св. Александра Свирского, привезенный из монастыря. Петров перекрестился, прикоснулся губами к стеклу иконки и поставил на полочку над кроватью. На душе лежало чувство непонятное: коктейль из смутения, грусти, радости и досады... Столько всего случилось за последние сутки! Конечно, Петрову не привыкать было к резкой смене впечатлений, к экстриму и необходимости быстро решать проблемы или, наоборот, – сдерживаться и не совершать ненужных суетных движений, дабы не усугубить нештатную ситуацию. Просто, в другой плоскости развивались события – в области чувств человеческих и взаимоотношений. Тут тебе и испуг (чего перед собой-то душой кривить?), и надежда, и любопытство (давно, казалось, уснувшее навсегда), и радость встречи со святынями, и всколыхнувшаяся тяга к женщине, и физическое блаженство от слияния с природой: всем телом, генной памятью узнаваемой своею – родною природой, давшей новые силы, чуть ли не молодость!

Теплоход качнуло, по громкой связи раздался под музыкальную заставку привычный уже голос диктора: «Дорогие друзья, теплоход «Петербург» продолжает путешествие! Впереди нас ждет Онежское озеро. А ресторан «Волна» приглашает первую смену на обед!».

Глава седьмая

– Девчонки, физкульт-привет! – Толя Муравьев искренне засиял белозубой – от моря до моря – улыбкой. Анчаров, упруго покачиваясь на кривоватых ногах-пружинах, хотел было, по обыкновению, ляпнуть что-нибудь шутливое, но заглянул в испуганные глаза Глафиры, смотрящие на мужчин с тоскливой надеждой и внезапно просто подмигнул ободряюще, дескать: не трусь, все будет хорошо!

Девушки сидели за красиво сервированным ресторанным столом как на госэкзамене. К еде не притронулись, все ждали чего-то. Они не поздоровались в ответ, только кивнули мужчинам синхронно.

Даша даже приподняться сделала движение, как будто и в самом деле строгие преподаватели явились к студенткам вершить свой суд – неподкупный и нелицеприятный. И одеты были подружки как-то неподходяще для круизного лайнера: в наглаженных деловых костюмчиках, словно в офисе крупной европейской компании были младшими клерками.

Толя с Сашей переглянулись, согноли с лиц радушные улыбки, сделали лица скучно официальными, как «при исполнении». Сели, молча за столик, встряхнули дружно салфетки и аккуратно расстелили на коленях. Деловито принялись за салаты, подчеркнуто не обращая на девушек внимания. И лишь когда заметили, как набухают слезами глаза у Глаши, как сидящая с краю Дарья заерзала вдруг всем своим длинным телом и засобиралась вскочить и бежать куда-то, Саня грозно хмыкнул, пробуя голос, и объявил негромко, чтобы за соседними столиками никто не услышал:

– Заседание круизной комиссии по делам несовершеннолетних считаю открытым.

– На повестке дня один вопрос, – продолжил так же казенно Толя, – долго вы будете, девчонки, убиваться из-за какой-то ерунды?

Саня жестом фокусника вытащил из-под стола два роскошных персика и, вытянув худые загорелые руки над столом, положил фрукты перед открывшими рты подружками:

– Нечего кукситься, девчата! Инцидент давно исперчен, как сказал один плохо кончивший классик советской поэзии.

– Какой поэт?! – строго уточнил у девочек Толя?

– М-Маяковский, – запинаясь от волнения послушно ответила Даша.

– В-Владимир Владимирович, – добавила зачем-то, икнув, Глафира и смущенно прикрыла рот розовой детской ладошкой.

– Зачет! – торжественно объявил Муравьев и улыбнулся так искренне, что девушкам ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру. Улыбки, правда, вышли несмелые, но Анчаров поддержал их, растянув смуглыми пальцами свой рот под щеткой усов до предела, смешно округлив черные глаза – не хочешь, а захохочешь. Так и вышло.

Толя подождал минуту, пока официантка поставит перед ними суп, и буднично заговорил:

– Значит так, милые мои проказницы. Злой дядя оказался обыкновенным бандитом на отдыхе. Пистолет у него игрушечный – зажигалочка. Сам он жив – здоров и сейчас, после проведенной нами утром разъяснительной работы, скучает на автостоянке в Лодейном поле, ожидая автобуса на Петроград. А пароход наш, как вы, может быть, заметили, в чем я, впрочем, не уверен, пароход наш уже полчаса как отошел от пристани и держит курс на Онежское озеро. Скоро, кстати, будем проходить первый шлюз, – а я никогда еще этого не видел, так что, давайте быстренько пообедаем и пойдем на палубу. А про вчерашний инцидент с легкой душой забудем и не станем задавать друг другу дурацких вопросов и нотаций читать тоже не будем. Вы взрослые уже, а мы вам не папа с мамой.

– Ну, ты за всех-то не говори, я может быть за маму и сойду, если надо, – хохотнул Анчаров.

– Ага, приголубишь и колыбельную споешь! Отставить, прапорщик!

– Сам ты прапорщик, – обиделся Саша, надулся и принялся за остывающий борщ.

Глаша с Дашей едва успевали моргать глазами, и из всего диалога поняли только, что все неприятности позади и можно ничего больше не бояться. Обед заканчивали весело. Девушки оттаяли и повеселели, на их лица вернулись естественные свежие краски, пальцы перестали подрагивать, в движениях стройных фигурок снова появилась невольная чувственность, а голоса перестали срываться.

Вся компания после громкого Анчаровского: «Спасибо нашим поварам за то, что вкусно варят нам!» – продефилировала между столиков на выход и вышла на палубу под легкий ветерок и горячее солнышко.

Все дружно закурили, радуясь возвращению непринужденной атмосферы праздника, который, как Париж у папы Хэма, всегда с тобой – вместе с пароходом и только начавшимся еще путешествием.

Толя незаметно для девушек изобразил Сане росчерк воображаемым пером на своей ладони. Тот кивнул и оттеснил Глафиру немного в сторону.

– Глаша, один момент с тобой давай решим, чтобы поставить точку во всех вчерашних приключениях. Ручка, *та*, с тобой?

– Да, – Глафира вздохнула и полезла в маленькую сумочку.
– Дай сюда! – Анчаров небрежно принял из вздрогнувшей горячей руки девушки небольшую, но тяжелую даже на вид металлическую авторучку, повертел в руках оценивающе, оглянулся скучающе вокруг и выкинул опасную игрушку в реку.

– Не было ничего, Глашенька! Ни ручки этой треклятой, ни хама грузинского, ни слез твоих, ни того, кто ручку эту тебе подарил – *не было!* Понимаешь, славная девочка, *не было!* Ни для тебя, ни для меня.

Глаша с тоскливой надеждой посмотрела в черные щелки мужских глаз, поняла, что глаза эти не врут ей сейчас, прижалась порывисто к жесткой груди офицера, легкая, как тростинка из песни Тухманова, не девушка, а ветерок, и снова немножко поплакала – радостно и облегченно.

Анчаров тихонечко, как ребенка, гладил девушку по вздрагивающему плечу, а сам смотрел на берег, проплывающий мимо теплохода, и не видел его, а видел почему-то молоденькую сестричку из госпиталя в Кандагаре, которая налила ему спирту тайком после операции, узнав, что солдату в тот день стукнуло 19 лет.

Муравьев рассеянно слушал Дарью, щебетавшую что-то про журналистскую практику на телевидении, кивал ей в ответ, и видел боковым зрением, как подходят друг другу юная Глафира и почерневший от жизни, твердый, как кремешек, Анчаров. «Спаси вас Господь!» – думал он, – «Спаси и помилуй!».

~~~~~

Вера, соседка Петрова по столу, кивнула Андрею Петровичу как своему, и, оставив нетронутым десерт, первая покинула ресторан. В коридорах было пустынно, первая смена еще обедала, вторая отдыхала после экскурсии в каютах или устроилась в шезлонгах на палубе. Вера быстро пробежала по трапу на одну палубу вверх и без стука вошла в каюту к Кириллу с Машей. «Супруги» сидели в своем просторном полулюксе у телевизора и смотрели новости, дружно покуривая и попивая минералку со льдом. Неожиданному визиту они не удивились. Машенька сама перед обедом вызвала Веру на связь условленным знаком.

– Что-нибудь выяснили? – спросил добродушно Кирилл, не отрываясь взглядом от новостной картинке из воюющего Цхинвала.

– Петров Андрей Николаевич – мы вместе питаемся, – нервничает немного. И в чайной на кавказца запал, и с приднестровцами задружился сразу. Осетины ведут себя естественно. Да и вообще, кроме Гугунавы, подозрительных лиц больше не отмечено. Список пассажиров я еще раз проработала, все почти, кроме него, места заказывали заранее, многие за полгода. Но Гугунава пропал, с теплохода он не сходил, в каюте ни его, ни вещей не обнаружено. Я горничным и администратору круиза подтвердила версию Муравьева, что Гугунава сразу по прибытии теплохода в Лодейное поле покинул борт с вещами.

– Это правильно. Так. Про «версию Муравьева» проясни, пожалуйста!

– Я на завтрак шла и слышала, как приднестровец интересовался у доцента: не знает ли он, куда это их сосед-кавказец с нижней палубы с вещами с теплохода побежал, едва пришвартовались? Тот сказал, что не знает, но потом воронежец горничной уже от себя эту версию высказал, когда она спросила – почему в соседней каюте пусто? А я минуту спустя подтвердила, что тоже это видела. Но вахтенный *наш* стоял утром на сходнях – Гугунава мимо него не прошел бы. Я сочла, что лучше будет подтвердить экипажу версию Муравьева, чтобы не было ненужного шума.

– Правильно.

– Возможно, я пропустила что-нибудь ночью. Теплоход большой, народу много, за всеми не уследишь.

– За всеми и не надо, – откликнулась Маша. Она открыла сумочку и протянула Вере маленькую черную штучку, похожую на обыкновенную флэшку...

– Мария Ивановна, я без лишних подходцев попрошусь к Петрову в Интернет заглянуть, тогда радиозакладку и поставлю. Если они всей компанией соберутся поговорить, то наверняка у него в каюте, он же один, без соседа путешествует.

– Хорошо, Вера. Эта группа пока наиболее интересна в связи с нашей проблемой. Скоро будут данные по БМВ и ее команде, – Кирилл усмехнулся немудреному каламбуру, – если наша версия подтвердится, будем разбираться с Гугунавой и дальше. Идите.

Андрей Николаевич гостеприимно налил Верочке пива в высокий бокал, подвинул пепельницу, подключил ноутбук к Сети, а сам пошел покурить на палубу, чтобы не смущать неожиданную гостью. Вспомнил, как упруго качнулись ее груди в открытой блузочке, когда она устраивалась за ноутбуком, как естественно выпрямилась спина над выпуклыми ягодицами, снова ощутил прилив исключительно физического, без особой душевной симпатии к женщине, желания и стер мимолетную мысль о Вере с покрасневшего лица ладонью – как умылся. Захотелось зато помечтать о Люсе. Но Люся куда-то пропала после экскурсии, а ходить разыскивать ее по всему теплоходу было неудобно.

– Андрей, ты что, забыл о плане мероприятий, утвержденном в автобусе?! – зычный командирский окрик Муравьева отвлек от «несвоевременных», по Ленину, мыслей.

– Братишка разомлел на солнышке, как я вижу, сейчас лечить будем подобное подобным! – не задержался за словом и Анчаров.

Мужики весело потрясли двумя пластиковыми мешками. В одном весело звякнуло, в другом просвечивалась на солнце огромная дыня.

– Ну, орлы, вы и мертвого уговорите, – засмеялся Петров и заглянул в свое полуоткрытое окно – Веры в каюте уже не было.

– Вэлкам!

Затопали по металлу палубы легкими летними туфлями на крепких, звонких каблуках, остановились у главного входа на минуту – подтянутый молодой матрос из палубной команды со шваброй в руках вежливо уговаривал туристов, крошивших куски белого хлеба, прихваченного с обеда, не кормить чаек.

– Жалко, что ли ему? – удивился Анчаров.

Петров, не раз в прошлой жизни ходивший из Таллина в морские круизы по Балтике, коротко пояснил:

– Засрут ведь чайки пароход, потом гуано не отмоешь – едкое!

– Ну да, – грустно покачал головой Толян. – Мы уж с Саней и забыли, какие они – чайки-то.

Мужчины в колонну по-одному прошествовали через сияющий зеркалами холл, неслышно потянулись по длинному, покрытому красной ковровой дорожкой, коридору Шлюпочной палубы.

Петров, идущий впереди, услышал вдруг из расположенного чуть

дальше его каюты бара «Панорама» скороговорку диктора «Вестей».

– Может, зайдём на минутку, посмотрим, что в мире делается? Я, правда, слово себе дал забыть про войну, но кофе хочется, а заваривать самому лень.

На самом деле Андрей Николаевич хотел проверить – нет ли там, в баре, часом, Люси? Но даже себе в этом сейчас не признался бы.

– А чего? Пойдём! – легко согласился Муравьев, идущий следом. Зато Саня протестующе потряс тяжёлыми мешками с коньяком и фруктами.

– Точно! У меня же каюта не закрыта... – вспомнил Петров, перехватил мешки, бросил на диванчик в своей каюте, поднял приоткрытое окно, чтобы ноутбук, лежащий на столе, не привлекал лишнего внимания, закрыл дверь на ключ и проследовал в бар.

Посетителей было мало. Компания заказала развязно услужливому бармену Диме кофе. Анчаров даже мороженого попросил под иронические улыбки товарищей. Солнечные зайчики склоняющегося потихоньку к горизонту солнца играли на протертых до блеска разнокалиберных фужерах и бокалах, висящих вверх ногами над стойкой, в огромных окнах отражались, пробегая навстречу друг другу, синие волны и зеленые с желтой песчаной каемкой берега, редкие чайки и высокие облака над лесом. Шевелились, раздуваясь и опадая, легкие тюлевые занавески над приоткрытыми боковыми створками окон. На носу теплохода, на площадке перед баром, устроились в пластмассовых креслах туристы – кто с биноклем, кто с фотоаппаратом или видеокамерой. Задумчиво глядели они на разбегающиеся влево и вправо берега, на бесконечную широкую ленту реки, на рыбацкую лодочку в тихой заводии на излучине, да на цепь бакенов, мимо которых прокладывал незримую линию своего пути теплоход «Петербург».

Вот молодая женщина, облокотившись на поручни, изогнула волнуяще стан, подобно извиwu реки, и ветерок играет с ее волосами, а муж ее или друг отошел на несколько шагов назад и, склонившись над своей «зеркалкой», тщательно выстраивает композицию будущего снимка, чтобы и фигура подруги у борта вписалась, и небо, и берега, и блик от солнца заиграл в верхнем правом углу лучами, не пересвечивая, а *осенняя* картинку.

Из динамиков большой плазменной панели, подвешенной в углу бара, закадровый бархатный баритон комментировал со сдержанной яростью картинку разыгравшегося под Цхинвали сражения. Войсковая группировка федералов, спешно переброшенная на помощь осетинам по Рокскому туннелю, все еще в десять раз уступала по численности стянутой заранее к границе грузинской армии. Но, несмотря на это, грузины бежали, оставляя за собой трупы осетинских стариков, детей и женщин. И сотни своих трупов. И это была война. И русские солдаты упрямо шли вперед, сталкивая грузин с хорошо подготовленных позиций на господствующих высотах, грудью своей закрывая от смерти жилые кварталы израненного Цхинвала. И тоже погибали. А война давно распространилась с окровавленного кусочка кавказской земли на весь мир и превратилась, как водится, в информационную. И снова превратилась в войну всего мира с Россией.

Непривычно жесткие и образные формулировки журналиста, читающего закадровый текст, брали за живое не хуже страшной телевизионной картинки. Но Толя Муравьев вслушивался именно в голос, даже прикрыл глаза в один момент, чтобы что-то про себя понять в этом голосе. Он открыл глаза и испытующе посмотрел на тоже обратившегося вдруг в слух Анчарова, тот неуверенно кивнул другу и против обыкновения не полез за сигарой, а прихватил со столика открытый «Кэмел» Андрея и закурил, уйдя куда-то в себя. Петров, у которого дома были все фильмы об их авиакомпании, снятые и озвученные когда-то Валерием Ивановым, давно уже узнал его голос и только подумал про себя: «Добрался старик до фронта все-таки! Надо будет, вернусь в Питер, ему позвонить...».

Обратив внимание на реакцию офицеров на голос комментатора – в кадре он так и не показался, а на экране уже шел сюжет с пресс-конференции генерала Ноговицына, – Андрей Николаевич не удержался и сказал с некоторой гордостью личной причастности:

– Друга моего репортаж был, мы с ним летали вместе часто. Он, вообще-то, из Риги, но недавно тоже в Питер перебрался, в Россию.

– А как зовут его? – рассеянно поинтересовался Толян, отпив глоток остывающего кофе.

– Иванов Валерий Алексеевич, тележурналист.

– Тележурналист, значит...

– В России, значит, – в тон Муравьеву протянул Анчаров.

– Жив, Поручик-то!

– Это радует!

Офицеры решительно поднялись из-за стола и подмигнули, не сговариваясь, Петрову.

– Пойдем, Андрей, выпьем за Иванова, да и поговорим заодно! – приподнятым тоном приказал подполковник, и они заторопились к выходу.

Глава восьмая

Кирилл вышел из душа в одних трусах, вытираясь на ходу, бросил полотенце на ящик урчащего в углу кондиционера и, отдуваясь, тяжело плюхнулся в кресло перед журнальным столиком.

Рядом сидела в халатике, с тонкой белой сигареткой в руке сосредоточенная Машенька. Странно было видеть ее глаза без легкомысленной нарочитой пустоты во взгляде, слышать деловитый собранный голос без малейшей трели щебечущих птичьих ноток. Женщина сняла наушники, подключенные к ноутбуку, и включила негромко встроенные динамики.

– Пишешь? – спросил коротко Кира.

Маша даже не ответила, только вздохнула тихонько, устраиваясь в кресле поосновательней.

Кирилл крякнул виновато, кинул дежурный взгляд на задернутые на окнах просторного полулюкса занавески и потянулся за сигаретами. В динамиках ноутбука журчало – товарищи офицеры с радистом Петровым разливали коньяк.

– Давайте, мужики, выпьем за всех, кто был с нами в тяжелую минуту, за тех, кто и сейчас на посту, неважно – в море, в небе или в бою! За Иванова в особенности!

Зазвенело стекло, скрежетнула алюминиевая Голина кружка, закрипели диваны – выпили стоя. Сочно захрустела нарезаемая дынька, зачавкали, утираясь руками мужики, потянулись к сигаретам, защелкали зажигалками. И не успели слова сказать, как снова зажурчал в динамиках разливаемый коньяк. Одни междометия, да тосты, включая третий, без чоканья.

И потом только пошел интересный для Кирилла с Машей разговор:

– Значитца, ты, Андрюша, решил, что труп видел! – хохотнул Муравьев. – Маша резко вскинула глаза на Кирилла, тот поднял указательный палец и удовлетворенно кивнул седой головой...

Когда изрядно принявшая на грудь компания вывалилась дружно из каюты и отправилась глядеть на первое в этом круизе прохождение шлюза, Маша настроила ноутбук на автоматическое включение записи при срабатывании радиозакладки на речь и принялась неторопливо заваривать кофе.

Кирилл, успевший за полтора часа прослушивания озябнуть, сидя в одних трусах, кряхтя, поднялся из кресла, натянул легкие светлые брюки, накинул на плечи, не застегивая, мятую белую рубашку.

Что-то не срасталось в его большой лысоватой голове, какая-то деталь ускользнула из памяти, но тренированное подсознание – тренированное неосознанно, конечно, на то оно и *подсознание* – опытом жизни тренированное и натасканное *службой*, – подсознание стучалось наружу, настоятельно требуя внимания к себе.

Машенька, хорошо знавшая причуды и стиль мышления своего коллеги и начальника, молча заварила кофе, коньячку грузинского ОС (особо старого), конечно, советского еще, налила малюсенькую рюмочку, сэндвичей с ветчиной нарезала Кириллу, а себе соорудила маленький бутербродик с икрой.

Кира, выпятив голый живот, разгуливал по каюте, то и дело натыкаясь на предметы нехитрой обстановки, напевал что-то бессвязно, взмахивал длинными руками, периодически бия себя по лбу сокрушенно, но так и не выбил ничего. Рухнул полковник на кресло, рюмку-наперсток коньяку махнул, не смакуя. Свежей грудинкой занюхал было коньяк и вдруг накинулся на сэндвичи так, как будто съесть их все за минуту стало вопросом жизни и смерти. Маша улыбнулась умиленно, потом вспомнила, что может являться причиной такого аппетита и строго предложила-приказала:

– Кирилл, сахар измерь немедленно!

Она приготовила глюкометр, сама уколола ручкой-колоткой длинный белый палец Киры с аккуратным ухоженным ногтем, сама приложила палец с капелькой почти черной крови к торчащей из глюкометра тест-полоске. Приборчик пикнул, через 40 секунд на электронном табло высветились цифры: 3,2.

– Ну вот, опять почти «гипа»! Ешь скорей, и давай я в кофе сахар положу!

Побледневший Кирилл проглотил последний сэндвич, откинулся на спинку кресла и утер холодную испарину со лба.

– Машенька, все хорошо уже, спасибо! Это я в обед таблетки выпил, а ел мало, наверное, вот сахар и упал.

– В санаторий тебе надо или в госпиталь, а не на пароходах разъезжать! – ворчала Маша. – Все самому надо, как мальчик, ей Богу! Вот посадят на инсулин, что делать будешь?

– Отставить причитания! – Кирилл надул и без того выпуклый живот и звонко пробил на нем барабанную дробь. – Понял!

Маша послушно закрыла ротик и уселась в кресло напротив, разливая настоявшийся кофе по большим толстым кружкам.

Кира протер о полу рубахи очки, водрузил их на нос, закурил и начал речь:

– Итак, пункт первый. Товарищи приднестровцы в какой-то степени наши коллеги – служат в МГБ ПМР. Раз. Юные девчата, с которыми они так удачно сидят за одним табльдотом в ресторане, попадают в историю. Точнее, в историю попадает Глафира, к которой, очевидно, горячий майор Анчаров внезапно испытал не совсем отеческие чувства. Два.

А история эта связана с единственным, надеюсь, нехорошим человеком, достойным нашего внимания на вверенном нам же временно объекте – Давидом Гугунавой с ласковой кличкой Жеребец. Данные об активизации грузинских спецслужб вообще и по Жеребцу, в частности, были косвенными, но, все же заслуживающими того, чтобы за нашим паромом во избежание теракта отправили приглядывать таких солидных людей как я, и даже таких вертихвосток как ты с Верочкой. Это если не считать нашего практиканта-лейтенанта, который сейчас машет шваброй на палубе, что ему исключительно полезно, как я полагаю.

Жеребец, очевидно, оправдал свою характеристику и попытался снять на ходу сексапильную подружку, а Глашенька, право, очень даже хороша – огонь-девка! – Маша при этих словах хмыкнула иронически и как бы машинально переложила на край стола глюкометр. Кирилл намек понял, отмахнулся от него с досадой, однако распущенное брюшко незаметно втянул.

– Ты не сбивай, я и сам собьюсь! Подвыпившая Глаша решает отшить Гугунаву своими силами, увлекает его в пустынный ночью

солярий и оставляет на Солнечной палубе бездыханным. Как ей это удастся? Версия с ручкой-парализатором идиотская, но, как и все в нашей жизни, вовсе не невероятная. Анчаров заверил Петрова, что ручку он выкинул. Это мы пока поверим на слово, возможна и ловкость рук.

Далее следует версия приднестровцев, которую они навесили на уши доверчивому летуну Петрову, случайно оказавшемуся свидетелем усыпления Жеребца Глафирой. Петров, тем не менее, оказался в состоянии связать исчезновение тела Гугунавы с палубы с внезапным появлением на ней – до того безлюдной – приднестровцев. Насторожило его и внезапное появление у монастырской чайной в российской глуши «Боевой Машины Вора» с несимпатичными кавказцами на борту. Маяться сомнениями о явке с повинной, или о возможном устранении самого Петрова, как свидетеля происшествия – либо грузинами, либо как-то связанными с этим делом приднестровцами – летчику быстро надоедает, он интуитивно идет ва-банк, и, улучив момент, рассказывает Муравьеву о своих проблемах.

– Приднестровцы устраивают дружескую пьянку с Петровым и успокаивают человека. Просто волонтеры из «Армии спасения», а не бывшие рижские омовцы с большим стажем службы в тираспольской госбезопасности! – едко вставила Машенька, прикуривая новую сигаретку.

– Да-да! Я склонен считать, что и девчонкам, и Петрову рассказали щадящую их нервы полуправду. Дескать, Муравьев с Анчаровым тихонько оттащили Гугунаву в каюту, там он пришел в себя, а приднестровцы рано утром провели с бандитом разъяснительную беседу, и он покинул наш белый теплоход с искренним намерением остатки дней провести за вышиванием крестиком.

– Но практикант наш стоял утреннюю вахту на сходнях и никакой грузин борта теплохода не покидал. Так что же, Гугунава прячется на пароходе от приднестровцев? Или же наши, с позволения сказать, коллеги ни с того, ни с сего прикончили Жеребца и сбросили его за борт? Зачем?

– Может быть, Гугунава на самом деле отбросил коньки после того, как Глафира его парализовала своей «авторучкой»? Сердце не выдержало, бывает...

– И опытные мужики, оперативники из простой симпатии к едва знакомой девчонке берут на себя сокрытие преступления? И еще помогают его сокрывать, уничтожая все улики?

– Да, одной мимолетной симпатии к красивым девочкам для этого маловато...

– Девочкам, кстати, по 25 лет уже, не такие они и юные...

Кирилл достал из кармана платочек и протер снова вспотевшую блестящую плешку:

– Неприятный вопрос о том, как же это мы, пусть и из лучших побуждений, так далеко «отпустили» из под наблюдения Гугунаву, что его успели грохнуть у нас под носом, я временно опускаю. Это мы еще обсудим... Можно, конечно, не мудрствуя лукаво, задержать всю компанию на ближайшей стоянке и допросить на берегу с пристрастием...

– Весь пароход наполнится слухами, надо нам это? А если Гугунава и в самом деле член террористической группировки или сотрудник грузинских спецслужб? А если у него остались невыявленные сообщники на теплоходе?

– Конечно, конечно... Но мне, Машенька, просто, людей жалко. Их и так жизнь ломала, а тут снова в переплет! Давай сначала попробуем разобраться. Да и для дела вредно сейчас шум поднимать и делать резкие движения. Подождем донесения от территориалов насчет «экипажа машины боевой».

– А что тебя «дошло», Кира? Ты даже по брюху забарабанил! – Маша обошла журнальный столик, зашла Кириллу за спину и ласково поцеловала в макушку, не забыв, правда, шлепнуть звонко и по снова распутившемуся животику. Полковник перехватил ее руку и поцеловал нежно.

– Это элементарно, Машенька. Я думаю, что приднестровцы обыскали тело Жеребца прежде, чем совершать с ним дальнейшие *телодвижения*. И нашли что-то такое, что заставило их немедленно принимать решение и действовать, невзирая на уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Может быть, это «что-то» они нашли у Гугунавы в каюте. И тогда им пришлось избавляться разом и от Жеребца, и от его груза. Нам ведь так и не удалось досмотреть багаж грузина до его исчезновения...

– Ты сам приказал действовать крайне осторожно, чтобы не спугнуть фигуранта!

– Я-то приказал... Не забывай, что наше присутствие здесь основывалось на крайне зыбких гипотезах и вообще-то вся операция – почти что моя самодеятельность, основанная на интуиции, а не на фактах. Иначе бы все было по-другому, сама знаешь. Да просто отменили бы круиз в конце концов... Во время первой экскурсии планировалось все досмотреть в его каюте. Но все закрутилось очень быстро, и до экскурсии Гугунава не дошел. А приднестровцам наверняка было не до проведения расследования. Они на территории чужого для них государства. Да еще к тому же, государства, со вчерашнего дня ведущего войну. Настоящую войну, о чем многие наши граждане, по-моему, до сих пор не догадываются. Но коллеги наши – люди битые, воробьи стреляные. И аргументы у них должны быть крайне серьезные, чтобы пойти на то, на что они, я полагаю, вынуждены были пойти. Вот потому-то я и не хочу сейчас никого дергать и никому ничего сообщать преждевременно.

– Ты полагаешь, что...

Мобильник Кирилла проснулся вдруг, заерзал на столике, завибрировал и начал сползать к краю.

– Слушаю... Да, могу. Докладывайте!.. Отлично! Подробности... Переведите их в Питер, в Управление. Немедленно! Я туда сообщу план необходимых мероприятий. Координация через Антипова... Благодарю! Молодцы!

Кирилл отключился и торжествующе бросил мобильник на кровать. Тот, конечно, пролетел мимо и со стуком упал на пол.

– Упс! – Кира развел руками. – Ну что, Машенька, пойдем вести праздный образ жизни, выпьем по коктейлю, посидим на палубе, подышим воздухом!

– Задержали машину?! Группа?

– Группа! Гугунава исполнитель. И Муравьев с Анчаровым наверняка ликвидировали Жеребца, как только нашли у него в каюте взведенное взрывное устройство. – Кирилл поднялся и размашисто перекрестился на пейзаж, висящий над двуспальной кроватью. – Слава Тебе, Господи! Могли бы ведь уже рыб кормить! Пока бы мы чухались да присматривались...

– Да если бы не твоя интуиция, нас бы вообще здесь не было, Кира! Ведь ты на пальцах вычислил именно этот теплоход из тысячи! Мы здесь почти случайно! Не мог же ты проводить весь комплекс антитеррористических мероприятий, когда у тебя ни

одного факта в руках не было! Над тобой и так за спиной посмеивались, вняли только твоей просьбе насчет последнего дела перед увольнением, разрешили потешиться напоследок без пяти минут пенсионеру! – Маша всплеснула руками по-бабьи и прикрыла рот ладошкой, прежде чем тихонько спросить, – Ты уверен, что ребята избавились не только от Гугунавы, но и от мины?!

– На 99 процентов! Столько войн прошли мужики, и бюрократии на тех войнах не разводили – некому было. От того и действовали решительно и самостоятельно.

– А если все не так?

– Надеюсь, что так. Если бы не случай, Маша, мы в лучшем случае перехватили бы Гугунаву при попытке удрать с теплохода в Лодейном поле. И то не факт, могли бы и прозевать. Да и к силовому задержанию мы не были готовы. Их вместе было бы трое, все вооружены. В общем, оставалось бы снимать всех людей с теплохода и ждать, пока он рванет. Это еще, если бы мы догадались про минирование. Никто же не знал точно, что они задумали. Догадываться, не значит знать. Чудо, Машенька, просто чудо. Александр Свирский, не иначе...

Кирилл застегнул рубашку, положил в карман служебное удостоверение, поднял с ковра мобильный телефон и твердо приказал Маше:

– Переодевайся! И жди меня в «Панораме». Я пойду с Муравьевым побеседую!

– Зайчика возьми на подстраховку, Кира, я тебя прошу! Он с оружием...

– Зайчик пусть палубу драит, молод еще. Я пошел. Веру предупреди!

Глава девятая

Теплоход замер, тесно прижавшись к правой стенке шлюза. Серый шершавый бетон, казалось, впитал в себя реку, так пахло от него – мокрого, сыростью и ввевшимся пронзительным холодом. Закрылись наглухо за теплоходом огромные створки задних ворот, медленно, невидимо для глаза, в шлюз стала поступать вода,

поднимая четырехпалубный теплоход со дна узкого ущелья все выше и выше – к свету и теплу. Толпа, высыпавшая на палубы, как только судно стало входить в шлюз, как будто съежилась, представляя себе, что будет, если вдруг сейчас, с верхнего уровня, прорвется вода огромной волной цунами, и тысячи тонн разом ухнут на внезапно показавшийся всем хрупкой скорлупкой теплоход!

Толян шепнул уцепившемуся за поручень Анчарову, не любившему так много воды:

– Представляешь, взрывчатка бы сейчас ухнула на нижней палубе? Просто пиздец! – Саня только поежился, поведя напрягшимися худыми плечами. А теплоход медленно поднимался все выше и выше, пока, наконец, не ушли вниз даже кривые яблоньки, клумбы с немудреными цветами и аллея голубых елей, высаженных заботливо шлюзовиками поверх бетона, казавшегося сейчас просто островком на пути реки.

Туристы восторженно загалдели, как только толстые стальные створки передних ворот шлюза начали медленно открываться, и прямо перед носом теплохода вновь заголубела река, засияло солнце, и снова открылся нескончаемый водный путь.

– Сильное впечатление! – даже насмотревшийся по белу свету на множество чудес Петров не смог сдержать своего восхищения увиденным. Впрочем, после того, как приднестровцы свалили с его души тяжелый камень, Андрей Николаевич готов был восхищаться всем подряд! Рядом почему-то оказался вовсе не Муравьев, а оттеснивший его Кирилл, суетливо щелкающий затвором цифровой камеры.

– Просто замечательно! – поддержал он Андрея, вклинившись для удобства съемки между компанией мужчин, стоявших в первом ряду зевак на носу шлюпочной палубы. Петров с Анчаровым, наглядевшись на необычное зрелище, отошли в сторонку, чтобы не дымить на женщин и детей, и закурили. А Кирилл перебросился с Толей несколькими словами, и оба вдруг весело подхватились куда-то, на ходу помахав Андрею с Сашей руками, дескать, – стойте там, мы сейчас!

«Сейчас», однако, затянулось. Слегка подвыпившие Петров с Анчаровым, не долго думая, переместились в бар «Панорама», вежливо поздоровались с уже примелькавшейся им женой Кирилла и заказали по соточке «Хеннеси», чтобы не мешать днестровский

коньяк с коктейлями. Они уселись перед огромным окном прямо по курсу теплохода, бодро набравшего ход, едва выйдя из шлюза. Бесконечная речная дорога вновь синей, волнистой лентой расстилалась перед ними. И багровые, косые уже, солнечные лучи перебивали зелень лесов, отбрасывающих длинные тени. Девчонки-подростки с неслышным из-за толстого стекла визгом носились по-щенячьи по палубе друг за другом, играя в пятнашки.

Эта счастливая мирная картина грела мужикам душу лучше, чем французский коньяк и горячий «эспрессо» в маленьких толстых чашечках. Дым от анчаровской сигары сиреневыми вензелями расплывался по бару, пронизанный клонящимся к закату августовским солнцем, и пела нежно с невысокой эстрадной ступеньки в углу бара невзрачная на лицо певичка в маленьком черном платье с голыми, танцующими изящно руками, униженными множеством браслетов:

*Где найти далекий свет
Любви, которой больше нет?
Может, это он
Из облаков свой тянет луч?
На вечерние поля, на золотые тополя,
На аллеи, где потерян
Тайный твой ключ...*

– Смотри, кто пришел! – Анчаров незаметно наступил Андрею на ногу и показал глазами в направлении входа.

В дверном проеме стояла Люся. Она чуть приподнялась на цыпочках и, вытянув длинную красивую шею, всматривалась против света вглубь бара, туда, где сидел Петров. Легкое бирюзовое платье, перехваченное в талии, делало ее похожей на девушку из советских фильмов про войну. Так и казалось, что сейчас она скинет с плеч тонкую, невесомую шаль и запоеет про «синенький скромный платочек».

Но хоть и шла где-то на краю света война, здесь, в уютном баре, напоенном запахами кофе, коньяка и свежего речного ветра, в воздухе, перекрещенном не трассерами, а взглядами свободных мужчин и женщин, пронизанном солнечными лучами и легкими облачками сигаретного дыма – витала не смерть, а любовь.

*Август! Может, все же, когда-нибудь
Он скажет: не печалься, не плачь, забудь!
Август! словно дивного лета нам
Любви той не вернуть...*

*С каких рассветных облаков,
С каких небесных островов,
Свет каких туманов
Ты несешь с собой, любовь?
Два сердца в жертву изберешь,
Одним огнем их обожжешь,
Вмиг чужих превратишь в одержимых ты,
Вольных двух – в рабов!*

Музыкант, аккомпанирующий певице, небрежно отодвинулся от синтезатора, как будто он тут и ни при чем вовсе, только сильные пальцы перебирали клавиши, – уверенно и печально фортепиано прокладывало мелодию сквозь густой, тягучий августовский мёд саксофона.

*Зачем так чист любви исток,
Когда закон ее жесток?
Опалит и снова покинет нас
Солнце среди туч.
И где теперь найти мне свет
Любви, которой больше нет?
Может, это он
Из облаков свой тянет луч...*

Люся, словно парусная шхуна на свет маяка, проплыла легкой волнующей походкой навстречу взгляду Петрова.

– Добрый вечер... друзья? Ведь не господя же, даже не товарищи... ведь друзья же, правда?

– А я вас потерял, – невпопад протянул Андрей Николаевич, одновременно поднимаясь, подвигая торопливо кресло и гася в пепельнице зажженную сигарету.

– Конечно, друзья! – Невозмутимый по-восточному Анчаров с бронзовым в сумерках бара лицом, легко, пружинисто встал по стойке «смирно», а были б шпоры, так непременно звякнули бы. Саня вопросительно посмотрел на Петрова, тот опомнился и торжественно произнес:

– Люся, разрешите представить вам моего товарища – Александр... э-э...

– Алишерович, – тихо подсказал Саня.

– Александр Алишерович Анчаров!

Люся улыбнулась и протянула тонкую руку.

– Очень рада! Меня зовут Людмила Николаевна... Кутепова. Для друзей – просто Люся!

– Анчаров осторожно пожал узкую гладкую ладонь, склонил голову и непроизвольно прищелкнул все же каблуками:

– Я счастлив! Что вам заказать? Андрей, ты позволишь?

Петров немножко ревниво усадил Люсю за столик и развел руками, глядя на застывшего в ожидании приказа Анчарова.

– Люся, пожалуйста, хоть что-нибудь, а то ведь Александр Алишерович в стремлении услужить даме пароход наш перевернет!

– Как приятно! Зря, Андрей Николаевич, вы пытаетесь иронизировать... Бокал шампанского разве что, и только. Брют...

Анчаров улыбнулся им обоим и уверенно пошел к стойке.

– Как красиво могут женщины просто сесть в кресло, – подумал Петров про себя. – Просто опуститься в кресло, просто наклонить голову, просто руки как-то так держать, что они не кажутся лишними. И спина как струна, и все скромно так, и с таким женским вызовом одновременно...

– Какой интересный человек ваш новый знакомый, – Люся чуть-чуть наклонилась в сторону Андрея, чуть повернула голову. Ни прическу поправлять не стала, уверенная, что все с ней в порядке, ни одного лишнего суетного движения не сделала. Просто перешагнула вдруг пропасть между ними, не сделав ни одного шага. Просто посмотрела ему в глаза, – и всё.

– Саня? Да, мне кажется, он хороший человек. Он давний друг моего старого приятеля. Так все случайно срослось и так вовремя, я потом расскажу, если вам интересно. А куда же вы пропали, Люся? Я так радуюсь, право, что вы разрешили мне так вас называть. Я влюблен в это имя, я уже говорил, да? Не помню, почему вдруг,

может быть книжка какая-то детская была, может быть, девочку в первом классе так звали; не знаю почему, но мне просто нравится произносить вслух: *Лю-ся!*

– Спасибо, Андрей Николаевич! Да вы курите, я привычная. Сама не курила никогда, у нас папа курил. И я с тех пор люблю курящих мужчин, а некурящих не очень.

– Спасибо! Я много курю. Я ведь летал всю жизнь. Я инженер. Последнее время радистом, правда, пришлось. На грузовом лайнере. Так вот, в пилотской кабине особо не пораскуриваешь. Выходить в грузовой отсек надо, да и то, сначала момент улучшить. А рейсы длинные обычно, иногда по 7-8 часов – с одного конца света – на другой. Вот... Ну, а когда можно курить свободно, сигарету изо рта не вынимаю, чтобы накуриться про запас, наверное. Понимаю, слабость. Надо избегать зависимости, чтобы быть свободным. Но я один, к чему мне искать свободы?

Петров бормотал, бормотал, почти про себя, закуривал сигарету, старательно выдувал дым в сторонку от Люси, а сквознячок все равно тянул слоеное облачко на нее. Но она не отмахивалась от него, смотрела на Андрея с рассеянной улыбкой, носик не морщила, наоборот, чутко шевелила ноздрями, привыкая к запаху «Кэмела», соотнося его в памяти с каким-то другим – знакомым с детства.

– Ах, Петров, Петров... Вы человек романтической профессии, оказывается! Вы кенгуру видели? – Люся подняла высоко ресницы, в зеленых глазах заиграл озорной огонек.

– Смееетесь... – разочарованно протянул Андрей Николаевич. – Не только видел. И трогал, и даже ел, признаться. У меня в каюте есть сувенир один австралийский – кожаный мешочек такой, мягкий, без единого шва! Я в нем флэшки держу, чтобы не потерялись и аккумуляторы запасные для фотоаппарата.

– Это как же, кожаный мешочек и без единого шва? – живо заинтересовалась Люся.

– А он из... – Петров замялся внезапно.

– Ну-ка, ну-ка, – женщина придвинулась к нему поближе, с видом заговорщицы, обсуждающей страшную тайну. – Говорите, мне можно, я почти психоаналитик.

Петров сокрушенно махнул рукой.

– Из мошонки кенгуру, цельнокроеный, так сказать! Люся звонко захохотала, закрыла лицо руками на мгновение, как будто бы покраснела. – Ужас какой! Бедный кенгуру!

Во время смеха грудь ее взволновалась под легким платьем, напряглась округло и упруго, и вновь пропала в складках тонкой ткани, а Петров, как зачарованный, не мог оторвать глаз от Люси, впитывал ее всю на память, как будто снова выстоял очередь к знаменитому творению Леонардо в Лувре, и надо было унести с собой мельчайшую подробность картины, навсегда сохранить впечатление чуда.

– Да вы не беспокойтесь, там кенгуру разводят, как у нас коров! Так и скачут стадами на пастбищах! И сертификат был специальный к этому мешочку, дескать, поголовье кенгуру в Австралии строго регулируется и прочее, чтобы защитники прав животных не возмущались... – Петров засмутился и заерзал в кресле, не зная, куда деть глаза.

– И большой мешочек? – Люся широко развела руками, как будто знала, что Петров краем глаза все следит за каждым движением ее груди. Она еще раз развела и свела руки, как бы пытаясь угадать размер кенгуриного достоинства, и даже зажмурилась от шуточного страха глаза. Петров снова заерзал, не зная, куда деться – совсем опростился, забыл, как с дамами разговаривать...

– А бумеранг у вас, наверное, в кабинете висит, над рабочим столом, верно? – чутко переменяла тему Люся.

– Нет у меня теперь кабинета... А раньше да, над столом висел, верно. А сейчас у меня однокомнатная крохотная квартирка в старом брежневском доме в районе Парка Победы.

– Развелись, наверное? И квартиру жене оставили?

– Развелся. – Петров пошарил по столику и закурил новую сигарету. – Я ведь в Таллине жил. Отец военный моряк был, завез семью к прибалтам... Короче, развелся я, и с полетами завязал. Переехал в Россию весной. Начинаю жить заново в 45 своих юношеских лет.

Андрей Николаевич закручинился. Люся порывисто протянула руку и погладила его по рукаву помятого рыжего пиджака.

– Ай-я-яй! Адын, савсем адын! – старый анекдот помните?

– Ага! – встрепенулся Петров и улыбнулся тому, что Люся жалеть его не стала, – я этот дурацкий анекдот теперь часто вспоминаю.

– Я вам по большо-о-му секрету скажу, Андрей Николаевич, – пропела Люся, – мне ведь в этом году тридцать пять! А я не то чтобы разведена, я даже замужем еще не была.

– Как так? Как мир мог пройти мимо такого чуда и не выдать вас замуж лет так уже в семнадцать?! – Петров краем глаза смотрел на Анчарова, застрявшего у стойки и молил бармена не торопиться, задержать Саню подольше болтовней об олимпийских играх и успехах и провалах нашей сборной.

Люся округлила глаза, отодвинулась от Петрова и села в кресле паинькой-школьницей, отличницей и председателем совета отряда. Сложила перед собой в воздухе руки, как за партой, а потом вдруг приподнялась, выпрыгивая из кресла, подалась вся вперед с поднятой рукой, моля «учителя» Петрова взглядом – вызовите *меня!*

Петров понимающе заулыбался и закивал головой.

– И вот так всю жизнь, – пояснила Люся неожиданно усталым голосом. – Школа, университет, аспирантура, кандидатская, закрытый НИИ, докторская... бабушка умерла.

– Как? И докторская тоже?! – изумился Петров.

– В процессе. Надо еще защититься. Отдала оппонентам читать и поехала в круиз, чтобы с ума не сойти. Мама меня под своим конвоем привезла на этот теплоход и пока не удостоверилась, что я не уплыла вместе с ним, не уходила.

– А... психоаналитик – это на самом деле? – не удержался Петров.

– Я социальный психолог. Так будет точнее. А за психоаналитика у нас каждый русский человек сойдет, после поллитры только. – «А поговорить?» – Люся грустно улыбнулась и взъерошила наконец свою идеальную прическу, правда, так ловко, что она еще художественней стала, а не растрепанней.

– Извините, что задержался, но вижу, что вы разговорились, не стал мешать, обсудил с Димой прогнозы на качество и количество нашего «золота» в Пекине. – Анчаров поставил перед Люсей фужер с шампанским, себе и Петрову бокалы с коньяком.

– Скажите, Людмила Николаевна... – Саня мгновенно среагировал на покачивание русой головки женщины и поправился, – Люся, вы не знаете, что это за песня была? Мне очень понравилась. Берет за душу в такой красивый вечер!

Певица отдыхала на стульчике рядом со своим музыкантом, а он – длинный, но артистически складный, в просторной черной

рубашке с небрежно расстегнутым воротом, играл тихонько для скучающей публики бара что-то фортепианно-попсовое, но играл виртуозно, всем своим отстраненным видом показывая, что для настоящих ценителей он в состоянии сыграть *такое*...

– Это песня Ирины Богушевской была. Я ее слушать люблю. Особенно «Шарманку-осень». Даже плачу иногда. А эта песня, кажется, «Август» называется.

– Я вообще-то всю эту галантерейщину не признаю, уж слишком красиво! – Анчаров строго выпрямился в кресле, всегда готовый мгновенно подняться на ноги и действовать («алертное состояние», – привычно отметила про себя Люся). – Но иногда, вот как сейчас, с вами... Иногда я думаю, что эта банальная красота вокруг нас: река, закат, дивные берега, белый пароход, уютный бар, красивые женщины и солидные, уверенные в себе мужчины – публика-то ведь чистая у нас собралась, другая просто по деньгам круиз не потянет... Так вот, сейчас мне кажется, что зря мы боимся простых человеческих радостей, все пытаемся быть не такими, как все, как будто бы мы не из плоти и крови, и как будто не из штампов красивых самое лучшее в нашем мире состоит. Может быть, штампы и банальности – это как раз то, чего не хватает нам всем после затянувшейся перестройки, после какофонии этого, как его... постмодернизма, после всей этой дерьмовой, извините, демократии и либерализма с их дьявольской вседозволенностью? В конце концов: «береги честь смолоду» – это ведь тоже штамп. Или «супружеская верность», «дым Отечества», «честь имею», «воздух был чист и свеж, как поцелуй ребенка»... Про «голубое» небо и то сказать нельзя в приличной компании, про поцелуй ребенка, тем более, да что же это такое?!

– Вы сказали «после перестройки»... Вы уверены, что сейчас уже наступило «после»? – задумчиво спросила Люся, лаская пальцами хрупкий бокал и сосредоточившись на пузырьках шампанского, бегущих в толще искристого напитка.

– Думаю, Саша прав! Со вчерашнего дня можно сказать, что мы пережили самое поганое в нашей жизни, – отрывисто и строго сказал Петров. – Не самое страшное, может быть, не самое трудное, может быть, но самое позорное, мне хочется верить, уже позади.

Анчаров кивнул Петрову так, как будто они сто лет знакомы, и этого кивка головой достаточно для того, чтобы не говорить много слов, о том, что и без слов понятно людям одной крови:

– Чтобы женщины наши плакали только от музыки, любви и гордости за нас – мужиков! А мы чтобы нашим женщинам всегда соответствовали, чтобы им за нас никогда не было стыдно! Люся – за вас! За тебя, Петров! За наше будущее! – майор приподнял свой бокал, качнул им в сторону Люси, потом Андрея, торжественно посмотрел им в глаза и отпил большой глоток.

– Тостуемый пьет до дна! – неловко попыталась снизить высокий штиль Люся, а сама вдруг поднялась легко, как будто птица взлетела с ветки, и медленно осушила свой бокал. Она улыбнулась чуть виновато, шмыгнула носом простежки и пошла к выходу, бросив мужчинам на ходу:

– Я вернусь, подышу только, ладно?

~~~~~

Старый сом притерпелся к утопленнику. А миноги, так и вовсе начали к Гугунаве присматриваться на предмет покушать. Сумка взорвалась перед закатом солнца. Наверное, это было красиво. Золотая рябь над плесом медленно вспучилась, поднялась шапкой исполинского водяного, зависла на несколько томительных мгновений и тяжело обрушилась вниз. Кустик почти созревшей черники на взгорке, безмятежно впитывавший солнце, примяла упавшая с неба волосатая кисть руки. Рядом шлепнулась, извиваясь, мокрая серебристая плотвичка, но их сразу же накрыла, вдавила в песок и мох огромная тяжесть воды, как будто великанское ведро кто-то взял и небрежно выплеснул на высокий берег. Омут стал еще глубже, а рваные останки утопленника, да ни в чем не повинного старого сома и еще бездну всякой рыбы разбросало по реке и диким зарослям, откуда до ближайшей проезжей дороги два десятка километров лесом.

Ни одно судно, к счастью, в тот момент рядом не проходило. Взрыв, уж больно был мощный, слышали издалека деревенские рыбаки и списали на военных, балующихся глушением рыбы. Места здесь глухие, а зори тихие.

Вот только, спустя час-другой после взрыва, у Маши в сумочке тихонько заиграл маленький телефончик. Маша сидела на Солнечной палубе в шезлонге и читала книгу в тишине и радостном одиночестве.

– Слушаю.

– Антипов беспокоит. Простите, Мария Сергеевна, не могу дозвониться до... мужа, решил с вами поделиться радостью.

– Делитесь, Валя, делитесь! Я Кире передам в точности.

– Помните, Кирилл Владимирович дорожную сумку с гостинцами потерял? Вы еще переживали очень.

– Да-да, припоминаю...

– Нашлась сумка-то! Буквально час назад – нашлась!

– Говорите прямо, Валентин, когда, где, как? Мы тут как на пороховой бочке сидим, между прочим.

– Понял, виноват. Большой бумц был на речке, позади вас. В безлюдном месте. Громко, но без последствий. Я хотел посоветоваться с Кириллом Владимировичем, послать следственную группу на место или...

– Или! Прими к сведению и все. Территориалы пусть осмотрят место как следует. Сообщение не подшивай, отложи отдельно – потом Кирилл решит, что с ним делать. А вообще молодец, порадовал! До связи!

В трубке пошуршало немножко и раздались короткие гудки. Маша усмехнулась, закурила сигаретку и пошла прогуливаться по палубам теплохода – искать Киру.

Глава десятая

Ужинали торопливо, весело подгоняли друг друга, поглядывая на окна ресторана, за которыми прозрачный, чуть влажный воздух и акварельно прорисованные мягкой кистью облака на горизонте обещали совершенно феерический закат. Петров, памятуя совет Булгакова, налегал на острое и горячее, стараясь прогнать одолевающий хмель. Вера дружески подначивала Андрея, подвигала ему свою порцию гуляша по-венгерски, отобрав, зато

себе его овощной салат. Старушка-профессор поглядывала на мужчин острыми глазками, ехидничала сначала, а потом оперлась щекой на подрагивающую нетвердую руку и завела длинный рассказ о том, как гуляли они в пятидесятых послевоенных годах, будучи молодыми аспирантами. Аспиранты нынешние – осоловевшие от крепкого монастырского пива, настойчиво упрасивали своего строгого доцента позволить им сбегать в каюту и принести за стол бутылочку «фирменного воронежского «спрайта». Петров, вчера уже, от нервов и из вежливости попробовал страшного напитка – спирт и лимонад 50 на 50 – и теперь, едва представив себе глоток этого зелья из пластиковой бутылки, поспешил закончить ужин и откланяться. Доцент Слава, однако, оказался строг и тут же, под угрозой лишения ночных танцев в Диско-баре, отправил аспирантов отсыпаться в каюту.

Андрей Николаевич в приподнятом настроении расхаживал по шлюпочной палубе, попивал крепчайший кофе с лимоном из большой кружки, глубоко затягивался сигаретой и вспоминал каждое слово, сказанное Люсей в «Панораме». Продолжить посиделки после ее внезапного ухода из бара не получилось, – первую смену пригласили на ужин. Так Анчаров с Петровым и пошли в ресторан без очаровавшей их обоих спутницы. А ведь Андрей не знал даже, на какой палубе Люсина каюта! И не знал – одна ли она там, или с соседкой... Петров допил одним глотком оставшийся кофе, докурил торопливо сигарету и поспешил к себе за фотоаппаратом – солнце опускалось все ниже над горизонтом, а теплоход вышел уже из Свири в Онежское озеро и все вокруг заиграло на просторе такими сказочными красками, что не сделать хотя бы пару красивых кадров на память было преступлением перед старостью, которая ведь наступит когда-нибудь вместе с желанием перелистать в компьютере старые файлы изображений, из которых сложилась жизнь.

~~~~~

Толян, объявившийся только за ужином, хлопнул по плечу наклонившегося над тарелкой Анчарова, показав ему украдкой большой палец, широко улыбнулся препиравшимся из-за десерта Глаше и Даше, уселся по-хозяйски за стол и, ни слова не промолвив, тут же накинулся на еду. Саня, смекнувший, что ситуация с

долбаным кавказцем видимо нормализовалась, резко повеселел, и, ни о чем не спрашивая больше – надо будет, подполковник сам скажет, – с еще большим аппетитом продолжил ужин, искоса поглядывая на потихоньку приходившую в себя, но все еще напуганную Глафиру.

– Ничего, пусть потрясется, на всю жизнь урок будет!

Теплоход неспешно утюжил гладь на редкость спокойной Онеги, туристы на его борту радовались жизни. Маша кропотливо отправляла мэйл за мэйлом в Управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Чернокожая красotka BMW-X-5 сиротливо дремала во дворе-колодце серого гранитного здания с решетками на окнах. На Камчатке уже занималась утренняя заря, а на Кавказе ни на минуту не прекращалась война. Впрочем, на Кавказе она уже двадцать лет и не останавливалась.

Люся прилегла на минутку-другую отдохнуть после ужина и долгого дня, принесшего с собой столько впечатлений, душевных переживаний и глупых женских надежд. Вспомнился монастырь и молитва Богородице, и то, как утонула Люся в неведомо каком измерении, приложившись к иконе, прижавшись к холодному стеклу – да-да, – прижавшись к холодному стеклу горячим лбом... Верный знак, услышала Матушка ее отчаянный крик. А вот как все сложится – один Бог весть! «Будет, внученька, не так, как ты хочешь, а как Бог хочет», – вспомнился бабушкин шепот.

Еще было озеро, пахнущее свежестью и чистотой, – до сих пор еще хранило тело этот неповторимый запах, неуловимый и неистребимый одновременно. Был Петров. Люся и сама не заметила, как губы ее изогнулись в счастливой улыбке при одном воспоминании о нем. Вот же, обычный мужчина, ничего особенного казалось бы нет, а душа смеётся и поёт. Один химический состав, что ли? Состав, позволяющий двум разным совершенно людям смешаться в одно целое – без осадка, без взвеси. Сколько умных книг прочла Люся о любви, сколько изучила учебников, монографий, сколько статей проштудировала на эту вечную тему! И вот – все забыто в один солнечный августовский день. Какой тут анализ, какие тесты и проверки реакций? Губы не сжать – улыбаются сами. Сердце выпрыгивает из груди. Грудь напоминает о себе требовательно: я для жизни! Для *новой* жизни.

Ах, какой свет струится сквозь занавески! Там, за окном, солнце падает в озеро. Медленно-медленно, как тополиный пух, как

остывающий воздушный шар. И дорожки золотые наверняка уже тянутся по Онеге – одна за пароходом – бурлящая и искрящаяся, как вино, – другая тянется к солнцу. Прямо за горизонт. Сбрасывай босоножки и иди по воде. Как Ассоль!

Люся почувствовала, как мягка подушка, как обволакивает детской колыбелькой, зыбкой – зыбкой! – всплыло откуда-то старое верное слово, как качает ее постель... Она заснула всего лишь на десять минут. Теплоход и в самом деле стало немного покачивать, вот откуда всплыло это слово: зыбка! Люся отогнала от себя желание встать и записать, разобрать тут же по косточкам навеянные коротким сном ассоциации и видения, уложить свое состояние в прокрустово ложе *зыбких* теорий.

Она легко поднялась, походила по своему просторному полулюксу на Средней палубе, с удовольствием плеснула в лицо холодной водой, стянула через голову эластичный бюстгальтер, освободилась от трусиков и подошла к зеркалу. «Маргарита, чистая Маргарита и даже лучше!», – похвалила Люся себя, покрутившись так и эдак.

Ей даже вздохнулось с сожалением, при виде платьев в открытом шкафу, что пора одеваться. Покраснела женщина пунцово, вспомнив, что мешок с мокрым после купания бельишком остался в руках у Петрова. Но тут же сама себе улыбнулась лукаво и опытно, хотя опытной не была.

– А пусть, не съест же он мои тряпочки! – засмеялась в голос Люся и снова покраснела.

Теплоход! Скромная роскошь дорогой каюты. Много разной одежды с собой. Закат над озером. Поклонники! Такое смешное слово, ну никак не подходят к нему Петров и Анчаров! А еще ведь есть этот огромный красавец блондин в их мужской компании!

– Мужчи-и-и-и-ны, – пропела, одеваясь, Люся, тихо издеваясь над собой. Или прислушиваясь к себе? Кто знает?! Где ты, Университетская набережная? Помоги! Пропадает Люся, тает, как Снегурочка. Санкт-Петербург, ау! Как назывался прошедший недавно навстречу теплоход? «Святая Русь»! – вот как! Отсюда и Снегурочка. И зыбка отсюда. Русь, Русь! И отсюда сердце, которое тает. Отсюда. Чем дальше от Питера, тем быстрее тает...

~~~~~

Как описать закат над Онежским озером? Петров уже несколько раз менял объективы на своей камере, пока не остановился на широкоугольнике, наконец. Все он успел поймать: горящий шар солнца в окружении пламенеющих облаков, воду, пенящуюся кроваво под низкими косыми лучами, ярко-синее небо над кромкой берега далеко в стороне, розовых чаек над головой, путаницу цветных отражений пейзажа в темноте огромных окон диско-бара, послуживших ему зеркалами; яркие блики, кругами уходящие в бесконечность, ветер, играющий флагом на корме... Не хватало только женского силуэта в кадре, силуэта девушки, утонувшей глазами в закате, – не играла картинка, не оживала без нее!

Люся появилась неожиданно, откуда-то сверху окликнула Петрова, а потом и стук каблучков по металлу трапа возвестил о ней веселым встречным маршем.

– Вот он где, оказывается! В обнимку с камерой, конечно! Что ему до случайной знакомой, тоскующей от невозможности разделить восторг этого вечера не с капитаном, так хоть с почтительным юнгой, в конце-то концов! – Люся дразнила не Андрея, а себя, себя дразнила она этим волнующим голосом, этой двусмысленной репликой из зачитанного в детстве до дыр приключенческого романа. В тонком брючном костюме с развевающимися на ветру полами кардигана, с жемчужной ниткой на нежной груди, со светящимися тепло и матово жемчужинами в длинных серьгах, с улыбкой на жемчугу подобном, почти юном лице, с прохладным дыханием не модных уже сейчас почему-то фруктовых духов, единственных, любимых Петровым.

– Люся! Наконец-то! Вы чудесно выглядите, и вы именно такой мне нужны! – Андрей Николаевич деловито, заодно и смущение скрыть этой деловитостью желая, чуть-чуть приобнял женщину за плечи и решительно повлек к плавному изгибу борта кормы. – Облокотитесь на поручень, вот так! И смотрите на закат так, как будто видите его впервые. Пожалуйста! Вы не думайте, будет виден только силуэт, я не вас конкретно хочу сфотографировать. Мне образ нужен! Вот, замечательно! Минуту так постоит!

Петров отбежал в сторону, дальнотворко держа камеру на вытянутых руках, повертел туда-сюда дисплей видоискателя, и выпустил пулеметную очередь затвором фотоаппарата, надеясь на чудо, на то, что выберет из десятков кадров два-три по-настоящему ожививших и остановивших навечно это мгновение.

– Ты прекрасно, ты прекрасно! – бормотал он вслух, урча по-кошачьи от удовольствия хорошей работой, меняя ракурс и не переставая снимать Люсю, озеро, вечернюю зарю, догорающую в облаках и, конечно, женственный изгиб широкого деревянного поручня смотровой площадки на корме теплохода. Чувственные очертания женской фигуры и плавные обводы борта перетекали друг в друга, и даже солнце, почти утонувшее в озере, было овальным.

– Ну, будет вам, Андрей Николаевич! – с видимым удовольствием тщательно выговорила имя отчество Петрова Люся и повернулась к нему лицом. – «Я не вас хочу, мне только силуэт нужен, образ», – передразнила она. – Как вам не стыдно, право!

– Да что вы, Люся, я именно вас хотел, то есть, о вас мечтал, то есть, именно такой хотел сделать снимок... – в конец запутался Андрей, с ужасом понимая, что теперь уж и вовсе несет что-то неподобающее. К счастью, на корму шлюпочной палубы вышли чинно две прогуливающих пары: Анчаров с Глафирой и Муравьев с Дашей. Офицеры прогуливали молодых женщин как дочерей. Отчески придерживали под локотки, беседовали о возвышенном – ни капли развязности в тоне. Присматривали, в общем, за молодежью и всем видом показывали, что никому девчат в обиду не дадут. Даже на симпатичных и вежливых аспирантов, появившихся было на горизонте, посмотрели так строго, что те нерешительно помялись неподалеку от красивых девушек и исчезли уговаривать доцента на пиво.

Как так оказалось, что уже через полчаса на корму были снесены целых три столика и чуть не десяток стульев, и стояли на этих столах «Баллантайн» Петрова, коньяк приднестровцев, спирт воронежцев, «мартини» студенток и даже бутылка «Вдовы Клико» от Люси, купленная в Париже после очередного ученого симпозиума – непонятно. Тут и фрукты были, и рыбка свежая копченая с Лодейного поля, и бутерброды нарезали женщины очень споро. Кофе в большом ресторанном термосе и тот присутствовал – это уж Анчаров расстарался, всегда умевший поддерживать отношения с «кухней». Из репродукторов теплохода лилась тихонько старая песня:

*В разных краях оставляем мы сердца частицу,
В памяти бережно, бережно, бережно встречи храня.
Вот и теперь мы никак не могли не влюбиться,
Как не любить несравненные эти края?*

*Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озёр...*

Закат догорал, оставив после себя лишь угольки, посыпанные пеплом потемневших облачков.

Быстро перезнакомились, кто не знаком еще был, тут же и выпили за знакомство. И потекла неторопливая общая беседа, перемежаемая шутками, воспоминаниями и сказочными историями. Как водится – люди-то собрались русские, – очень скоро был задан вечный вопрос: что главное в жизни и зачем живет человек?

Кто первым задал его, и не угадать даже. Но какая еще мысль вертится в голове, когда закат над озером догорает, когда августовский вечер теплым ветром расчищает розовые облака, чтобы показать людям звезды? Наверное, у всех одно на уме: вот так бы всю жизнь плыть и плыть в хорошей компании. Любоваться миром Божьим, любить друг друга, и чтобы вино не кончалось, и был бы хлеб на столе и главное, чтобы не было войны...

– Чистая совесть! – пылко воскликнула Глафира и тут же потупилась, попыталась спрятаться в тень, даже подвинулась вместе со своим креслицем подальше от света дежурного фонаря, только твердая рука Анчарова удержала ее от внезапного бегства.

– Да у кого она чистая, подруга? – скептически спросила Даша, с бокалом шампанского в руке тихонько бродившая вокруг сдвинутых столиков, разминая затекшие от сидения длинные гладкие ноги.

– Если рассматривать совесть как смысл жизни человеческой, так ведь ее, в конце концов, и очистить можно... – как задачку учебную начал привычно решать один из аспирантов.

– Это как? Не согрешишь – не покаешься? Так что ли? – тут же бросился в бой его товарищ.

Доцент сделал изумленное лицо и повнимательнее всмотрелся в свою молодую гвардию. Офицеры сосредоточенно пили коньяк и

отмалчивались. Петров не видел и не слышал никого, кроме Люси, а она, наоборот, с удовольствием ловила каждое слово ставшей, наконец, общей, беседы.

– Ну, безгрешных нет людей на свете, наверное. Но грешить специально, чтобы было в чем каяться – это ведь глупо! – с кукольного личика Даши давно уже соскочила холодная маска, щеки покраснелись, она начала таять на глазах, превращаясь из столичной Барби в обычную молодую женщину, особенно, когда ловила на себе рассеянный взгляд Муравьева.

– А от чего грешат люди? – тихонечко спросила Люся. Без подначки спросила и ехидства. Так спросила, что всем стало ясно – ей действительно интересно, что ответит молодежь.

– Господи помилуй! – неожиданно громко вырвалось у доцента, – да что ж в таких категориях размышлять? Я физик, технарь, атеист! Что такое грех? Преступление против морали? Что такое мораль? В каждом обществе своя мораль, в каждом монастыре свой устав, да даже в каждом времени нормы морали свои, часто революционно отличающиеся от недавно еще принятых за аксиому.

– А вы что же, Вячеслав Юрьевич, в самом деле не чувствуете, что грешно, а что нет?

– Людмила Николаевна, я из литературы классической про грех знаю, но не из практики церковной, уж простите. Есть общепринятые нормы поведения в обществе, есть поступки, за которые стыдно и есть поступки, которыми можно гордиться. Но лишь нравственный закон внутри нас является определяющим в каждом конкретном случае!

– А кто формулирует для вас нравственные правила? Вы сами, получается?

– А кто же еще?

– А откуда же вы вообще о нравственности узнали?

– Ну, социальное воспитание, родители, школа, личный опыт – за что выпорют или осудят и здороваться перестанут, а за что похвалят, уважать будут, премию дадут, в конце концов!

– Откатом поделятся... – хмыкнул аспирант Илья. Дима, товарищ его, тут же пояснил:

– Дело в том, что наш научный руководитель, он же и начальник наш по институтским шабашкам – рассчитать там проект, то сё хоздоговорное, жить-то надо как-то и теплофизикам, так вот, уважаемый наш Вячеслав Юрьевич ни откатов, ни взяток как раз

не берет и не дает! От чего наши растущие молодые потребности как раз страдают!

– А что? Разве не так? Вчера одна мораль, сегодня другая! Вот вы о грехе начали, как будто верующие все тут, в самом деле, а ведь вы же, старшие товарищи, еще недавно комсомольцами были или коммунистами! Ведь были же? – Глаша вместе со своим стулом смешно проскакала опять в круг света и теперь горящими огромными глазами строго впиалась в безмятежно покуривающих офицеров и весело улыбающегося Петрова.

Анчаров не отвел своих вечно прищуренных глаз, с достоинством кивнул, подтверждая, да, было дело. Муравьев только руками развел, правда, совсем не обескураженно. А Андрей Николаевич оторвал восторженные глаза от Люси и откашлялся, прежде, чем снова обрел голос:

– Славные вы наши! Это я не в смысле уси-пуси, какие милые карапузики подросли... Вы люди взрослые вполне, и девушки наши, и молодые люди. И размышляете здраво. Я и сам об этом не раз думал. Традиция прервана во многом. Не порвана совсем, слава Богу! Но прервана была, надорвана, если хотите. И к Богу, а значит, к христианской морали, к заповедям современного человека все чаще за ухо, да пинком под зад жизнь приводит. А что есть жизнь? Жизнь есть любовь, уж с этим-то вы спорить, надеюсь, не будете. А любовь – это Бог! И Бог есть любовь.

Вот уважаемый наш Вячеслав Юрьевич о морали говорит, о нравственном законе по Канту, так ведь мораль-то не на пустом месте выросла. Как и родители наши. И школа советская и даже российский государственный технический университет в славном городе Воронеже, – Петров, собираясь с мыслями, поглядел на Люсю с отчаянием почти, она же улыбнулась одобряюще, и голос Андрея Николаевича снова обрел уверенность:

– Непривычно обсуждать все это вслух! Нет привычки у нас говорить вслух, с друзьями даже, о самом главном! О чем угодно можем говорить: о работе, о пьянке, о женщинах, уж простите... Но только не о самом главном! О спасении души... А без чистой совести как спасешься? Права Глаша, мечтая о чистой совести, кто из нас не грешен, и кто очиститься не мечтает?

Илья говорит: нельзя грешить, чтобы покаяться! Так ведь, не знали мы, что грешим! И что же теперь, нет нам прощения? Так тогда один путь, еще как Достоевский писал: если Бога нет, так все

позволено... Гордость наша – вот причина бед России. Не можем себе признаться, что виноваты были, что согрешили! В чем угодно каемся и перед кем угодно! Перед мировым, растудить его туды сообществом, перед младшими братьями нашими по Советскому Союзу, перед врагами явными и откровенными каяться не боимся в грехах *мнимых*! А вот перед собой, что сподличали, что соблазнились, что надеялись на успех свой личный за счет других – в этом признаться боимся. Признавать свои ошибки – подвиг интеллектуальный, не так ли, господа ученые? – боимся. И сами мы, и власть в государстве нашем. И не первый раз уже, действительно! И вся история человеческая такова! Так может, в этом и есть смысл покаяния, что иначе никак нельзя исправить жизнь нашу? Ни личную, ни общественную, ни государственную.

Но о совести Глашенька не зря сразу нам напомнила! Потому что по совести надо и каяться, а не в том, в чем враг рода человеческого нам велел каяться! За что каялись? За то, что у русского народа доблестью было и подвигом – и трудовым, и нравственным! С чужого голоса пели и били себя в грудь – вот ведь как!

– Простите, что мир от фашистов защитили! Простите, что десятки малых народов сохранили за свой счет! Извините, что гомосексуалистов от общества изолировали! Виноваты, что доллар вместо иконы не чтили! – поддержал вдруг осекшегося Петрова Муравьев. – Конечно, единожды солгавши, кто ж тебе поверит?! Не первый раз ведь, прав доцент, курс меняем! Но не побояться признать это – вот в чем подвиг! В 17-м году поддались одному соблазну, в 91-м – другому! Так что ж упорствовать, что оба раза правы были?!

– Так и с личной жизнью, не только государственной! – просто сказал Анчаров, тихо сказал, но все услышали. – Знал бы где упасть, соломки подстелил бы... А соломка эта одна, права девочка, соломка эта – жить по совести. Не сразу получается, тут молодежь права опять же. Да только от этого жить бояться начинать не следует. Надо, как Андрей говорит, ошибки свои видеть, не бояться их осознать. Истина немудреная... Сначала в школе этому учат каждый день, потом в армии! Да все, все знают, как правильно жить человек должен! И никто нового ничего помимо евангельских заповедей не придумал, даже коммунистическая партия. Запутывают простой вопрос, называют его сложным настолько, чтобы не обсуждал никто и не

задумывался, зачем живет?! Потому как, если хоть раз задумается об этом человек, то дальше его уже с пути свернуть трудно. А там и Бог поможет, к себе приведет.

– Ничего не понимаю! – рассерженно поставила пустой фужер на стол Дарья. – Так в чем смысл жизни, взрослые умные люди, остепененные даже некоторые, в чем смысл?!

– «Смотреть на закат, ковырять в носу», – так философ один русский сказал, – мечтательно промурлыкала Люся. – Вот так бы сидела в кресле и смотрела в небо... на те самые, по тому же Канту, звезды в нем. Да и не читал никто из нас толком даже «Критику чистого разума». И другие имена знаем лишь понаслышке. Да и что нам, Евангелия почти не читавшим, философские доктрины? Исправить свои ошибки, как Андрей Петрович говорит, не так-то просто. Для этого сначала понять надо, в чем предназначение твое, в чем талант твой, Богом данный, который нельзя закапывать в землю. Если ты воин – будь воином, если торговец – торгуй, если земледельец – хлеб выращивай, если монах – молись! Но как понять, кто ты? Не поймешь, ошибки как исправлять?

– Так просто все, как будто, – аж притопнула ножкой Даша, – нам с вами, Людмила Николаевна, рожать и Глашке тоже. Мужчинам – нас защищать и кормить. Не врать, не воровать, не убивать, не подличать, не развратничать, а просто рожать и кормить, защищать и трудиться! Так почему же до сих пор не кончились войны, а зависть, и бедность, и голод, и пороки только распространяются все больше по земле?

– Университет закончим скоро. Журналисты, кажется, по образованию, нам, кажется, писать о том, как правильно жить, что хорошо и что такое плохо... Но обо всем этом первый раз в жизни сегодня говорю! Преподаватели на лекциях об этом молчат. Слов много, целые реки, особенно на философии, а о главном ни одного внятного слова. Только и слышишь – нравственные нормы эластичны, права человека универсальны... – Глафира по-детски пухлую губку оттопырила и загоревала.

– Все воруют вокруг! У всех одни деньги на уме! Полстраны взятки берет, а вторая половина их дает! От армии отмазаться – почетно! Девчонку, простите, на постель развести и не жениться – дело чести! Телевизор включишь – ложь. В Интернет войдешь – ложь. Газету откроешь – ложь! И не только у нас – во всем мире так!

Какая нравственность, господа? Какая там мораль? Какая вера в Бога, если близким людям верить нельзя?!

– Ты же сам, Дима, говорил, что Вячеслав Юрьевич откатов не дает, и потому вы без грантов остаетесь московских! Так значит, не все воруют и лгут? – строго сказал Муравьев.

– Не все. Но почти все, – вздохнул аспирант и пошел по кругу, разливая всем желающим остатки напитков.

– Водки у нас сегодня маловато, чтобы все эти вопросы решить, – философски подытожил дискуссию Анчаров.

– Говорить надо о том, что болит, тогда и ответы найдутся, – убежденно сказала Люся и сладко зевнула, прикрывшись узкой ладонью. – Люблю я вас всех, рада, что вы есть, вот и жизнь не покажется зряшной. Ну что же, девочки? Давайте убирать со стола.

– Встать! Заправить скамейки, выходи строиться! – зычно скомандовал Толя Муравьев сам себе и начал разносить по местам столы и стулья. Мужчины за пять минут справились с нехитрым делом восстановления порядка на корме шлюпочной палубы и пошли разводить дам по каютам. Раскланявшись с женщинами, собрались снова вместе, покурили молча и тоже разошлись. Утром теплоход прибывал в Кижы, потом в Петрозаводск, там экскурсия на водопад Кивач – наступающий уже потихоньку новый день обещал быть длинным.

Петров заснул мгновенно, знал, что во сне увидит Люсю.

Люся, блаженно улыбаясь, приняла душ, прилегла на минутку голая, прикрывшись полотенцем, поперек широкой, двуспальной кровати, – так утром и проснулась. Глаша и Даша, смыв косметику, залегли было на один диванчик, обнявшись, – пошептаться о мужчинах. Тут же провалившись в сон, они всю ночь брыкались, не в силах разойтись по своим постелям. Доцент с аспирантами рухнули замертво поверх одеял и захрапели тут же. Анчаров с Муравьевым почистили зубы, расстелили постель, аккуратно повесили в шкаф одежду, обсудили еще раз сегодняшней разговор Толи с полковником ФСБ Кириллом и скомандовали друг другу: «Рота, отбой!».

Кирилл Владимирович, весь вечер просидевший на корме средней палубы, прямо под гуляющей над ним веселой компанией, тихонько вернулся в свою каюту, поправил на Маше раскрывшееся одеяло, включил неяркое бра над креслом и уселся перечитывать

«Идиота» Федора Достоевского – бессонница стала у полковника делом привычным. Лейтенант Зайцев, проклиная маловатую ему матросскую форму, еще раз обошел для порядка весь теплоход и теперь сладко почмокивал во сне губами. Вера плакала в подушку в маленькой одноместной каюте – ровно год назад на Северном Кавказе погиб в командировке ее муж, капитан спецназа ФСБ. Сорокалетние подружки блондинки визгливо хохотали, напившись водки в компании поселкового Майкла Джексона, даже в каюте не снимавшего свою кепку с бритой головы и ссорились потихоньку между собой, кому с ним спать...

Русские танки, рокоча дизелями, подавляя огнем слабеющее сопротивление противника, начали продвижение в сторону грузинской столицы. Ночное черное небо, одно на всех нас, августовским звездопадом щедро делилось с людьми – кому на погон звездочку, кому на могилку. А кому на счастье, чтобы верил – сбудется!

Часть вторая

У НАС В РАЮ

Глава первая

10.08.08

03:42

Андрюша, привет!

Что за фигня там у тебя приключилась? Ты меня не пугай, я же в УК сейчас, а то бы уже завтра догнал твой пароход и учинил тебе допрос с пристрастием! Куда ты влип?

Мы днем вылетаем Кувейт – Катар – Оман – Кувейт, потом полная разгрузка и порожняком Диего-Гарсиа – Перт.

Но я все равно на связи через Сеть буду, если вдруг совсем плохо – пиши, мы с командиром найдем, кого из наших в России поднять на ноги.

А Саакашвили облажался по полной, сучара! Хоть это радует. Держись там и немедленно отпиши, как у тебя дела.

С.

10.08.08

08:01

Сережа, спасибо за заботу! Все, слава Богу, нормализовалось. Но история была дикая совершенно – расскажу потом – обхохочешься! Зато познакомился с отличными людьми. У нас теперь целая компания сложилась буквально за одни сутки. В иССтонии на это ушли бы годы))). И знаешь, дружище, я тут со вчерашнего дня как в раю. Нет, правда, вот только рассосалось все глупое, наносное и так все стало хорошо, что даже боюсь сглазить. Но никогда еще

и нигде мне не было так хорошо, как сейчас: в России, на этом теплоходе, с этими людьми. В общем, отлетаешь и ко мне приезжай с Ингой вместе! У меня квартирка крохотная, но мы поместимся. Столько мне надо тебе показать и рассказать... Здесь никто не поймет! Они тут живут, в раю, непуганые и счастья своего не знают. Юрию Михалычу привет горячий! Успокой его, это я сдуру тревогу поднял, все хорошо уже! Да! Я ж наклейки кириллицы в сумке от ноута нашел! Пишу по-русски – вот и еще радость))).

А.

В полуоткрытое окно задувало свежим утренним ветром. Петров поежился, завернулся поплотнее в одеяло, потом внезапно вспомнил, где он и рывком соскочил на пол, первым делом отдернув занавески. Мерно плескалась вода о борта теплохода, пара маленьких озерных чаек парила в воздухе прямо напротив окна. Чайки криком поприветствовали Андрея, тут же отвалив вместе с порывом ветра куда-то в сторону. А сквозь «остроконечных елей ресницы» на ближайшем по курсу острове просвечивал неяркий, но очень теплый по сравнению с холодными водами Онеги рассвет.

*Белая ночь опустилась безмолвно на скалы,
Светится белая, белая, белая ночь напролет.
И не понять, то ли небо в озёра упало,
И не понять, то ли озеро в небе плывет...*

Андрей «в темпе вальса», как в армии говорили, кружился по тесной каюте, одновременно разминая требующее привычной зарядки тело, одеваясь, отключая от сети зарядное устройство с аккумуляторами фотоаппарата, нашаривая на полке свежую пачку сигарет, запирая за собой небрежно – на один поворот – дверь и даже по длинному, пустынному еще коридору он пробежал, подпрыгивая, напевая с детства не слышанную до круиза и такую внезапно родную песню о Карелии.

На палубе Петрова встретил порывистый ветер: обдал холодком и сорванной с гребня волны мокрой взвесью – как будто душ

приготовил неумытому еще спозаранку туристу. Палубу под ногами плавно качнуло. Андрей весело изобразил походку старого морского волка и, пританцовывая, угадывая на ходу ритм качки, пробежал на носовую площадку. Теперь уже не только зигзагообразный росчерк загорелся в подпаленных снизу первыми лучами облаках над островками, поросшими ельником, уже и маленький огненный шарик солнца начал проблескивать над горизонтом.

Слева и справа, совсем рядом, показались еще островки, на одном из предутренней тени выступила маковка часовни с потемневшим крестом, на другом высоко вознеслась над леском пограничная вышка и еще выше мачта с антеннами радиорелейки.

Петров почему-то сразу представил себе этот маленький пограничный пост, «точку», не заставу даже... Десяток солдат и прапорщик, наверное. Кто-то прильнул сейчас к окулярам стереотрубы на вышке и видит, конечно, одинокого Андрея на палубе, а кто-то уже готовит завтрак, и впереди у ребят длинный день, а может, почту привезут на катере. Служба еще наполовину впереди и хочется домой, и жалко до боли покидать до последнего камушка изученный островок, и страшно представить себе – какой она будет – новая, безбрежная жизнь на гражданке в многомиллионном родном Питере.

Даже самому захотелось вдруг послужить на островке месяц-другой. Петров счастливо рассмеялся над собой, помахал рукой невидимому часовому на вышке и откинул поворачивающийся дисплей камеры, начал ловить ракурсы и выстраивать композицию, чтобы было, что показать потом оставшимся в Таллине друзьям, – друзьям, о которых и вспомнилось-то лишь потому, что только они в состоянии были бы разделить охвативший Андрея восторг.

Ведь пограничник на вышке был *свой*, русский!

Петров дробно простучал по ближайшему трапу, спускаясь на палубу ниже – хотелось быть поближе к воде, чтобы не сверху вниз снимать расцветающие под первым солнцем дикие красоты, а лицом к лицу. И тут же окликнули его из открытого настежь окна какой-то каюты: «Молодой человек!».

Андрей так и застыл вполоборота: ноги еще направлены вперед, чтобы бежать дальше, а голова и плечи уже сзади – там, откуда раздался голос. Из окна показалась беззащитно голая рука,

отодвинула порхающие под ветром занавески, показалось улыбающееся, заспанное лицо, глазищи ресницами хлоп-хлоп:

– Андрей Николаевич! Вы опять впереди меня! Где мы?

Тренированное сердце вдруг дало о себе знать громким стуком, дыхание прервалось на вдохе, и так, забыв дышать, Петров неожиданно оказался рядом с окном, совсем близко от румяного со сна и от того детски беззащитного лица Люси.

Зеленые глаза – чистые, ясные, только сонная тень в глубине, как озерная вода под утро – оказались прямо напротив его сияющих восторгом глаз. Увидели зеленые глаза, прочитали в карих искреннюю радость, и сон прошел, как и не бывало, солнце как будто вошло и в них.

– Люся! Надо же! Люся! – последний запас воздуха ушел у Петрова на эти слова, и тогда только он вспомнил, что никто не запрещал ему дышать, – и задышал полной грудью, задышал брызгами волны с Онеги, растворенным в ветре запахом леса и трав с близкого берега, вдохнул уютный и чистый запах Люси, и не выдержал, бережно обнял ее за гладкие теплые плечи, провел пальцами под ляпочками белой ночнушки, не искусственно гладкой, а настоящей, как только у детей бывает сейчас, тоже теплой. Люся порывисто притянула его к себе, обняв руками за крепкую спину, и поцеловала глаза, пощекотав ресницы, а там и губы встретились неожиданно, и дыхание чистым даже после сна оказалось у Люси, и настойчиво нежным оказался Петров, и поцелуй длился долго-долго. Химический состав половинок совпал на все сто процентов, ну просто ничего чужого не оказалось в них, ничего, что воспротивилось бы друг другу и не слилось в единое целое. Растворились Люся с Андреем в эти несколько секунд и поняли, что никогда уже не смогут стать чем-то отдельным.

Подчеркнуто повернувшись спиной к Петрову, наполовину утонувшему в окне Люсиной каюты, зашлепал по палубе шваброй с пучком веревок на конце матрос в синей робе, подтирая лужи, расставляя ворчливо по местам столы, стулья и урны. Люся радостно ойкнула с притворным испугом, отпрянула от Петрова, успев неуловимым движением погладить его по небритой еще щеке, и исчезла.

Петров позорно сбежал вверх, на свою, шлюпочную, палубу. Он постоял, несколько минут у борта, переживая, потом спохватился, сбежал вниз и воровато подобрал со столика,

стоящего рядом с окном Люси, забытую там камеру. Молодой матрос хрипловатым голосом вежливо пожелал Андрею доброго утра и, сдерживая улыбку, энергично задвигал шваброй.

Приняв душ, побрившись и заварив себе кофе, Петров быстро ответил на письма, захлопнул ноутбук и побежал на завтрак с полной готовностью съесть целого быка, только бы дали.

~~~~~

– Дашка, дурр-ра, отдай одеяло!

– Сама дура, это моя постель, между прочим!

– Ну и хватит дрыхнуть, я есть хочу!

– Дрыхнуть? Да ты всю ночь лягалась как лошадь, я, наверное, и часа не проспала.

– Ты не спала? Ты храпела всю ночь у меня под ухом как рота морских кавалеристов! Кто тебя замуж возьмет – наутро выгонит!

– А у тебя ноги холодные, за это по английским законам развод полагается!

– А у тебя ноги – короткие! – Глаша отвесила подруге увесистый шлепок по аккуратной попке в белых трусиках и ловко соскочила с постели.

– Что-о-о?!?! У меня ноги короткие?! – Дарья откинула одеяло раздора и без малейшего усилия взметнула к потолку каюты длинные-предлинные, стройные-престройные и, конечно, очень красивые ноги, постригла ими, как ножницами, воздух, сама радуясь гладкости с какой скользили они. Белые грудки встрепенулись и замерли, загорелый животик втянулся в позвоночник, длинная, плавных обводов рука с красивыми мускулами напряглась и как бы безвольно упала, свесилась с кровати.

Глафира, успевшая стянуть с себя трусики и подхватить новое банное полотенце, чтобы первой закрыться в крохотном душе, с завистью посмотрела на модельных стандартов подругу:

– Красавица ты, Дашка... – начала она фразу.

– Ну ладно, подруга, ты у нас сама как персик, – растаяла Дарья, – ревниво оглядывая маленькую, но очень по-женски складную, даже подруг иногда волнующую, Глафиру.

– ... ума бы тебе еще хоть немножко, – с подчеркнутым сожалением закончила предложение Глаша и с визгом захлопнула за собой дверь ванной, в которую тут же глухо ударился метко брошенный шлепанец.

Выйдя из душа свежей, довольной и доброй, Глафира застала подругу с сигаретой в руке. Дашка глубоко, по-мужски, затягивалась тоненькой белой «Slims» и о чем-то размышляла так серьезно, что даже на гладком лбу натуральной блондинки появилась маленькая напряженная черточка.

– Ты чего это смолишь натошак? А сок, а кочан капусты схрумкать? – поддела безукоснительно соблюдающую диету подругу Глаша.

– Как ты думаешь, Глашка, я и в самом деле дура-блондинка из анекдотов БашОрга? – не поворачивая головы, медленно спросила в сияющее за окном каюты озеро Даша.

– Да ты что, серьезно? Ты же у нас лучшая на курсе, ты что, дура... – осеклась и ударила себя по губам Глафира.

– Ну вот, опять «дура», – с мукой в голосе простонала Даша и сменила дурашливый тон на серьезный. – Вот мог бы в меня влюбиться не «папик», не старый брюхатый козел-профессор, не молодой бизнесмен из фитнес-бара, а настоящий взрослый мужчина?

Глаша оторвалась на секунду от зеркальца и губной помады и вздохнула печально:

– Если честно, то я не знаю. Я и сама сейчас как раз об этом думаю. Ну, кто я? Попка, губки, диплом журнашлюшки почти в руках. Папа – директор школы, мама – учительница, деревянный домик в частном секторе в Костроме с сортиром в лопухах и крольчатником на задворках. В Питере нам не задержаться надолго, если замуж не выскочить за первого попавшегося отмороженного ленинградца-ботаника, да и то из армянской или еврейской семьи. Улучшать кровь уроду-импотенту со скрипкой ну нет никакого желания. За Стасика, первую школьную любовь, а ныне бригадира авторитетного костромского бандита – тоже выходить нет желания. Карьеру строить через кожаные редакторские диваны – раньше на все была согласна, а сейчас – уже нет.

– Вот-вот, – угрюмо покивала красивой головкой Дарья и поплелась в душ...

Глаша, готовая к выходу, повертелась перед большим зеркалом в коридорчике, взметнула воздух длинной просторной юбкой, поправила ворот батистовой блузочки, уместила удобнее упругую правую грудь, вечно норовившую выскользнуть из символического лифчика и внезапно спросила свежую и веселую подругу, перебиравшую после умывания наряды:

– Ты...надеюсь, не на Сашу Алишеровича запала? А? Дарья иронично хмыкнула, натягивая тесные белые джинсы:

– Понятно, в чем дело! Не тревожься, подруга, не трону я твоего аксакала! Я наметила крупную добычу! На голову *меня* выше! – Даша легко наклонилась, сложила все длинным телом, чтобы застегнуть ремешки босоножек на высоком каблуке. Глафира не удержалась и прыснула в кулачок при виде этой картины:

– Обе мы с тобой дурр-ры, Дашка! Мы же ничего про них не знаем! Ничегошеньки! Да у них, может, по три семьи по всей России и по две за границей, и детей по десятку! А если и не так, то очень им надо нам с тобой сопли вытирать? Трахнут по разу, отряхнутся и пойдут себе дальше с песней по жизни, вершить новые подвиги и молодечества – вечные мальчишки!

Дарья упрямо вскинула точеный подбородок и сделала шикарный разворот, как на подиуме:

– Это мы еще посмотрим, кто из нас кого трахнет и сколько раз! Пошли на завтрак, пессимистка! День должен начинаться с горячей какавы, колбаски и горы сдобных булочек... со сливочным маслом! Вот такая у меня сегодня диета!

~~~~~

Анчаров вытащил из шкафчика дорожную сумку, нашарил на ее дне старый потертый фотоальбом и долго листал страницы с черно-белыми фотографиями. Толян курил сигарету, прихлебывая горячий чифирёк из алюминиевой кружки, и краем глаза заглядывал другу через плечо.

На этих фото не было ни их ооновского взвода верхом на броне на Домской площади, ни построения разведчиков в Кандагаре перед выходом в горы на «боевые». А была там Сашкина жена

молодая – Мара – да два пацана мал-мала меньше, успевших уже вырасти, впрочем.

– Ты чего это альбом с собой потащил, Старый?

– А ты чего? – резко ответил Саня, захлопывая увесистый толстый том.

– То есть, чего я? – удивился Толян.

– Ты-то чего все свои фотки с собой в круиз взял? И все документы. И деньги у тебя в старом термосе, а совсем не коньячный спирт.

Муравьев не поперхнулся дымом, не взвился. Молча докурил сигарету и сказал сухо:

– На завтрак пора, разведчик хренов. Вечером поговорим.

– Ин и хорошо, ин и ладно, – пробормотал Анчаров, ожидавший совсем другого ответа. – Война – войной, а кухня – кухней!

– Война план покажет, – отрезал Толян и подчеркнуто медленно и спокойно отворил дверь каюты.

Глава вторая

Шестиместный стол, за которым питался Петров, пустовал ровно наполовину. Тщательно пережевывал булочку с сыром доцент Слава, упорно боролась с трясущимся на конце вилки кусочком омлета Тортилла. Андрей, сияя, поздоровался; шутливо, чтобы, не дай Бог, не поняли неправильно, сделал комплимент официантке Ирочке, тут же выдавшей ему тарелку с омлетом порумяней и побольше, и поинтересовался, а где же аспиранты и Верочка?

– Спит молодежь! Даже я не добудился, – обескураженно развел руками Вячеслав Юрьевич. – Теперь вот думаю, как бы не съели они меня на экскурсии, когда аппетит проснется!

– А Верочка вечером еще сказала мне, что кусок сыра съесть и кофе выпить она может и в своей каюте, и чтобы мы ее не ждали. А свою порцию завещала мне, между прочим! – на этих словах профессорша строго посмотрела прямо в глаза Ирочке, как раз подлетевший к их столику с новым подносом, заставленным тарелками. Девочка послушно поставила перед Тортиллой еще

одну порцию и вопросительно задержалась взглядом на мужчинах, сначала на Петрове, конечно!

– А, валите нам все – и за ребят тоже, что не съедим, то понадкусываем, правда, Слава?!

– Чистая правда, – промычал с набитым ртом доцент.

Ирочка еле слышно вздохнула, но послушно составила все тарелки с подноса на стол и даже успела шепнуть Андрею почти на ухо свое волшебное: «Пожалуйста!». У него аж мурашки по позвоночнику пробежали от этого голоса и растворились в районе поясицы. Петров тут же вспомнил Люсю, застыдился, потом заволновался и сам не заметил, как подмел все с тарелок и за себя, и «за того аспиранта». Отдышавшись за жидким кофе, мужчины дружно заполнили карту меню на завтра, не сговариваясь выбрав одни и те же блюда, вежливо передали карту профессорше и откланялись, спеша на палубу, – теплоход подходил к Кижам и даже в ресторанных окнах показались уже высокие маковки памятной еще по школьным учебникам церкви.

Туристы высыпали на пристань. Первое, что бросилось в глаза – это огромное слово SHOP над торговыми рядами с сувенирами. Но даже Петров, ревностно следивший в России за всяческим нарушением прав русского языка, как государственного, махнул рукой на это провинциальное безобразие. В конце концов, половина, если не больше, туристов, посещающих Кижы, и в самом деле иностранцы. Да русский человек и не будет покупать ту дребедень, что втюхивали торговцы. Настоящие художественные изделия тут редкость и стоят здесь в пять раз дороже, чем обычно, а на псевдорусский кич наши люди не особенно падки.

Да и стоит ли обращать внимание на досадные мелочи, когда кругом такая красотища! Озеро, целый архипелаг островов, желтые камыши гнутся под ветром и отражаются в синей ряби воды. А у пристани – один к одному – как на кукан рыбешки нанизаны – прижались друг к другу бочком белоснежные теплоходы, четыре штуки сразу!

Андрей волновался – Люся завтракает во вторую смену, экскурсии у них получаются в разное время, а увидеть ее теперь и хочется до дрожи, и страшно. Но тут сыпались по сходням богатыри- аспиранты, влекомые сердито своим Черномором-доцентом и тут же кинулись в магазинчик, за лимонадом и булочками вместо пропущенного завтрака. Совершенно независимо

прошествовала мимо Петрова хмурая, заспанная Вера, кивнула ему рассеянно и сразу же, не дожидаясь экскурсовода, пошла куда-то вглубь острова по дощатой дорожке мимо белоснежной березовой рощи.

А вот Муравьев с Анчаровым взяли на буксир Дашу и Глашу: веселых, энергичных, светящихся от радости, молодости и осознания собственной неотразимой красоты. Компания весело окружила Петрова, растормошила, вовлекла в бесшабашную болтовню, и вскоре вместе с первой группой туристов в сопровождении гида-студента все вместе отправились на экскурсию по острову.

Андрей Николаевич отдал должное красоте русского деревянного зодчества и мастерству его создателей, постоял в одной церкви, полюбовался на другую. Он с интересом прошелся по огромному крестьянскому дому, в прохладном сумраке которого девушки в народных костюмах пряли пряжу, картинно орудовали в холодной печи ухватами, нанизывали на шнурочки бисер, не забывая радушно улыбаться и деловито рассказывать туристам о народных промыслах. На крылечке дома сидел парень в алой косоворотке и сапогах – лениво раскочегаривал щепками потертый самовар фабрики Баташова, с медалями.

Толпа разноязыких туристов прибывала и прибывала, растекаясь по острову. Петрову быстро наскучило прислушиваться к экскурсоводу. Храмы и старинные избы, превращенные в музеи, нежилые какие-то, вызывали грусть, и он потихонечку отошел в сторону, вслед за разделившимися на парочки новыми друзьями. Постоял один на берегу, подышал всласть, поглазел на озеро и теплоходы, облака и ожерелье куполов на церквях, нащупал машинально сигареты в кармане, вспомнил, что курить здесь запрещено и побрел, чертыхнувшись, к единственному специально оборудованному месту для курения. Кивнул в ответ приветливому итальянцу с сигарой, оседлавшему верхом деревянную лавку, но присел подальше от него и уставился невидящим взглядом на рыбацкие сети, картинно развешанные на берегу. Сильный порывистый ветер – вечный спутник путешественников ерошил волосы, горячее еще, августовское солнце слепило глаза и грело спину. Теперь, вдали от суеты экскурсоводов и внимающей им толпы, он начал потихоньку ощущать главную прелесть Кижей – особенную, неповторимую атмосферу северной природы, лишь

чуть-чуть украшенной, именно украшенной, а не разрушенной, как обычно, человеком.

Андрей до сих пор чувствовал вкус Люсиных губ, пальцы помнили гладкое тепло ее голых плеч, в глазах стоял ее изогнутый силуэт на корме, на закате. Неужели только вчера это было? Неужели всего лишь пару часов назад он впервые поцеловал эту женщину? Порылся в памяти Петров и эпитета подходящего не нашел, только одно слово всплыло, давно забытое: «любимая». Испугался немного сам себе недавний еще холостяк и обрадовался тоже. « Это Россия, сынок!» – как будто мать прошептала ему с небес.

– Вот ты где, – укоризненно и тихо шепнула Андрею прямо на ухо Люся и села рядом. – Это Россия, милый! – с гордостью повела она рукой вокруг. – Правда, здесь дом наш?!

– Да, Люсенька, – серьезно ответил Петров. – И какой же он большой! И сколько у нас еще впереди верст, рек, чудес!

– Да, Андрей, да! Я все утро в предчувствии этого. Я уже и здесь, и одновременно где-то там: в Нижнем, в Костроме, Плесе. С тобой рядом. Нет, я не навязываюсь, конечно, – внезапно спохватившись, Люся чуть отодвинулась от Петрова – не обидно, просто немного набрала дистанцию, предоставляя ему возможность сократить расстояние между ними или увеличить. Андрей осторожно обнял женщину, придвинулся поближе, взял другой рукой ее холодную от ветра ладонь, стал греть своей – всегда теплой.

– Не боишься компрометации? – кивнул он на возвращающуюся с экскурсии группу туристов с «Петербурга».

– Хоть ты и Петров-седьмой, а дурак! – улыбнулась Люся и повернулась чуть-чуть, так, чтобы видеть его глаза. – Ты мне нравишься, Петров, пока просто нравишься, но для меня и это много. И пусть они думают, что хотят. А уж мы с тобой как-нибудь сами разберемся, кем мы будем друг другу, когда закончится круиз. Ты мне расскажешь о себе, что сочтешь нужным? Я хочу знать хотя бы то, что ты мне расскажешь.

– У тебя серьезные намерения? – счастливо засмеялся Петров.

– Вообще-то – это женский вопрос!

Люся легко поднялась со скамейки, состроила недовольную гримасу впившемуся в нее взглядом итальянцу, позабывшему о

своей сигаре, и потянула Петрова за руку за собой, все сильнее и быстрее, навстречу машущим им руками призывно Анчарову и Муравьеву. А девчонки неразлучные так даже выбежали вперед и стали с Люсей целоваться, как будто век не виделись, а не вчера расстались после вечеринки под августовскими щедрыми звездами.

Аспиранты – Дима с Ильей, демонстративно подхватив под руки двух симпатичных студенток-практиканток из местного заповедника, гордо продефилировали перед женщинами с видом записных гусаров-ловеласов, и повели мимолетных подружек пить пиво на пристани. Кира с Машенькой замыкали нестройную группу туристов. Он шагал размашисто, утирая пот, но, не забывая и руку подать семенящей за ним «супруге», и со знанием дела отвечать на ее наивные вопросы о традициях древнерусской иконописи. Проходя мимо немного озадаченного чем-то сегодня с утра Муравьева, Кира приятельски бросил ему пару фраз, от чего Саня и вовсе погрузился, что случилось с ним крайне редко. Неотступная Даша тут же почувствовала неладное, и метнула вслед Кириллу откровенно убийственный взгляд. Толян, давно отвыкший от того, чтобы кто-то его пытался защитить, неожиданно широко улыбнулся и тут же выдал такую старую шутку, что идущая рядом молодежь искренне посчитала ее свежим экспромтом и просто зашлась хохотом.

На теплоходе, нетерпеливо подрагивающем машиной, туристы растеклись по каютам и палубам. Первая смена, нагуляв аппетит, отправилась на обед, а Петров с Люсей, позабыв обо всем, так и остались сидеть на диванчике у стойки рецепшэн, и все рассказывали что-то друг другу, пока улыбчивая Марина-администратор не налюбовалась всласть окруженной облачком счастья парой, и не разлучила, отправив Петрова в ресторан, чтобы не остался мужик без горячего.

Глава третья

После обеда, пока теплоход неторопливо шел от Кижей к Петрозаводску, многие отсыпались, утомленные воздухом, водой, ветром, солнцем и обилием впечатлений. Не стал исключением и Петров, свято исповедовавший старый принцип: «Вдруг война, а я не спавший?». Он столько всего рассказать успел Люсе, что теперь было немножко стыдно за себя, никому так искренне не раскрывавшегося раньше. И будущее было счастливо, но туманно. Счастливо, потому что он обрел Родину, вернул ощущение жизни настоящей, всамделишной, не картонной, как у русских в Эстонии. Оказывается можно просто *жить*, не ради того, чтобы выжить, не ассимилироваться и хоть в главном сохранить себя, на что уходят все силы... Оказывается, можно силы потратить на любовь и радость, и просто жить – без ненависти и печали. Нет, конечно, жизнь земная *везде* не Царствие небесное! Будут и грусть, и нестроения житейские. Но за свои грехи отвечать легче, чем за чужие. Жить *своей* жизнью, даже тяжелой, все равно проще, чем по навязанным тебе концлагерным правилам ЕС. Да и каждый вдох твой, глоток воды, кусок хлеба, каждая капля пота – родные, свои и *для своих!*

А вот туманность будущего – это Люся. Петров так размечтался о ней, что даже поверить в то, что нечаянная встреча с женщиной, которая и во сне ему не снилась, что встреча эта и в самом деле вырастет во что-то реальное, – даже поверить не мог, и от того готов был чуть ли не сбежать с теплохода. Сам виноват был бы тогда, а не Люся, вдруг оказавшаяся не такой, какой он ее выдумал, быть может. И не Люся бы тогда пренебрегла им, а он своей судьбой.

«Да что такое?!» – сам на себя разозлился Андрей. Третий день я в круизе и уже второй раз думаю о том, как бы отсюда сбежать! Страшно жизнь принять со всем тем, что она посылает? Откуда этот страх? «Да просто, тебе раньше терять было по большому счету нечего, Петров! Вот ты и не боялся ничего и никогда. А теперь, когда у тебя появилось то, чем ты дорожишь по-настоящему, теперь, как последний скряга, стал бояться потери и

ограбления!». Андрей Николаевич вспомнил старую серию анекдотов про внутренний голос, засмеялся тихонько под простыней и заснул.

Люся тоже спала, так и не дождавшись желанного стука в окно или в дверь каюты. Петров не пришел. А так хотелось слушать его, смотреть на него. О том, что хотелось еще, Люся даже думать себе запретила строго-настрога. «Не спугнуть бы счастье, не обмануться бы, не разочаровать его, желанного, совсем не такого, как мечталось: в детстве – с рыцарскими романами, в юности – с тщеславием молодого ученого, в зрелости – с расчетливой практичностью». Первый шаг был сделан не умом, а чувством, этого и боялась Люся, потому что была хорошим психологом. А ведь казалось ей, что уж кого-кого, а себя-то она давно изучила.

«Но жить все равно – хорошо! Райская штука жизнь», – учила она саму себя во сне, и улыбка мечтательная как солнечный зайчик плясала на красивых, изогнутых луком губах, которые даже детская струйка прозрачной слюны из уголка не портила. Спала девочка, как спят в детстве – наигравшись, а потом наплакавшись. Сладко спала.

~~~~~

Кирилл хмуро смотрел в открытое окно каюты. Там было много солнца и воды, а берегов видно не было. Пора принимать решение и отдавать команды, а он всегда умел делать это, но не всегда хотел. Особенно последние 20 лет, после того, как все перевернулось в стране и в жизни. *Служить, чтобы минимизировать вред!* Так он сформулировал это для себя когда-то. Ведь если бы на его месте сидел другой полковник, – и стране, и многим людям могло бы быть гораздо хуже. Потому молодой капитан КГБ в 91-м и выдержал все расформирования, переименования, чистки кадров и банальное предательство всего и вся со всех сторон. В первую очередь, со стороны многочисленного начальства, которое, правда, и само тасовали как крапленые карты в замусоленной колоде. Да и тасовали-то – *шулера!* Но страна оставалась родной и при любой

власти требовала защиты. Что мог сделать Кирилл?
Минимизировать вред. И только.

Впереди госпиталь, комиссия, увольнение в запас, пенсия. Всё! Разговаривать по вечерам с телевизором, ночами сидеть в Интернете, по утрам ловить рыбу на речке, благо она недалеко от дачи. Машенька никогда от мужа не уйдет и правильно сделает. Как уйдешь? Дети не поймут, хоть и студенты уже. Муж – поймет. Но не одобрит, прямо как Каренин.

Муж «у нас» партийный чиновник, государственный человек, а там сейчас хуже, чем в КПСС. Воровать втихую можно, а скандалы в семейной жизни не приветствуются. Муж, правда, давно Машу со службы гонит, не нужно ему, чтобы жена *такого* человека оперативницей ФСБ числилась. Ну, тут уж Маша сама ему спуска не даст – с нее, где сядешь, там и слезешь. А я? А как буду жить я?

Что же делать со всей этой глупой компанией? Дело нешуточное, хорошо еще, что благополучно почти разрешилось. Как вывести всех этих дураков из под удара? Перемолотит их машина, а ход ей уже задан, тут ничего не переменить. Разве что – переиграть втихую. Обратить минусы в плюсы? Предположим, приднестровцы могут представлять оперативный интерес. Во всяком случае, этим их можно прикрыть. Заодно отчитаться по агентуре. Но девчонки пойдут под раздачу все равно. Петрова мы отмоем как-нибудь, он банальный свидетель, напишет мне подробный рапорт, что видел... и что ничего не понял, не знал, не понимал, не участвовал. Надо ж ему свежее испеченным россиянином из натовской, да еще и прогрузинской Эстонии оказаться? Лишнее это.

Гугунава... Помер Максим, ну и хер с ним. Группу дожмем, без Жеребца сами во всем признаются и сами себя оговорят. А публичной огласки этому делу не будет – не та линия сегодня у политической пропаганды, скорее наоборот, молчать прикажут в тряпочку. А раз не будет пиара, значит и не потребуются безукоризненных доказательств и связывания всех ниточек. Скорее, вот именно, что *наоборот!* Вот! Вот!

Кирилл забарабанил призывно по животу и капризно возопил:

– Ма-а-а-а-ша!

– Что тебе, чудовище? – недовольно завозилась на кровати под пледом уставшая немолодая женщина.

– Аленький цветочек я, а не чудовище! Давай поедим чего-нибудь, что ли?

– Только что обедали, Кирилл!

– Да вот, так вдруг захотелось нестерпимо, мамочка! – голос у полковника стал жалобным. Он, кряхтя, поднялся с кресла, нагнулся над кроватью и нежно поцеловал Машу в голую пятку.

– Ты придумал что-нибудь, Кира? – Машенька повернула голову и открыла один глаз, придирчиво отсканировавший выражение лица полковника, гору окурков в пепельнице на столе и листок бумаги, заполненный рапортом, который ей сейчас наверняка надо будет отсылать на Литейный. – Если требует жратвы, значит, придумал, – сама себе доложила Маша и со вздохом приняла сидячее положение.

– Как ты думаешь, мама, а Муравьев даст показания на президента, МГБ и всю прочую свою компанию?

– А он *хочет* остаться в России?

– А если захочет?

– А мы сможем ему помочь устроиться? Не пообещать, а помочь?

– А вот это *твой* вопрос, Маша!

– Без Анчарова он не останется. А Анчаров условием сотрудничества поставит неучастие в следственном деле Глафиры.

– Это я понимаю, мамочка. Но если у них есть, что нам отдать, то мы сумеем вообще прикрыть это дело в сейфе, в который никто и двадцать лет не заглянет после моего увольнения.

– А ты сможешь выйти на оппонентов приднестровского лобби в Москве? Там ведь бизнес нешуточный.

– Ну, валить мы этот бизнес не будем – это не полковники с майорами решают и даже не генералы, как ты сама прекрасно

знаешь. Но мотивация для «покупки» досье у нас есть. А следовательно, и для устройства судьбы «продавцов». А уж как там дальше дело повернется, и достанут ли эти материалы на свет – один Бог весть. Я уже буду рыбку ловить в Оредеже, а ты внуков воспитывать.

– Я, Кира, тоже рыбу ловить люблю, так что ты меня так сразу со счетов не сбрасывай, – очень серьезным тоном сказала Маша и уселась Кире на колени, с удовольствием запустив горячую сухую руку в седую шевелюру на его потной груди.

– Ки-и-ра?!

– Мой благоверный своей референтке ребеночка сделал на старости лет...

– Кира?!

– И я подам рапорт на увольнение прямо тебе и прямо сейчас. А ты уж там сам похлопочи по инстанциям.

– Кира!!!

Кирилл как пушинку невесомую поднял Машеньку на руки и закружил по каюте.

– Остановись, дите счастливое! Голова кружится. И подумай, прежде чем я отправлю твой документ, хотят ли Муравьев с Анчаровым, чтобы ты их жизнь устраивал...

– Интуиция, Машенька. Приднестровье для них все же вынужденный вариант был. Русские ведь они люди. Просто некуда им было деться после Риги.

– И Анчаров русский?

– И Анчаров русский. И, короче, Муравьев сам мне намекнул, что они не прочь остаться в России, только прикрытия у них солидного нет, а врагов и так много, а будет еще больше. Так что, все складывается. Думаю, что начальство свое покрывать у них особого желания нет – это самое начальство их столько раз предавало, сажало, пытало. Не осталось у мужиков никого, кто бы их не сдал хотя бы раз. Россия в том числе, если уж честно, но от

России никому из нас все равно не деться. Тут не мы выбирали, будем тянуть лямку до последнего.

– Уж больно гладко, Кира!

– А это не женский иронический детектив. Это жизнь, Машенька. Да и Господь с нами.

Глава четвертая

От завтрака до ужина, от вечерней дискотеки и посиделок в одном из баров до ночной прогулки по палубе. От экскурсии к экскурсии – от города до города, от Карелии до Астрахани, где верблюды бредут вдоль берегов Волги в полупустыне. А там и до Ирана недалеко!

Люди вокруг сытые, довольные, обеспеченные и благодушные потому друг к другу. Ни ссор, ни пьяных чрезмерно туристов, ни нытья на вполне приличный сервис. Да и погода выдалась просто на удивление: если дождь, то ночью, как в самый первый день. Если солнце, так в меру. По крайней мере, пока мы еще на Севере. Ближе к Нижнему уже и жару обещали за тридцать. А ведь в Питере июнь – июль теплом не жаловали, – лето было холодное и сырое. И все вдруг переменялось волшебным образом. Надо было только махнуть рукой на дела и хлопоты, на привычки и на жадность тоже, между прочим, поскольку стоит такой круиз денег немалых. Но и стоит того! Всю жизнь вспоминать будешь такое путешествие! Или и вовсе прикипишь душой к русским рекам, как воронежцы – каждый отпуск будешь проводить в круизе, весь год мечтать о лете и откладывать копеечку. Конечно, есть на борту и те, для кого деньги не имеют решающего значения. У них время – деньги! Да и не приняты в новорусской нуворишской среде такие путешествия по монастырям да русским провинциальным городам и весям. Другое у них лежит на том, что заменяет душу. Исключения не в счет, но только Россия большинство интернациональных богатееров интересуется только как золотые прииски. Выкопал золото, да и не сам, подручные занимались черной работой, выкопал – и в

Лондонград. Да и власть тут не исключение. А вот те, кто прирос к берегам русским, те никуда отсюда не уедут, и дети их тоже, и внуки. Вот и славно! А внутри Садового кольца пусть себе жрут друг друга до поры до времени, ибо быть тому месту пусту.

Вот за такой ленивой болтовней коротали время до Петрозаводска воронежцы с приднестровцами да пожилой еврей – главный инженер Водоканала из Петербурга, из любопытства прилипший к компании ради интересного для него разговора.

– Значит, вот так жестко вы ставите вопрос? – набычившись, впился он маленькими глазками в Анчарова.

– Да не жестко, а справедливо, – терпеливо ответил Саша, не отводя глаз от буравившего его взглядом, привыкшего командовать управленца старой советской школы, похожего одновременно и на бизона, и на Кобзона. – Латвия и Израиль удивительно похожие государства, и отношения между ними самые тесные, несмотря на латышский легион СС, воспевающую нацизм латышскую власть и истерические заклинания Фонда Визенталя по этому поводу. Методы одни и те же, понимаете? Вот вы сами говорите, что были у родни не раз, но никогда бы сами жить не смогли в еврейском государстве. Некомфортно вам! Не будем разбирать досконально почему – дело личное. Но если вам, еврею, некомфортно в Израиле, то русскому в государстве латышей или эстонцев некомфортно втройне! А методы и идеология одни и те же и у фашистской Германии, и в нынешних прибалтийских пуговицах, и в Израиле – расизм и этнократия! Евреи – наивысшая ценность, Латвия для латышей, Германия превыше всего; арийский дух, гражданство по национальному и даже религиозному признаку, торжествующие законы крови, как на ферме, прости Господи!

– А русский фашизм? А лозунг «Россия для русских!» и скинхеды в каждом российском городе вас не беспокоят? – упрямо жевал губами каждое слово собеседник, задетый за живое, но умеющий, как бывалый чиновник, держать себя в руках.

– Так ведь мы вообще не о личностях говорим, и не друг о друге, уважаемый Борис Исаакович! – немного иронически протянул Муравьев. – Мы с любви к нашей *общей* родной стране и ее

просторам начали, не более того. Потом плавно перешли к опыту проживания в разных странах, какой у присутствующих имеется. Мы с Сашей давно в Риге не бывали, скажу прямо, но пожилые в Прибалтике изрядно, да и сейчас следим за ситуацией – друзья у нас там!

Саша вам говорит о *государственной* политике! А то, о чем вы сейчас сказали, – это скорее желтожурнальное пугало. Да ведь сама власть в России первая всех этих, якобы «русофашистов» гнобит, бичует и линчует! Да и правильно делает! Жаль только, что стало модно не замечать, когда русских топчут прямо в их доме, но к этому мы и в советское время привыкли. Русским превосходства не надо, нам бы *равенства* добиться в своей собственной стране! Будем ли терпеть? Ну, я не россиянин, у нас в Приднестровье такого нет. Так вот, на государственном уровне этнократическую, националистическую, и, следовательно, профашистскую идеологию в России никто не исповедует, законодательно ее не оформляет. В России даже русские государствообразующим народом не считаются – так, горстка аборигенов среди уважаемых малых народов и национальных меньшинств. Сейчас вот, пока мы тут сибаритствуем, война с Грузией идет, но никого из грузинских воров в законе, просто бандитов, банкиров и владельцев крупнейших торговых сетей, казино и рынков – и пальцем не тронут, вот увидите! Какой еще русский фашизм?

А вот в Израиле, еврей стоит выше всех людей на свете *законодательно!* А в Латвии – латыш. В Эстонии – эстонец. Ну и так далее, куда ни плюнь, кроме России.

– Но культура, цивилизация там значительно выше, чем у нас! Видите, я говорю «у нас»! И говорю это совершенно искренне!

– Ну, культура и цивилизация – понятия вовсе не тождественные, – не выдержал и подключился к беседе доцент. – Туалетная бумага в сортире и салфеточка под чашкой с кофе – это цивилизация. А вот вековое умение, будучи имперским народом, собою жертвовать ради процветания «младших» братьев – вот это уже *культура!* Не грабить, как англичане или там французы, а свое отдавать и благоустраивать окраины, учить, окультурировать, из ничего порою народы создавать и *наделять* их культурой, и деньги потом давать

на ее развитие – вот это *культура* в моем понимании! Да и с цивилизацией - то потому у нас проблемы в огромной стране, что первым делом блага цивилизации опять же меньшим братьям шли, – на себя не оставалось.

– Экономические успехи, согласитесь все же, у тех же прибалтов после перестройки куда выше, чем у нашей богатейшей страны!

– Проедают советское наследство, – усмехнулся Анчаров. – Их и сейчас, пускай не в таких масштабах, как раньше, Россия дотирует ценами на газ, нефть, электроэнергию. Да и много чем еще. И так все 17 лет после обретения нацреспубликами независимости – до сих пор русских доят! Плюс, прибалты живут в кредит у Запада. Но Запад не Россия, ничего не простит! Очень скоро прибалты вместе с Восточной Европой окажутся в глубочайшей заднице, поверьте мне на слово! Да и хохлы тоже, мы ведь с Украиной рядом живем, знаем. В Прибалтике ничего своего, заработанного нет! Только долги! И кончится это страшно. Давно уже бегут оттуда люди и будут бежать впредь, как из концлагеря! Да и из Израиля в ту же Москву сотни тысяч эмигрантов вернулись! Я бы, уж простите, не пускал! Одно дело наши соотечественники, неважно, русские или евреи, татары или якуты, не по своей воле оказавшиеся за границей из-за перестройки, и совсем другое дело – люди, сознательно сбежавшие в поисках лучшей доли, ради этого часто клеветавшие на Россию, работавшие против нее – и теперь бегущие назад! Виртуальный доллар рухнет рано или поздно, новый мир опять будет рождаться в хаосе – тут уж лучше держаться поближе к России, чем подальше от нее.

– Вы *очень жестко* ставите вопрос! – засопел Борис Исаакович!
– Но с вами интересно беседовать! А кто вы, если не секрет, по национальности?

– Узбек я, по крови. А по воспитанию – русский. И воспитание, вы знаете, всегда перевешивает! Вы же ведь тоже из Питера никуда, верно?

– Верно, я человек не религиозный, – кивнул пожилой инженер и снова спросил:

– А кем вы работаете с товарищем? Вот воронежцы, понятно: преподаватель, аспиранты его, а вы?

Вячеслав Юрьевич с ребятами с интересом посмотрели на Толяна с Сашей – их самих давно интересовал этот вопрос, а спрашивать было неудобно.

– Юристы мы! – широко улыбнулся Муравьев. Анчаров скупым кивком подтвердил это заявление.

– Уголовное право? Гражданское? – оживился Борис Исаакович.

– Банковское! – отрезал Муравьев и сосредоточился на закуривании сигареты, дав понять собеседнику, что разговор перешел уж слишком в личную плоскость. Борис недовольно поерзал, посидел еще минутку для приличия и, попрощавшись до вечера, грузной походкой отправился в бар.

– Он меня сегодня уже допрашивал про Андрея Николаевича, – неожиданно подал голос худой, чернявый, артистичный аспирант Илья. – И кто он, и откуда, и почему?

– И меня! – широко улыбнулся большой, светловолосый Дима, эдакий Илья Муромец на печи по внешнему виду, но самый способный в институте парень, как обмолвился про него доцент.

– И что же вы сказали? – строго спросил Анчаров.

– Что сами ничего не знаем! А мы ничего почти и не знаем, – снова улыбнулся Дима.

– Да Борис этот с первого дня клинья подбивает к Людмиле Николаевне, – возмущенно сказал Илья. – А у них с Петровым роман намечается, я же вижу! И он, наверное, заметил, он же за Люсей по пятам ходит, просто они с Андреем Николаевичем сейчас никого вокруг не видят!

– Он, Борис, пристал к Люсе на палубе и давай ей впаривать, какой он богатый и влиятельный, и намеки всякие делать! – от возмущения Дима даже сжал могучей ручищей подлокотник пластмассового кресла так, что он тут же треснул. Все рассмеялись дружно, оглянувшись, правда, нет ли вокруг кого из команды.

– Дмитрий, ты опять?! – строго спросил доцент. – Признавайтесь, пока я по доброму спрашиваю, что вы на самом деле Борису про Петрова наплели из самых лучших побуждений?

Анчаров с Муравьевым тоже посмотрели на ребят внушительно, да и лица сделали, как у Мюллера на допросе в гестапо, только глаза смеялись откровенно одобряюще. Аспиранты переглянулись нерешительно.

– Да что мы могли сказать, Вячеслав Юрьевич?! Мы же сами знаем только, что Андрей Николаевич бывший летчик и переехал в Россию из Эстонии недавно. Вот и все!

– Все?!

– Димка Борису нашептал, что на самом деле Петров – эстонский русскоязычный олигарх в бегах! И с ним негласная охрана! А сам он имеет черный пояс по карате и как все эстонцы ужасный антисемит! – задыхаясь от смеха выпалил Илья.

– Не ври, креветко! – возмутился Дима, – про черный пояс это ты придумал, сцуко! – огромная ладонь занеслась было над чернявой головой друга, с целью нанести смертельный подзатыльник, но остановилась в миллиметре от кудрявых волос и только пригладила их со значением. Илья в дурашливом испуге вжался в кресло.

Толян содрогался всем телом, поперхнувшись сигаретой, а Саня Анчаров изобразил короткую пантомиму, представив, как Петров завязывает в узел Бориса и бросает за борт – компания чуть не легла на палубу от дружного смеха.

– Люсю с Андреем в обиду не дадим! Они наш талисман в этом рейсе! – грозно подытожил Муравьев срывающимся голосом, но все же погрозил аспирантам пальцем, которым мог бы, казалось, при желании проткнуть борт теплохода.

– А что Борис? Поверил? – живо поинтересовался, отсмеявшись, Анчаров.

– Не знаю, – пожал плечами Дима.

– Во всяком случае, больше за ними не подглядывает! – довольно улыбнулся Илья.

На горизонте уже показались жилые высотки Петрозаводска.

Глава пятая

Автобусы поджидали теплоход на площади перед речным вокзалом. День клонился к вечеру, а успеть надо было много. Андрей все-таки не выдержал и, как только показался на берегу Петрозаводск, занял пост на палубе рядом с Люсиным окном. Окно, плотно задернутое занавеской, уютно дремало, и признаков жизни за ним никто не подавал. Уже начали швартоваться, когда Петров решительно постучал первый раз в дверь заветной каюты.

Люся долго не отзывалась, потом из-за двери сонно пропели:

– Кто-о та-а-а-м?

– Люся, это я, Андрей! Скоро уже экскурсия, я хотел составить тебе... вам... компанию в общем, если ты... вы... не возражаете...

– Андрей Николаевич! Как хорошо, что вы меня разбудили, я проспала все на свете, а ведь день продолжается! Я сейчас, сейчас, только...

Повернулся ключ в замочной скважине, дверь чуть-чуть приоткрылась, и в щелке показались половина смущенного лица, розовая голая коленка и край махрового полотенца.

– Только я не могу сейчас тебя впустить, понимаешь?

– Понимаю, – засмутился Петров, невольно отпрянув.

– Да ты не пугайся, Андрюша! Я просто умыться должна и... одеться. Я ждала тебя после Кижей! Ой, мамочка, что же я несу! Я одетой тебя ждала, а потом заснула, ой!

– Люся! Люсенька! Я тебя на пристани подожду, ладно? Только ты никуда не исчезай без меня! Хорошо?

– Подойди!

– То есть?

Дверь распахнулась чуть шире, в щель просунулась голая рука, притянула Петрова за ворот легкой ветровки поближе. Люся, завернутая в полотенце, высунула голову в коридор, увидела, что никто на нее внимания не обращает, быстро чмокнула Андрея куда-то в нос и тут же захлопнула дверь с такой быстротой, что нос и пострадать мог нешуточно, хорошо, что курносый был Андрей Николаевич.

Не любила Люся брюки! В легкой юбочке до колен выбежала на пирс, тонкая шерстяная кофточка расстегнута, блузка невесомой ткани обрисовала грудь: женственнее самых джинсово-затянутых девиц в откровенных топах была его Люся!

– Комары не съедят? – испугался Петров за нежную белую кожу, за стройные ножки и за ушки, чуть розовые, в сережках с изумрудами, за шею лебединую с золотым крестиком на тонкой цепочке, открытую вечернему, прохладному воздуху. – Мы ведь почти в тайгу поедем – на водопад, в заповедник!

– Надо соответствовать красоте природы, Петров! – засмеялась, задышала глубже (оценил!) Люся. – А комаров отгонять у меня кавалеры есть! Вон вас сколько! – взмахнула она рукой, показывая Андрею за спину.

Петров обернулся чуть не в ярости, и тут же расслабился, от страха, что Люся успела заметить его неожиданную ревность, на которую он не имел никакого права. Да и расстраиваться повода не было. Андрея с Люсей терпеливо поджидали у одного из автобусов Муравьев с уцепившейся за его локоть двумя руками напряженной Дашей и Анчаров, цепко ухвативший за руку, как ребенка, сияющую Глафиру. Из открытых окон автобуса высывались

улыбающиеся лица Вячеслава Юрьевича с неразлучными аспирантами, они, видимо, заняли все места и теперь стойко их обороняли.

Комфортабельным был автобус! Окна пришлось закрыть, но кондиционер зато работал отменно. Проехали быстренько через Петрозаводск, толком не успев рассмотреть не очень уютный, показалось, но чистый город. Выехали на шоссе и понеслись по трассе, спеша успеть на водопад до закрытия музеев заповедника. Проезжали, кстати, и Кондопогу, даже надпись успели прочитать на одном из заборов: «Кондопога – город-герой!».

Сидели уютно, болтали тихонько между собой, лишь бы не слышать пожилую женщину – гида. Не повезло с экскурсоводом на этот раз! Унылым, ужасно назойливым голосом увядшая дама рассказывала туристам о том, что они могут увидеть из окон автобуса.

– Посмотрите направо! Посмотрите налево! У нас растут сосны и ели! Сосна – это такое дерево... Ель – это такое дерево... Ромашки – это такие цветы, бурундук – это такой полосатый зверек, вроде белки. Вепсы – это гордость Карелии! – и дальше тысяча слов про вепсов. И как они поют и пляшут, и какие пекут пирожки с манкой и пшенкой уникальные, и как пироги эти называются... И даже эпос у вепсов есть, правда, существующий только в изустных преданиях, но зато какая бесценная народная культура и как важно ее сберечь, как главную ценность нашего края!

– Я не могу больше, – схватившись за голову, со стоном раскачивалась в своем кресле Даша! – Остановите ее, смените ей пластинку! Анатолий Александрович, сделайте что-нибудь с этим, пожалуйста! Я знаю, что такое ромашка! Я выросла под елками, в конце концов! Мне нафик не нужно знать, чем отличаются вепсы от нормальных русских людей!

– Да ничем они не отличаются, Дарья! – Толян вежливо освободился от ее очень активной руки, слегка обнявшей его за спину. Не сказать, чтобы это было как-то неприятно Муравьеву, но отвык он уже от молодых забав с их стремительными, по современной моде, прелюдиями. Да и мысли его заботили совсем

не эротические, судьбу всей оставшейся жизни надо было решать сейчас. А девочка хороша и даже, кажется, неглупа и главное – своего не продаст, – глаза всем выцарапает!

– Вепсы эти загадочные, Даша, скорее всего и сами давно забыли, что они вепсы, а не русские, пока яйцеголовые дяди мультикультуралисты им об этом не напомнили. А там и до самостоятельности недалеко, с российской-то страстью к суверенитетам. Да и финны рядышком не дремлют, подогреют, если что, интерес к теме. А американцы с англичанами гранты дадут и у себя в гостях многому научат бывших русских, а теперь гордых сыновей финно-угорского братства. Проходили мы это уже. А экскурсовод наш – простая русская дура, которой всегда кого-то пожалеть и кем-то погордиться хочется. Лишь бы не мужем своим.

– Умный вы больно, Анатолий Александрович, – грустила Даша, но освободившуюся руку пристроила как-то незаметно на широкую прохладную ладонь Толяна и теперь ласкала каждый бугорок и шрамик на ней нежными, чуткими пальцами.

– Да ведь и вы, Даша, не дурочка, не прикидывайтесь, право! Неужели, в ваши 25 лет, вам интересен побитый молью мужик, годящийся вам в отцы?

– А может, я без отца росла?! – девушка с вызовом посмотрела Толе прямо в лицо, выдержала спокойный ответный взгляд, не сморгнула, отчаянно стараясь переглядеть – и переглядела! Дрогнул Муравьев чуть не первый раз в жизни перед женским взглядом, смутился, отвел холодные глаза, выдохнул гулко, как будто дерево в лесу могучее упало.

Глафира привалилась уютно к жилистому, худому Анчарову, как кошечка пригрелась рядом с хозяином, только что не мурлыкала, слушала внимательно его рассказ о себе. И вспоминала Питер. Радость девичью провинциальную от встречи с красотой гранитной и величием имперским, о котором читала – грезила над любимыми томами классиков еще в Костроме. Забиралась на сарайчик под яблоней, расстилала старый матрас, впитывала жаркое солнце округлившимся женственно тельцем, а в потрепанных книжках из детской библиотеки пронизывающие снежные ветры гуляли над

Невой. Строились полки на Сенатской площади, горела Зеленая лампа в кругу поэтов. А потом... Потом белые ночи, Прекрасная дама, Кузмин, Гумилев, Белый, Мережковский, Георгий Иванов – все подряд читала Глаша и не могла пресытиться чтением. Мокрая сирень в Катькином садике, мороженое в Летнем саду, из общежития поперли, стипендию не дали, платить за обучение нечем, жрать хочется, колготки драные, трусы застиранные, тампаксы – роскошь, косметика – украденная у состоятельных сокурсниц. Пиво, коктейли в банках, техно в ночных клубах по флайерам, экстази на халяву, первый секс на Петроградке в съемной квартире. Любовью это не назовешь. Конкуренция с профессионалками, первая сытость и первые платья из бутиков. И при всем этом: учебники и библиотеки, Интернет в кафе между «съемом» и сдача сессии перед первой эскорт-поездкой за границу с пивным королем Петербурга.

Очередь к Казанской Божьей Матери в торжественно гулком соборе, слезы жгучие на мощах Иоанна Кронштадтского, лбом вжиматься в кирпич часовни Ксении Блаженной и молить о прощении и снисхождении.

Чудом подвернувшаяся работа в рекламной газете, порядочная тетка-редактор, первые честные деньги, позволяющие сводить концы с концами. Позабытая грязь, привычка душ принимать по три раза в день, в сауну мчаться, как только премия или гонорар незапланированный. И солями ароматическими, губками натуральными сдирать с себя кожу остервенело целый год. Потом психоз прошел, жизнь устаканилась. А усталость осталась. И любовь к Северной столице ушла. Но и Кострома родная манила только Ипатьевским монастырем. Родители несчастные догадывались, что не все ладно у дочки в Питере, да деньгами помочь не могли. А ласки одной – не хватило. И редко бывала дома Дашка, за родителей ей стыдно было, что не удержали, за себя, что не удержалась. Понимала – виноватить некого, а плакать хотелось, стоило только залезть на совсем уж покосившийся сарайчик под иссохшей раскидистой яблоней. И вот диплом на носу. А внутри все выгорело, прощай Медный всадник, прощайте белые ночи, не могу я больше...

Пока лес тянулся за окнами автобуса, кто задремал, а кто задумался...

Что Люсе делать? Никого у нее нет, кроме мамы и работы. Голова забита чужими мыслями, чувствами, комплексами, монографиями, завистью. Мама умрет скоро. Люся не врач, но замирание жизни в дорогом теле, а главное, в единственной родной душе, в седой головке, все чаще смотрящей растерянно, забывающей про включенный газ и про съеденный уже дважды завтрак – видела со страданием и смирением. Потому, может, и в Бога так поверила, что иначе не смириться никогда: сначала папа, потом братик, теперь вот мама угасает на глазах. А там жизнь вечная! Но ведь надо же как-то и земную жизнь самой скоротать! Интерес к науке не пропал с годами, наоборот, но женское требовало любви, а не эндорфинов после качественного секса с хорошим любовником, но скучным мужчиной. А любить некого оказалось как-то так в жизни. Переборчива и взыскательна была Люся. Профессия ли то сказала, черты ли характера, память об отце, лучше которого не было на свете? Какая разница! Пробовала себя заставить влюбиться. Но даже описанного в учебниках подобия чувства добиться от себя не могла.

– Но вот сидит рядом Петров. Андрей Николаевич Петров – и только. Знаю его два дня с половиной. А целовалась уже! И уже готова брюки ему гладить, суп варить ненавистный гороховый и холодец! Носки покупать. Просить застегнуть лифчик! Объяснять, почему он такой занудный, и что такое педантическая акцентуация личности! Пиво с ним пить! Ой, слава Богу, не любит он пиво. А курит, так и папа курил. Ладонь жесткая, сильная, а нежная необыкновенно. Вот ведь если еще где-нибудь погладит невзначай – конфуз выйдет, Люська!..

– Ну и что, что столько лет жил с Майей без любви. Ведь в самом начале, немножко, было же в ней родное! Сам виноват, кто виноват? Старый уже? Да какой я старый – жизнь начинается только новая – дома! Друзья, вот и друзья уже есть. Ну, пусть, пройдет круиз, не увижу их никогда, а помнить буду. Работать, семью кормить! Снова летать, пока не поздно, пока 45, я ведь радист, не пилот, в конце-то концов! Да и соврать для начала можно, а там видно будет. Домой возвращаться, а там – Люся!

Невозможно. Надо забыть. Не бывает такого, Петров, даже в России такого с тобой быть не может. Бедро рядом, какая юбка тонкая, гладкая. Господи, прости и помилуй, заметит ведь, что со мной, сгорю со стыда!

~~~~~

Музей карельской березы! Смешно, две комнатки в сарайчике – музей! Но и ладно, меньше надо времени, чтобы его обойти. Скорее вниз по дорожке, шумит ведь, шумит водопад! Державин писал, да! Но хочется чего? Чтобы как в «А зори здесь тихие», настоящую Карелию увидеть. Вот скалы, кляксы мха на сером граните, вода льется, падает с двух сторон в маленькое ущелье, сосны дрожат чуть-чуть по берегам. Какие на камнях фигурки у девочек красивые! Как славно здесь все! Петров с Люсей целуются в сторонке. Конечно, Петров и Ниагарский водопад видел, ему Люся важней. А приднестровцы со студентками своими в восторге! Карабкаются по скалам, выше, к истоку, по камням прыгают через речку, сумасшедшие просто! Даша визжит тихонько, поскользывается на каблуках высоких, ловит ее Муравьев, ловит и держит, задумавшись впервые, а стоит ли отпускать? Анчаров Глашу бережет – ведет, цепко держа за локоть стальной рукой, но не больно, а просто надежно. И ничего не боится Глафира впервые в жизни – ни ревущей воды, ни скользкого гранита, ни завтрашнего дня.

Нагулялись. Дружно оккупировали шашлычную на стоянке автобусов. Шашлык горячий, с поджаристым тонким сальцем по краям, с домашней «хренью» – острым томатным соусом с хреном, чесноком и перцем. И хлеб черный, кирпичик обыкновенный, вкусный необычайно! А водки пить не стали и коньяку тоже. Выпили кофе из автомата, закурили, прислушиваясь к близкому еще гулу водопада, к птицам, внезапно запевшим только для них, к себе *прислушались* – две недели еще впереди в круизе! *Все* еще впереди!

Из автобуса желающих высадили на центральной площади Петрозаводска. До речного вокзала недалеко, а еще час времени остался до отплытия теплохода. Рассеялись по парочкам, не столько город посмотреть, сколько забежать в магазин, купить вкусенького: соку, фруктов, мяска какого копченого, колбаски, творожку, – захотелось уже чего-то домашенького, не казенного. Хоть и кормят в ресторане прилично, а всегда хорошо иметь в каюте, в холодильнике запас на всякий случай. Уж такой аппетит на воде, уж так есть хочется, когда хочется жить!

Совсем рядом с речным вокзалом, в парке на набережной Онежского озера, Петров вспомнил про камеру, и туристического порядка ради захотел сфотографировать Люсю у памятника Петру Первому. Но стоило ему отвернуться чуть-чуть, замешкаться, меняя аккумуляторы, истраченные у водопада, как раздался тревожный Люсин вскрик:

– Андрей!

Цыганского вида приклатненный паренек выдернул у Люси сумку и попытался дать деру. Но Люся успела крепко вцепиться в съехавший с плеча длинный ремешок сумочки и теперь намертво захлестнула его на своей руке, два раза повернувшись, чтобы намотать ремешок узлом на запястье. А устоять не смогла – цыган так рванулся бежать, что Люся упала и теперь волочилась за вормом, хорошо хоть, по гладкой плитке у памятника, а не по шершавому асфальту. В парке никого не было, казалось. Туристы прошли на теплоход, только Петров с Люсей задержались из-за этого снимка на память.

Озверев, Петров ринулся на помощь Люсе, первым делом перехватив ремень сумки, за который тащил ее по земле грабитель. Ремешок не выдержал еще одного рывка и лопнул. Люся остановилась и начала вставать на колени, а Андрей, краем глаза успевший заметить, что она сильно не пострадала, кинулся догонять цыгана. Опередил, кинулся в ноги, улегся сверху, приводя в порядок дыхание и одновременно проводя «удержание лежа».

Парень взвыл от болевого приема, попытался вырваться, лягнуть Петрова свободной ногой, но не получилось.

– Андре-е-й! – предупреждая закричала Люся! И вовремя, по ближайшей дорожке неслись на Петрова еще два крепких парня, на ходу нашаривая в карманах какое-то оружие.

– Зарежут! – подумал про себя Андрей и как мог сильно зажал горло лежавшему под ним парню, громко прохрипев подбегающим цыганам:

– Не подходить, а то сломаю ему шею!

Тело под ним отчаянно забилося и задрыгало ногами. Быстро оценив ситуацию, налетчики тут же рванулись к Люсе. Люся как будто была готова к нападению и стояла спокойно, держа в отведенной для броска руке жестянку с тоником, кстати вывалившуюся из порванной сумки.

– Кто первый хочет в лоб? – азартно выкрикнула она звонким недрогнувшим голосом. Разогнавшиеся было, мужики опять остановились на мгновение в недоумении. И тут раздался такой матерный рык, что опешили все участники всего лишь минуту длящейся сцены:

– ....., наших бить?!!!

И женский истошный, в два голоса визг вдогонку суровому мату:

– Милиция!!!!

Маленький крепыш в кепке, показавшийся у памятника в компании двух молодящихся блондинок с «Петербурга» не ограничился криком и с ходу вlepил застывшим от неожиданности перед Люсей цыганам одному в ухо, другому коленом в живот. Началась свалка, блондинки орала как резаные, призывая милицию, Люся умудрилась все же запустить своей банкой кому-то из нападавших по голове. Петров отпустил свою добычу, предварительно заехав ей острым локтем по позвоночнику, и кинулся на помощь «нашему» туристу в кепке, которому уже приходилось несладко. Тут откуда-то прозвучало хрестоматийное:

«Атас!!! Ноги!!!», и цыгане, матерясь и прихрамывая, бросились зигзагами в разные стороны.

Один из них, на свое несчастье, побежал в сторону пристани, где и был встречен бежавшими на крики Толяном и Сашей. Муравьев, не сбавляя шага, на ходу срубил рукой на землю ошалевшего бандита и побежал дальше, к Петрову с Люсей. Анчаров беззвучно и сосредоточенно оседлал потерявшее сознание «тело» и стал по привычке устанавливать личность задержанного, быстренько пройдясь по его карманам.

Толян притормозил рядом с растерянной парочкой, отечески отряхнул Петрова, погладил нежно и успокаивающе по плечу Люсю, которая, впрочем, и не думала биться в истерике. Муравьев прикрикнул, чтобы замолчали, на продолжавших вопить блондинок, протянул руку и помог подняться сидящему на траве мужичку в кепке, пропустившему сильный удар в голову. Кепка, впрочем, из-за этого с головы его так и не слетела.

– Шпана! Наших бить..... – витиевато выматерился снова крепыш в кепке и, как ни в чем не бывало, спросил Муравьева, – вязать будем? – Тот посмотрел на часы и отрицательно покачал головой:

– Некогда, теплоход через 7 минут отходит!

– Понял! – деловито кивнул головой мужичок и не спеша двинулся к цыгану, которого задержал Петров, и который так и не смог еще подняться.

Женщины отвернулись, чтобы не видеть, как крепышок деловито охаживает грабителя ногами – хоть наука будет. Быстренько собрали вещи, раскатившиеся из порванной сумочки Люси, и дружно побежали на теплоход. Анчаров, задержавшийся еще на несколько секунд у второго «туловища», его же ножом, найденным в кармане, вспорол бандиту брюки на заднице, чтобы сползли при первой же попытке подняться, пнул разок беззлобно и ровной рысью догнал своих, – матросы уже готовились поднять сходни и покачали неодобрительно головами вслед пробежавшей мимо них на теплоход припоздавшей компании.

Глава шестая

– Как тебя зовут, браток? – поинтересовался Толя у мужичка в кепке, оттеснив блондинок, вытирающих своему кавалеру кровь с разбитой губы.

– Марат я, – гордо ощерился тот фиксатой улыбкой. – А ты кто? Мент, по повадкам судя?

– Да что ты, я простой бухгалтер, – усмехнулся подполковник. – Толя меня зовут. Спасибо тебе, Марат, за наших!

– Чего там, они не только твои, паролод у нас на всех один! – резонно заметил Марат, цыкнул на обожавших его, по всему видно, блондинок, и они сплоченной компанией отправились в сторону бара.

Саша, стоявший поодаль, при виде этого короткого знакомства, улыбнулся:

– Ну вот, а мы не захотели с ним дружить тогда, в автобусе, по дороге в монастырь.

– Дружить нам с ним и незачем, Саня, а вот то, что он «наших» в обиду не дает, невзирая на былую неприязнь – это меня радует. Жива еще Россия, майор! Пойдем в каюту, разговор у нас отложен, если не забыл.

– Пойдем, а чего ж не пойти? – немного напрягся Анчаров, но лицо его осталось непроницаемо доброжелательным. – С влюбленными нашими все в порядке?

– Молодцы, не растерялись. Это приключение им крепко поможет теперь. Люся только испачкалась, да ссадина на руке...

– До свадьбы заживет! – улыбнулся Саня и подобрел. – Наши девочки с бантиками в ресторане, я их предупредил, что мы с тобой ужинать не будем – встретимся позже, в диско-баре, там сегодня шоу.

– У нас, брат, одно шоу уже было только что, – рассмеялся Толян. – Пойдем, накатим граммульку, да поговорим о жизни нашей скорбной.

В каюте было тихо, уютно, чисто прибрано. Все вещи аккуратно разложены по шкафам и тумбочкам, не валялось скомканной одежды, вообще ничто не раздражало глаз. Саша помыл руки, в очередной раз вздохнул по поводу отсутствия в их «трюме» (так он называл нижнюю палубу теплохода) холодильника и начал накрывать скатерть-самобранку на скорую холостяцкую руку. Сквозь круглый иллюминатор, находившийся почти у самой воды, в каюту проникали оранжевые лучи низкого закатного солнца.

– Как на пожаре! – хмыкнул Толян, поглядев мельком на себя в зеркало.

– А что, уже горим? – деловито осведомился Анчаров, готовый мгновенно приспособиться к любому, самому резкому повороту в жизни.

Толян вытащил из своего чемодана очередную бутылку днестровского коньяку, довольно оглядел сервировку маленького стола и вздохнул:

– Помнишь, Саня, у тебя в кубрике похожий столик был откидной, только железнодорожный? Все тогда еще прикалывались над вами с Джеффом.

– Как не помнить? – Саня острым швейцарским ножом нарезал свежие помидорчики, аккуратно строгал «Докторскую» и «Российский» сыр. – У нас, Толян, с той поры ооновской, вся жизнь на откидных столиках да казенных койках. Как в Риге началась с первого «казарменного положения», так и тянется уж двадцать лет. – Анчаров критически оглядел законченную сервировку, пачку салфеток положил на край стола, неторопливо проделал все подготовительные манипуляции с сигарой из деревянной коробки, лежавшей на полочке над его кроватью, и закурил. – Командуй, командир!

Толян послушно уместил себя за столик, свернул с коньяка головку, махом вытащил гулко охнувшую пробку. Понюхал

подозрительно, покружив горлышком бутылки у себя под носом, выдохнул удовлетворенно и разлил по первой. Себе в кружку – алюминиевую, поллитровую, Сане – в широкий коньячный фужер тонкого стекла.

– Ты что, этот фужер по жизни с собой таскаешь? – в сотый, наверное, раз спросил он Анчарова. А тот в сотый раз ответил:

– Так это из дома. Из секции вытащил перед отлетом в Тюмень из Риги. На счастье, думал. Вот обоснуемся в Сибири, получу квартиру, как обещали, выпишу семью и тогда выпью коньячку, и разобью бокал на счастье!

– За удачу! – Толян приподнял кружку, осторожно притронулся ей к золотому ободку фужера и выпил до дна.

Закусили не торопясь, не глядя друг на друга, думая о своем. Есть не хотелось, шашлык недавний, съеденный у водопада, еще не осел, как следует. Но без закуски офицеры не пили, чревато. Не те уже годы. Ранения, болячки, испорченные за годы службы желудки давали о себе знать.

Теплоход тихонько погудел, прощаясь с Петрозаводском, и тихо отвалил от пристани. По стенам каюты побежала золотая рябь. Муравьев налил еще по соточке и вопросительно посмотрел на Анчарова. Тот усмехнулся в ровные черные усы:

– Выбирай, командир, за ветер странствий пить будем или же за дорогу к дому?

– Сказали мне, что прямая дорога ведет к Океану смерти. И я свернул с нее, и с тех пор тянутся передо мною кривые окольные тропы... Как-то так было... Все врут братья Мастурбацкие! Шли мы с тобой прямою дорогой, а вышла она кривой и затянулась на десятки лет. Сколько войн у нас получилось, Саня? – подполковник выразительно подергал себя за ухо и поднял указательный палец, напоминая, что каюта может прослушиваться фээсбэшниками на борту. Майор кивнул и не менее выразительно показал на пальцах, что им теперь все по фую, поскольку игра пошла в одни ворота.

– Ну, смотря, что войной считать, Толян? Афган, Карабах, Рига, Бендеры 92-го, Абхазия, Москва 93-го, ну и так, по мелочам, не

считая оперативной работы. В целом, можно сказать, дешево отделались. Ты соскочить решил, Толя? А почему мне не сказал? Нехорошо.

– Да потому, что сумку твою прошмонал перед нашим отъездом из Тирасполя в отпуск. Альбомы, документы, флаг Латвийской ССР с мачты на нашей базе в Риге, орден, медали, черный берет и тельник. Это тебе так нужно на теплоходе в круизе по Волге? А почему мне не сказал? Нехорошо.

– Значит, пьем за дорогу к дому! – невозмутимо подытожил Анчаров и поднял свой фужер.

– За дорогу к дому! – Толян встал. Встал и Анчаров. Чокнулись, выпили до дна, и с размаху полетел в стену тонкий коньячный фужер с золотой полустертой каемочкой. Зазвенело стекло и осыпалось на кровать. За стенкой той как раз была каюта Гугунавы. А сейчас там никого не было.

– Я уж подумал, ты мне в лоб зафиндилить хочешь, – криво усмехнулся подполковник, аккуратно поднял покрывало с постели и высыпал мелкие осколки в туалет. Встряхнул хорошенько покрывало и снова застелил свой диванчик.

Саня сидел, докуривал сигару. Закурил и Толя. Выпили, не чокаясь, по третьей, опять сидели, молчали, думая о своем. О последнем марше колонны Рижского ОМОНа в аэропорт. О негостеприимной Тюмени. О том, как встретила их гостиница «Дружба» в Тирасполе. Как Кожевина с Никифоровым по чьей-то предательской наводке схватили молдаване прямо во время утренней пробежки и отвезли в Кишинев, а потом переправили в Ригу, в СИЗО. Как Парфенова сдали латышам российские власти прямо в Тюмени. Как в Абхазии подорвались на машине сразу четверо ребят, и неизвестно кому повезло, тому, кто погиб или тем, кто остался без ног. Как прятали местные уцелевших омовцев на барже, курсировавшей по Днестру. Как воевали, и как предавали их те, за кого они воевали – снова и снова.

– А ты деньги где спрятал? – неожиданно прервал молчание Толян.

– Да там же, где и ты. У меня тоже термос с собой, – улыбнулся Анчаров.

– Карточки все ликвидировал?

– Всё снял. Только на служебной оставил немного, вдруг счет проверят.

– Молодец, майор. Внутренний паспорт российский?

– Гильмутдинов я теперь. И прописка в Казани. Третья фамилия уже, просто кошмар. Так и до Кацмана недалеко, пора остановиться. А ты?

– Тульев.

– «Ошибка резидента»? Ну, впрочем, какая разница... Коллеги нас искать будут? Как думаешь?

– Вряд ли. Если сами на рожон не полезем. Полковник обещал урегулировать вопрос, если мы ему досье по Тирасполю набьем под завязочку.

– А не грохнут?

– А смысл? Грохнуть нас так и так всегда могут. Да и не раз пробовали. Но как игроков. А вне игры, если уйдем, то есть шанс. Да и подстраховались, не дети же мы, в натуре, – Толян ухмыльнулся и снова подергал себя за ухо.

– Надоело скитаться. Хорошо, хоть денег отложили на черный день.

– Ну, не все же нашим начальникам в карман заносить.

– Думаешь, получится?

– На все воля Божья, Саня!

– Мы с тобой ведь в Ялте сейчас для них?

– Ага. В частном секторе. Оттуда и рапорта за нас, если потребуется, по почте вышлют.

– One way ticket?

– Наливай!

Глава седьмая

Кирилл засмеялся весело, когда Машенька дала ему прослушать свежую запись:

– Вот засранцы! Сами все, наверняка, еще на водопаде обговорили, а нам радиоспектакль устроили!

– Думаешь, они не знают, что мы знаем, что они знают, что мы их слушаем? – улыбнулась Маша.

– Муравьев сразу понял, когда я его к стенке припер при первом разговоре, что у Петрова в каюте прослушка была. Сделал выводы, не дурак, наверное, а в каком-то смысле коллега.

– А может, они вообще сойти со сцены еще в Тирасполе договорились?

– Это вряд ли. Каждый готовился сам по себе, каждый друг на друга надеялся, но пока в России не оказались, никто карты не раскрывал до конца. Дружба дружбой, служба службой, а жизнь у каждого одна, Машенька. Тут еще и катализатор мощный сработал: сначала террорист этот черно... мордый. Потом наше предложение, от которого в их ситуации невозможно отказаться.

– А ты мне можешь на один вопрос ответить, Кира?

Кирилл заерзал в своем кресле и насупился:

– Когда ты последний раз задавала мне вопрос таким тоном, мы потом месяц не разговаривали!

– И все-таки... Когда ты нашу группу на этот пароход направлял, ты возможный теракт разрабатывал, или все же Гугунава – чистая случайность? А на самом деле у тебя, Сёма, «открытый перелом»?

– Ты еще скажи, что я Жеребца подставил и дал приднестровцам его грохнуть, чтобы мужики с инфой не соскочили! А Глафира так вообще моя приемная дочь, которой я выдал ручку-стрелялку и для дела не пожалел! – Кирилл шумно вскочил с кресла и начал возмущаться, правда, шепотом. – Ты совсем с ума сошла, мама, или ты не знаешь, чем наш отдел занимается, и что не наш вопрос вообще все эти мутные приднестровские дела? Просто, хорошим людям поможем. Ну и кое-кому в головной конторе в Москве приятное сделаем... – полный праведного возмущения голос становился все тише и тише.

– Совпадение, значит, – покачала головой Маша и посмотрела на Кирилла с такой укоризной, что полковник, ни слова больше не говоря, схватил пиджак, сигареты и выбежал из каюты, дверью, правда, не хлопнув.

~~~~~

Россия! Нет лучше в мире страны. И хоть «наряду у нас нет» из века в век, а все равно, русскому человеку только в России дышится полной грудью.

Подполковник Муравьев, бывший подполковник Муравьев, стоял на смотровой площадке на носу теплохода, размеренно одолевавшего Волго-Балт, и громко декламировал Вознесенского:

...Российская империя – тюрьма,

Но за границей та же кутерьма.

Родилось рано наше поколение,

*Чужда чужбина нам и скучен дом,
Расформированное поколение
Мы в одиночку к истине бредем.*

*Чего ищут? Чего-то свежего
Земли старые – старый сифилис.
Начинают театры с вешалок,
Начинаются царства с виселиц!*

*Земли новые – табула раса.
Расселю там новую расу.
Третий мир без денег и петли...
Ни республик, ни короны!
Где земли золотое лоно
Как по золоту пишат иконы
Будут лики людей светлы!*

*Смешно с всемирной тупостью бороться –
Свобода потеряла первородство.
Ее нет ни здесь, ни там...
Куда же плыть?
Не знаю, капитан...*

– Bravo, bravo! – захлопала в ладоши Люся. – Спасибо, Анатолий Александрович! Не думала, что затрепанный мюзиклами монолог может вдруг прозвучать так свежо из ваших уст.

Толян повернулся лицом к публике, прижал к себе хрупкую, надломленную от усталости Дашу, запахнул вокруг нее полы своего широкого пиджака, спрятав и от людей, и от ветра. Впрочем, все были свои. И все были немного пьяны. В серых предутренних сумерках ровная стена лиственного леса вдоль обоих берегов неширокого ровного канала сливалась в бесконечную полосу. Казалось, теплоход попал в какую-то временную ловушку, в искривленное и закольцованное пространство и будет годами теперь плыть по бесконечной, тихо журчащей вдоль бортов зеленой воде, и не свернуть, и на берег не сойти – стена слева и справа – непроходимая.

До четырех часов друзья отрывались в диско-баре. Сначала отдыхали после вечерних приключений на водопаде и битвы при Петре Первом. Откинулись расслабленно на мягких, широких диванах, полукругом обнимавших овальные столики, уставленные разнокалиберными – каждому по душе – и разноцветными – по вкусу – фужерами и бокалами, чашечками и мороженицами. Хорошо, что дружные аспиранты по команде предусмотрительного доцента заранее заняли места, чтобы на всех хватило. И на приднестровцев с девчонками, и на Петрова с Люсей. Народу в диско-бар набилось полтеплохода. Сначала шоу-программа из гастролирующих звезд и звездочек вызвала бурные аплодисменты добродушной туристической публики, в три ряда окружившей танцплощадку, заменившую артистам сцену. Потом аниматоры – массовики-затейники по-нашему – завели народ на танцы и конкурсы. Бега в мешках, к счастью не было, но посмеялись и попрыгали изрядно. Трио русских народных инструментов с балалайками в руках – от обычной до гигантской, – выше девушки, которая на ней играла, и вовсе произвело фурор, исполнив несколько классических мелодий из американского кино. Польщенные музыканты: пожилой кавказец и гротескно-яркие молодые евреи – брат с сестрой, встряхнули балалайками и сыграли «на бис», сорвав бешеную овацию. Был и прекрасный

русский народный ансамбль песни и пляски с такими красавицами в сарафанах, что просто заныла душа. Вел программу разбитной армянин из популярного телевизионного «Comedy Pub», но его сальные шуточки ниже пояса странным образом только оттеняли задушевность старых советских песен о любви в исполнении Марины, совмещавшей на теплоходе ампула певицы с подработкой администратором на рецепшн.

За полночь пожилые люди разошлись по каютам, а молодежь и все, кто себя посчитал еще не старым, плясали в разноцветных лучах лазеров и пулеметных очередях стробоскопов почти до рассвета. И, конечно же, внезапно проснулся среди ночи клевавший носом над чашкой кофе с ирландским виски ди-джей и, наведя резкость на танцующих, замесил попсу и всякую там кислотную музыку в комок, сплющил, раздавил, смикшировал и вывел плавно и чисто «Отель Калифорния». Да еще объявил гнусавым голосом классического пионервожатого: «Белый танец! Девочки приглашают мальчиков!».

И поплыла через весь зал к напрягшемуся Анчарову выходявшая было попудрить носик Глафира, лебедушкой поплыла, не боясь, что ускользнет от нее ее почерневший от жизни и кремнем ставший друг. Потому что кремень этот высек из нее искру и зажег в ней свет.

Несмело поднялась и встала перед Муравьевым во весь свой модельный рост Даша. Потупилась несмело, посмотрела с надеждой, как тогда, когда еще не стала королевой школы, и универа, когда еще гадким утенком была, – на первых вечерах в шестом-седьмом классе английской школы. Но прежде гривкой невесомых, блестящих как в рекламе шампуня, – шелковой лентой локонов белых взметнула, оглянувшись вокруг: не дай бог, посмеет кто-нибудь пригласить выбранного ей кавалера!

Кирпичик за кирпичиком, – и рухнула внутри Толяна ледяная стена.

– Эта не предаст, – подумал он и решительно поднялся с дивана.

А Петрова Люся просто за руку вытянула на середину танцпола. Прильнула, позволила вести себя медленно, обнимать, целовать в открытую шею – для всех незаметно, как им казалось.

Первый танец сближает порою на целую жизнь. Так было, так будет, надеюсь.

А потом все скакали под неистовую «Венеру» Shocking Blue: кружком, с воронежцами вместе, с подростками, которых не сразу разберешь, где парень, а где девица, с Маратом, косившим под поселкового Майкла Джексона и с его заводными блондинками – торговками с питерского рынка «Юнона», как оказалось...

Теперь, на средней палубе, поближе к воде, остались только свои. Птицы, редко поющие в августе, с первым солнцем запели.

Неожиданно, палубой выше, тихо-тихо заиграл синтезатор, и вместе с птицами запела для себя, не так, как в концерте, певичка из бара «Панорама». Это заведение закрылось уже в полночь – у бармена Димы был день рождения. Досиделись и они до утра, как видно.

Ждать не надо лета, чтоб узнать, что счастье есть.

Ждать не буду лета, чтоб сказать, что счастье здесь...

Чуткий Петров первым услышал мелодию, оборвал слово и вскинул руку: слышите?! Все замерли, только бесконечное скольжение теплохода по зеленой воде среди зеленых лиственных стен продолжалось завораживающе, попав в такт негромкой музыке, как будто это она, музыка, а не могучая машина, двигала судно.

... Апрель у нас в раю с золотыми лучами.

Сентябрь у нас в раю – с серебристым дождём.

Здесь счастье нам дано и в любви, и в печали.

Оно со мной в тот миг, что я плачу о нём.

*Будь благословенным, детский смех у нас в раю,
Вешнее цветенье – и первый снег у нас в раю.
Верность и измена, боль и страсть, и тьма, и свет –
Всё здесь есть. Вот только говорят, что смерти нет...*

Анчаров и Толян переглянулись быстро после этих слов и неслышно вздохнули. Только Глаша услышала этот тихий вздох, потому что ручку маленькую отогревала на сердце у Сани, – услышала и испугалась на миг почему-то.

*Июль у нас в раю сыплет звёзды ночами.
Ноябрь у нас в раю плачет ночью и днём.
Здесь счастье нам дано и в любви, и в печали.
Оно со мной в тот миг, что я плачу о нём.*

*Молча смотрит бездна на летящие огни.
Ах, Отец небесный, Ты спаси, Ты сохрани.
У черты последней, жизни вечной на краю
Я скажу: "Оставь меня в раю, у нас в раю"...*

Голос певицы становился все тише и тише, не разобрать было последних слов песни. Не оборвалась она, нет, просто пропала в небесах, там, откуда пришла когда-то впервые на землю.

– Это снова она? – повернулся Анчаров к Люсе так осторожно, как будто спугнуть боялся последнюю ноту песни. Люся, млевшая как птенчик под крылом у обнявшего ее Петрова, кивнула в ответ:

– Она. Ирина Богушевская. « У нас в раю ».

Завтра, то есть, уже сегодня, стоянка в Вытегре. На экскурсию можно не ходить: выспаться, как следует, на пристани купить ягод и рыбы, запастись молоком и хлебом. А потом остаток дня и еще следующий день – в пути. Игры, конкурсы, мастер-классы по вязанию и спортивным танцам, мление в купальниках на солнечной палубе, ленивое сидение в кресле с созерцанием проплывающих берегов, городов, сел, церквей и, конечно, лесов. Восходы, закаты, ледяной коктейль в баре, ночью – дискотека. И в любое время дня в отдельной каюте, за плотными ночными шторами, под музыку из радиорубки в динамике громкой связи, без стеснения и угрызений совести – любовь, любовь, любовь.

Об этом наперед уже знали все, у нас в раю, на теплоходе «Петербург», ранним утром 11 августа 2008 года. Шел четвертый день войны, не прекращающейся уже двадцать лет.

По каютам расходились парами – имели право.

Глава восьмая

– У нас с Глашкой билеты до Костромы, Толик! – плакала беззвучно на груди у любимого, уже любимого, как иначе? – Даша.

Так получилось, что Муравьев практически перешел жить в каюту девушек. Не афишируя, конечно, не разбрасывая мужские вещи, чтобы не дать лишнего повода потрепать языки уборщицам, не мельтеша лишний раз перед соседями. А Глафира прописалась у Анчарова на нижней палубе. Все равно, все равно, все равно – завтра уже Кострома.

Толян погладил девушку по перепутанным волосам, провел широкой ладонью по длинной спинке, еле удержался, чтобы не пощекотать слегка вспотевшую ямочку там, где спина заканчивалась, и начинались бесконечно длинные ноги. Не тот момент. Пора было перерубать канат. Не по частям, как хвост собаке, а сразу – одним махом!

– Ты что собиралась в Костроме делать, Дашенька?

– К ма-а-ме. Девчонок посмотреть – все замуж повыходили, по трое детей уже у некоторых! Купаться, в деревню к бабушке съездить, я там все детство провела-а-а. – Дарья прекратила всхлипывать, кулачком утерла слезы; мокрым и все равно красивым, – хоть сейчас на глянцевою обложку, – лицом повозила Толяна по гладкой, с двумя крестообразными шрамиками над сердцем, груди, зарылась под мышку и замерла в ожидании чуда.

Муравьев нащупал свободной рукой сигареты и зажигалку, закурил осторожно, чтобы не спугнуть лишним движением воцарившуюся в каюте уютную домашнюю тишину.

– Дашка, я старый уже. У меня дочь почти такая же, как ты. Взрослая. Замужем уже. Я ее маленькой... бросил. – Последнее слово далось Толяну с трудом, но он, все же, выговорил его. Даша молчала, только плечики как крылышки напряглись – вспорхнет? Улетит? Не улетела, приготовилась только. – Ну, не то чтобы так уж и бросил. Перестройка, август, будь он неладен, пришлось уехать из Риги, потом в розыск объявили, дело до сих пор не закрыто. А жене с дочкой куда ко мне ехать? На войну? А случись что со мной, с кем они остались бы на чужбине? Латвия тоже стала неродная, понятно. Но там хоть друзья у них, какие-никакие, квартира, теща, работа еще была первое время... Да, сильно-сильно любили бы друг друга – все равно бы не расстались. Ты права! – А Дарья и слова не сказала, притаилась как мышка, слушала каждой клеточкой, чувствовала, что надо молчать, выслушать, больше никогда ей такого не расскажет Толик о себе.

– А мы просто жили, как все. Случайно встретились на турбазе в Крыму. Я ведь из Тулы, Дашенька, вообще-то. Да не из самой Тулы, из маленького районного городка. Потом я в Юрмалу приехал, как

раз училище закончил, вертолетчиком я был когда-то. Закрутились, ребенка сделали по молодой глупости, женился я, как честный человек. У меня жилья своего не было, а у Ольги с тещей квартира большая на двоих, уговорили переезжать в Ригу. А там по специальности работы сразу не нашлось, пошел в милицию. Как раз ОМОН, один из первых в стране, стали организовывать. Взяли и меня. Дальше пошло-поехало: «перестройка – перестрелка»...

Толян вздохнул и прикурил новую сигарету от окурка. И пусть не всю правду рассказал он, но легенда эта уже так глубоко срослась с его жизнью, что иногда он и сам в нее верил. Полковник ФСБ, нашедший его на теплоходе, в свое служебное удостоверение, которое дал изучить Муравьеву до последней запятой, вложил квадратный кусочек картона с номером. С номером личного идентификационного жетона, который Толян сдал еще в 1987 году, отправляясь в Ригу – жениться, оседать там, устраиваться в милицию... С августа 91 года никто больше не напоминал лейтенанту КГБ Мурашову, он же младший лейтенант Рижского ОМОНа, он же бывший теперь подполковник МГБ Приднестровской Молдавской Республики Муравьев, о его прошлом. Куратор отряда по линии спецслужб, старший инспектор аналитической группы майор Чехов был вынужден покинуть Приднестровье, и след его растаял на просторах России. А Муравьев с ним не поехал, может быть и зря. А может быть, и нет. Это теперь один Бог знает.

А больше никто в Отряде не знал настоящей должности и настоящего лица Муравьева. Один лишь Валерка Иванов – старый друг, журналист и идеолог Интерфронта, курировавший по своей линии контакты крупнейшей в республике общественной организации с Рижским ОМОНОм, догадывался о роли Толяна. А потом, сблизившись близко, ближе Толика даже, с майором Чеховым, наверняка узнал правду. Но Валерка будет молчать. Майора, может, и в живых-то нет. А наследникам бывшей могущественной конторы никакого дела до бывшего сотрудника все эти двадцать почти что лет – не было.

И вот все всплыло неожиданно, в самый что ни на есть неудачный момент. Только собрался Муравьев навсегда распрощаться с Приднестровьем, осесть в России, заняться тихим

частным бизнесом и никогда больше ни за какую власть не воевать, разве что грехи замаливать честной обывательской жизнью... И вот, опять все кувырком. Война с Грузией долбанной, террорист-подрывник – тупой, как затычка у хохла без лычки. Анчаров со своей Глафирой, Дашка, Петров с Люсей и главное, – Кирилл и его команда... с предложением, от которого в нынешней ситуации просто нельзя отказаться. Конечно, Присягу дают один раз! Но Советскую присягу лейтенант Муравьев никогда и не нарушал. Является ли нынешняя российская ФСБ законной преемницей Комитета Государственной Безопасности, из архивов которого всплыл у Кирилла личный номер офицера КГБ Муравьева, то есть, не Муравьева, конечно и даже не Мурашова?.. Вопрос. И вопрос, скорее, к самому Кириллу – он - то кем себя считает? По сути, по-человечески, по-офицерски, в конце концов!

Досье на политический криминалитет в высших кругах власти Приднестровья отдать Кириллу не жалко, если для дела надо. Погань, она и в Африке погань, и если России это надо, то пусть пользуется. Честным приднестровцам это не повредит, в любом случае. А криминал Толян у никакой не жалко. Можно ли верить Кириллу? – это раз! Если ошибется Толян, попадут с ним вместе в неприятную историю и Сашка, и Дашка, и Глашка. Это – два.

Толян докурил до фильтра сигарету, раздавил бычок в пепельнице и повернул Дашу к себе, приподнял за плечики над собою, потянулся вверх к милому заплаканному лицу, поцеловал крепко и велел слушать себя внимательно.

– Если ты собралась за меня замуж, то сегодня же познакомишь меня с мамой и сегодня же поплывешь со мной дальше – аж до Астрахани и потом обратно. Если за это время не передумаешь, из Нижнего поедем в Москву. В столице проживем немного, пока я закончу все дела, и отправимся в Подмосковье. Там у меня дом куплен. Старый, но просторный. Я первое время буду превращать дом во дворец, достойный тебя, потом займусь делом – есть у меня одна задумка. Деньги на первое время тоже есть, ты об этом не думай.

– А что же буду делать я? – задумчиво спросила Дарья, мелькнув соблазнительным длинным телом перед суровым взглядом

сосредоточенного Толяна. Она соскочила голышом с постели, накинула на себя его рубашку и устроилась по-турецки в ногах Муравьева, приготовившись слушать и слушаться.

– Ты, радость моя, услада последних старческих дней... (Даша иронически хмыкнула при этих словах, с удовольствием окинув могучий торс любимого, редкий пушок на котором золотил рассеянный плотными занавесками солнечный свет, и кожа еще не увяла, упруго дышала здоровьем, а уж про мужскую силу лучше и не вспоминать, опять прокувыркаемся в койке, позабыв про обед и ужин)... ты, блондинка моя ненаглядная, получать диплом будешь. А как получишь, будешь мне в семейном бизнесе помогать.

– А кто ты, Толик? – несмело спросила Даша. – Кто ты на самом деле? И как ты будешь жить в России, ведь ты иностранец, наверное?

– Вот, вот! Сначала надо было мне все эти вопросы задать, а потом уже спать со мной ложиться, – заворчал Толян назидательно.

– Ты, повелитель, не умничай! – засмеялась Дарья и ловко пощекотала Толяну голую пятку, заставив его немедленно спрятать ноги под одеяло. – Я тебя совратила, я, «как честная женщина», – передразнила она Муравьева, обязана на тебе жениться. То есть, выдать тебя за себя замуж. Так что, не надейся, что в Нижнем я передумаю! И не отвечай вопросом на вопрос, или ты не русский?

– Я же тебе уже почти все рассказал. Я офицер, Даша. Теперь уже бывший.

– Тебя уволили?

– На этот раз я сам себя уволил. И гражданство у меня российское... В том числе... Все законно. Я не уголовник, не аферист и не международный террорист. Я просто вернулся с войны и хочу жениться и осесть на Родине. Я буду скучным человеком, я тебе обещаю, любимая! Ты не бойшься скучного мужа?

– Я обожаю скучного мужа! Веселых друзей – за хуй и в музей!

Толя нахмурился, возмущенно подняв брови.

– Не буду больше, Толя. Просто, ты тоже пойми, я успела многое в своей не такой уж путевой жизни. Так что заранее пойми и прости. И больше не вспоминай никогда. Это единственное мое условие. А я тебя любить буду. Я тебе присягаю на верность. Веришь?

– Тебе – верю! – Толян улыбнулся широко, до ушей, как в молодости. – Кто первый в душ?

– Я!

– Беги. А потом пойдем решать вопросы с билетами, каютами и прочими житейскими делами.

– Толя, я постараюсь занять у родителей денег на билет, – замялась Даша, застыв у двери в ванную.

– Ценю. Но ты моя невеста, и путешествие у нас свадебное. Это мой вопрос. Иди, мойся, а не то верну в койку, и тогда уж мы точно останемся без обеда.

~~~~~

Не веришь, читатель, что Анчаров с Глашей точно так же решили вопрос? А зря. У нас в раю все так, слава Богу, происходит! Изнемогшая от любви Глафира первый раз за свои 25 лет получала наслаждение от близости с мужчиной. И не от физической только близости, хотя неумоим и нежен, и чуток был Санька, внезапно почувствовавший, что вся жизнь еще впереди. Этот восточный по виду и такой русский по душе и привычкам, крепкий и самодостаточный человек взял на себя всю боль Глафиры, всю горечь пострадавшего рано в новой России девичьего сердца. Не спрашивая, понял все, и не укорил, и даже не *простил* – решил, что не за что прощать, а можно только жалеть и любить, защищать и лелеять. А больше всего радовалась Глаша тому, что в себе не сомневался майор Анчаров. Не говорил о старости, не печалился о сходстве и несходстве жизненных интересов. Не ревновал заранее, молодую подругу, будучи уверен в себе. В том, что способен

построить счастье для обоих. Обошелся без оговорочек, присказочек, без кокетства. Сказал: люблю. Буду беречь, уважать, в обиду не дам, в нищете не оставлю. На кухне и в детской сидеть будешь только, когда захочешь. Сам справлюсь и накормить, и детей, если Бог пошлет, воспитать. Учись, найди себе дело всей жизни по таланту своему! Я буду рядом. Сможешь, тяни меня к себе, я поднимусь!

И тебя научу тому, что знаю о жизни. В Костроме сойдем вместе с теплохода, пойдем к твоим родителям. Не навсегда, только погостить. Не примут, сразу поедем в Псковскую губернию. Там у меня друзья. Жить на что, у нас есть. Хватит надолго, да только, сложа руки я сидеть не собираюсь. И тебе еще доучиться надо – совсем немного осталось. А проблемы наши Толян урегулирует – я ему верю, и ты ему верь. Только знай, мы с тобой перед Муравьевым в долгу неоплатном. И пусть он никогда его не востребует – это не его, это наш долг. Молиться будем за друга. Господь милостив, дочка! Прости, любимая, сорвалось...

– Санечка, свет мой! Ты мне и муж, и сын, и отец. Не оставь нас, Пресвятая Владычица Богородица! Верни нас к жизни мирной и безмятежной, да плачемся о грехах своих...

Глава девятая

Вечером втроем сидели мужчины на корме, окружив щедро накрытый столик. Петров, Муравьев, Анчаров. Вспомнили Иванова.

– Кто-нибудь новости смотрел в последнее время? Поручика не видели больше? – поинтересовался Саня.

– Какого поручика? – не понял Андрей.

– Ржевского! – немедленно отозвался Муравьев, коротко хохотнув.

Анчаров улыбнулся скупой в черную щетку усов и пояснил:

– Валерка когда-то первую статью написал о Рижском ОМОНе, как только мы на сторону Союза стали окончательно и бесповоротно. Ну а поскольку подписывать своим именем, а он крупным функционером Интерфронта был тогда, неудобно, то подписался одним из своих псевдонимов – Ржевский.

В отряде, понятное дело, кому надо, сразу узнали, чья работа. Так и стал Иванов – Поручиком. А потом он и вовсе у нас прописался в ОМОНе, не сдрыгнул, как остальные политики. Взял автомат в руки и до конца был с нами. До Приднестровья дошел. Ну а там что-то такое наворотили они вместе с Питоном – особистом нашим, что против шерсти местной власти пошло. Их стали прессовать, они исчезли. Ну и правильно, а то грохнули бы их за милую душу – время было лихое, да и всегда сначала своих бояться надо, с врагами как-нибудь справимся.

– А теперь, оказывается: жив-здоров Поручик! И, слава Богу! Мы с ним крепко дружили, а расстаться пришлось – не попрощались даже, – помрачнел Муравьев.

– Перестройка, мать ее за ногу, да отцов ее голой жопой об забор!
– Саня разлил по разнокалиберным кружкам последнюю бутылку днестровского коньяку.

– Давайте мужики, вздрогнем за дружбу!

Вздрогнули. Закусили. Закурили.

Петров затянулся крепко, выпустил струйку дыма, подобно дракону и сказал:

– Я Иванову обещал заехать к нему, когда из круиза вернемся. Вот только, успеет ли он «отвоеваться» к тому времени? Ну, не беда. Дождусь, объявится. Про вас, что ему сказать?

– Пусть в гости ждет! Теперь можно и в гости. – Толян улыбнулся белыми блестящими зубами, в серо-голубых глазах растаял намерзший за годы скитаний лёд.

– В самом деле! Давайте договоримся, мужики, каждый год летом встречаемся у Иванова на даче, в Вырице! Далеко это от Питера, Андрей? – Анчаров оживился, представив себе, как они все

вшестером нагрянут к Валерке на шашлыки и всё-всё похерят, что было тяжелого за эти годы. А вспоминать будут только хорошее и смешное.

– Час езды. Только у него жена уже не та, что вы знали. Я её видел мельком, вроде веселая, не выгонит, наверное!

– Да, укатали Сивку крутые горки, – вздохнул Муравьев. – Никто из нас первую семью не сохранил. И сколько бы в этом ни было нашей личной вины, но я точно знаю, кому гореть в аду за миллионы сломанных судеб!

– Как же ты жить собрался в новой России, Толя? – грустно спросил Петров. – Здесь ведь Ельцин до сих пор официальный герой и клеветы его неприкасаемы.

– А как Иванов живет? Он ведь злой, он ведь с самого начала перестройки в этом дерьме варился, каждую сволочь знает – кто и что сотворил. Но ведь все равно в Россию вернулся. И даже служит ей. А зубами-то скрежещет, небось, по ночам, я его знаю! Но терпит и служит. Не ради власти, ради России. – Анчаров загрустил, всегда настороженные, прищуренные, как перед выстрелом в цель, черные глаза его внезапно осоловели, расслабились – и не узнать стало бывшего майора. Сидел на палубе круизного теплохода, весело плывущего под музыку по Рыбинскому водохранилищу, обыкновенный турист. В белых штанах и белой рубашке. Уставший на работе и теперь отдыхающий душой и телом деловой человек. Директор магазина, например. Или хозяин автомастерской. Добрый к детям, женщинам и хорошим людям. Простой русский человек. Смуглый только. Но крест православный поблескивает серебром на поросшей черным волосом мускулистой груди. Что еще надо вам, люди? Наш человек.

Петров подвинулся поближе к товарищам и начал говорить тихо, но убежденно:

– Я для себя так решил: не лез в политику и никогда не буду. Я домой ехал из Эстонии, не для того, чтобы ненавидеть. Я этой ненависти за 17 лет «независимости» так называемой наелся сполна. Я не воевал, не боролся, как вы. Но и не служил им, и не помогал ни в чем. И любви их не искал тоже. Мотался по свету, по всему

белу свету и пахал на дядю. То на дядю Сэма, то на королеву Викторию, то вообще непонятно на кого. Но никогда на эстонцев. Я, мужики, почти во всех странах мира был. Где подолгу, где по чуть-чуть. И ответственно вам заявляю: какой бы Россия сейчас ни была – лучшего места на свете все равно нет!

В каждой избушке свои погремушки. Туризм нельзя сравнить с эмиграцией. А жизнь в России, среди русских людей нельзя сравнивать с жизнью в Европе среди русскоязычных евреев. Я никого никогда уговаривать не буду в Россию переезжать. Пусть сами решают люди, где их дом. Но только не хочу я, чтобы из России такую же цивилизованную тюрьму сделали, как из ЕС, или там Штатов... Я не для того на Родину возвращался, чтобы здесь было, как в Эстонии. А сколько дураков русских, которые пару раз в Анталию на две недели слетали, да в Париж на три дня – искренне считают, что там вечный праздник, за который не надо платить! А платить человеческой жизнью и судьбой детей приходится. А когда, наконец, понимают эту горькую истину люди – уже поздно что-то менять. Вот и обманывают себя, врут, что все у них заебись, и как здорово, что они так удачно свалили на запад. А чтобы не проболтаться, убеждают себя и других, что они ненавидят Россию. И так проходят годы. И ненависть становится искренней. Такие дела, ребята.

– За Россию! – Толян щедро опустошил содержимое бутылки в стаканы и составил ее со стола.

– За Россию! – дружно повторили все, и выпили стоя.

Анчаров чиркнул спичкой и раскочегарил потухший окурок толстой сигары.

– Я устал воевать. Не только потому, что воевать так трудно. Тяжело не тяжело – война дело мужское. Я устал воевать *ни за что*. Буду жить просто так. Чтобы другим говна не делать – с меня достаточно. Не провести нам дороги, не ликвидировать коррупцию и не перестрелять всех подлецов и дураков на шестой части суши. Полжизни прожито с лишком, уж под горку мы с вами идем. Хватит. Навоевались. Сколько ни трудись на общественное благо, а все равно в результате получается, что каштаны из огня какому-

нибудь миллиардеру с нерусской фамилией таскаешь! Поручик все не остановится никак, ну, Бог ему в помощь. А с нас хватит, так Толян?

– Так точно, Саня! – захмелевший Муравьев оглянулся заговорщически по сторонам и вытащил из кармана пиджака швейцарский нож. Подтащил к себе стоящий неподалеку пластмассовый стул, перевернул его вверх ногами и нацарапал криво на обратной стороне сиденья короткую надпись:

«Пп-к М, майор А – ДМБ 2008 – Тирасполь».

– Мы в Эстонии в параллельных с куратами мирах жили, – все никак не унимался Петров. – Почти не соприкасались. В России немного пожил и понял вдруг, что и здесь то же самое. Во всем мире такая фантастика, мужики: параллельные миры и пришельцы! Только в России один мир – это народ, а второй – это власть. А еще есть и третий мир – это какашская удавка у России на шее. Наши пришельцы с Марса – это именно они. С судами шариата, с рабами в зинданах, с торговлей людьми, с первобытными законами кровной мести, многоженством, кумовством, взяточничеством, семейственностью и животной наглостью. Ну и где же наш гарант Конституции? А прокуратура наша скорее меня потащит в суд за эти слова, чем кого-нибудь из них за то, что Конституция РФ на кавказцев не распространяется. Наоборот, законы гор давно пришли в столицу нашей Родины. Потому я и живу в Питере. У нас хоть это пока не так заметно.

– Ни хрена себе, мирный обыватель Петров! – засмеялся Толян.

– Зря смеешься, командир, – явно нехотя вернулся к разговору Анчаров. – Опять август на дворе, – и опять война. И в следующем году будет август. Война на Кавказе веками длилась, пока не потушили. Теперь тоже Цхинвалом она не кончится. Чтобы кавказскую войну выиграть, Кавказ в Москве победить надо для начала! Иначе никогда война не прекратится. Прав Петров.

Прибалтийский проект похерен, вымрут сами, как мухи. А вот с этими еще воевать и воевать, если хотим жить в независимой России и никому дань не платить. Знаю, знаю, кто их науськивает на Россию, кто деньги дает на войну с нами... знаю, чьи они псы!

– И ты туда же, майор! И тебе мало? – Толян раздраженно вскочил и зашагал кругами по палубе, не обращая внимания на гуляющих мимо мирных туристов. Вернулся к столику, выпил минералки прямо из бутылки и уже тихо сказал:

–Ни в чем кавказцы не виноваты! Виноваты те русские, кто это допустил. Кто в долю входит! Вот кого мочить надо в сортире!

Но, баста! Навоевались! Пусть каждый занимается своим делом. Есть у нас ФСБ, МВД, АБВГД и президент с премьером. А также Государственная Дума и Совет Федерации. А я буду отныне Дашке человеческую жизнь обеспечивать, да на печке сидеть и шептунов пускать. Хва-а-а-тит!

– Не ори, подполковник! Бывший, к тому же. – Анчаров запыхтел сигарой, выпуская клубы ядовитого, терпкого дыма. – Никто из нас воевать и не собирается. Пар выпустили напоследок. Все. Конец фильма. Кино про войнушку кончилось, благодарные зрители расходятся по домам.

~~~~~

– Ты вот что, Машенька... согласуй с Костромским управлением наблюдение за Анчаровым с Глафирой. Плотного не надо, так, пусть присматривают на всякий случай, чтобы не исчезли неведомо куда. Анчаров мужик тертый, кто знает, что на него найдет? И отправляй наших лейтенантов – Веру с Зайчиком – в Питер. Хватит на пароходе кататься, служба не мед и служат не на пасеке.

– Хочешь успокоить Муравьева?

– Думаю, что они давно уже Веру с Зайцевым раскусили, не дети. Пусть решат, что мы перестали нервничать, и соблюдаем договоренности.

– А мы соблюдаем?

– Да, соблюдаем! Ты что, в адвокаты к приднестровцам записалась, что ли, мама? Ты на службе пока еще, не забывай, пожалуйста!

– Слушаюсь, товарищ полковник! Будет исполнено! Разрешите бегом? – Маша явно обиделась, но больше себе вольностей не позволила, занялась делом.

Полковник был зол. Болел желудок, раскальвалась голова. Подкатывала на полных парах депрессия, которую все трудней становилось скрывать, особенно от Маши.

– Увольняться пора, – в очередной раз напомнил себе Кирилл о давно принятом решении, но на этот раз не испытал при этой мысли никакого приятно-мстительного чувства.

Люди вокруг отдыхают, безмятежность просто окутала теплоход. Оттого все чаще хотелось расслабиться и самому. Но генерал, лично позвонивший сегодня из Москвы, испортил все настроение. Опять торговля, опять скрытые намеки и угрозы все переиграть. Как надоело, Господи! Ведь все через голову питерского начальства, все на цыпочках. Ловчить надоело!

– Ну, так ты не мотострелковым полком командуешь, чего ж ты хотел? – сразу включился защитный механизм, не позволяющий начать жалеть себя.

Открылась дверь, в каюту вернулась сердитая Маша.

– Машенька! – Кирилл обнял маленькую женщину, поцеловал неловко в черную макушку, пахнущую лаком волос. – Все будет хорошо, прости, нервы.

– Ладно, Кира, у тебя всегда одна песня, – оттолкнула легонько полковника Маша и закурила, глядя в окно, за которым проплывала на высоком берегу живописная деревенька с белой каменной церковью на холме. – А мы что, так и будем тащиться до самой Астрахани?

– А тебе не нравится? Мне нравится. Мы вместе. Чудная красота кругом, курортное питание. Что плохо?

– Все как в раю, Кира, – голос женщины был усталым и безразличным. – Не могу смотреть на чужую радость, Кирилл!

– Это ты о чем?

– А ты не знаешь? Люди со сломанной жизнью, в очередной раз попав в самый центр наших игрищ, находят любовь, обустривают жизнь, стремятся вернуться к человеческому между собой! А мы?

– А мы... мы все решили, мамочка. Дела почти закончены, правда. Прокатимся за казенный счет до Астрахани, приглядывая в полглаза за Муравьевым. В Нижнем, на обратном пути, посадим ему на хвост человека, пока он не явится в столицу со своим блюдечком с голубой каемочкой, на котором лежат ключи от проблемы генерала Щербатого... А сами спокойно поедем в Питер.

– Так значит, Щербатого игра?

– Ну, и наша тоже, Машенька. Совпали интересы. Всем будет хорошо. Генерал получит свое. Муравьев с друзьями свое. Нас с тобой с почетом проводят на пенсион. Да еще и мужа твоего тихонько прищучат, чтобы не изображал из себя оскорбленную невинность. Референтка его, залетевшая – это, на самом деле, еще вовсе не повод, чтобы он тебя отпустил без проблем и истерик.

– Может ты и прав, Кира. А ты не врешь, а? – Маша с мукой посмотрела в выцветшие голубые глаза полковника.

– Не вру, мама. Честное пионерское, не вру.

– А чего ж ты злой такой тогда?

– Хочешь правду?

– Хочу, Кира.

– Тогда слушай...

Глава десятая

Кострома, мон амур! Волга расстилалась перед теплоходом гладким зеркалом, гладким и расплывчатым немного, как будто надышал кто-то жарко на него. Август, кто еще?

По высокому берегу потянулись деревянные, некоторые в два-три этажа, дома, окруженные зеленью высоких старинных деревьев, растущих в городе в изобилии. Белокаменные церкви в пять куполов с высокими звонницами возносились в небо сияющими крестами на маковках. Беленые кирпичные особняки купеческие тут и там напоминали с гордостью о богатой истории старинного русского города. А вот и ровный песчаный пляж, вот набережная потянулась с цепочкой фонарей вдоль нее, а чуть выше, над деревьями, парит Ленин, указывая рукою путь, теперь уже в прошлое. Показались мосты, скрепившие город, чтобы не разбежался в разные стороны. И вот он, Ипатьевский монастырь, сам как целый город, а за ним еще церкви виднеются и снова пышная зелень. Хороша Волга! Жемчужина ее – Кострома. Не такая огромная, как Нижний Новгород, не такая пестрая, как Казань, не такая буйная, как Ярославль. А в самую меру милая сердцу русского человека, меры обычно не знающего.

Анчаров стоял у рецепши с двумя дорожными сумками – своей и Глафиры – в жилистых руках. Глаша целовалась с Дашкой, плакала чуть-чуть для порядку. Грозилась маленьким пальчиком Муравьеву, стоящему рядом, наказывала подружку беречь и глаз с нее не спускать. Петров держал за руку Люсю, и оба улыбались довольно этой сцене. Тревожное счастье все равно оставалось счастьем, и его хватало на всех, оказавшихся рядом в эту минуту.

Анчаров выпустил, наконец, сумки из рук, обнялся с Толяном, потом с Петровым. Способы связи, «явки и пароли» были утверждены еще вчера. Люся, стремительно сделав несколько легких шагов, подлетела к Анчарову и крепко его расцеловала в щеки троекратно. Обняла Глафиру, зашептала ей что-то, улыбаясь, в маленькое покрасневшее ушко. Глаша часто-часто закивала головой и перекрестилась.

Вот и вахтенный матрос отстегнул цепочку перед спущенными сходнями. Пора! Саня решительно подхватил сумки, пропустил вперед не помнящую себя от нахлынувших чувств Глафиру и, как в воду прыгнул с моста, не оглядываясь, не замирая на краешке, вступил в новую жизнь, моля Бога, чтобы в последний раз.

Уже через пять минут, поцеловав без церемоний маму Глафиры, перешучиваясь с удивленно-обрадованным отцом ее, обвешанный сумками и окруженный своей новой *семьей*, Анчаров целеустремленно вел своих близких на остановку трамвая, как будто всю жизнь прожил в Костроме и в самом деле *домой* вернулся.

Вера и лейтенант Зайцев выскользнули, не привлекая к себе лишнего внимания, вместе с праздной толпой туристов, спешащих побродить по пристани, размять ноги перед автобусной экскурсией по городу. Уже на ступенях набережной Вера оглянулась и нашла взглядом Петрова, курившего на палубе теплохода в ожидании ушедшей переодеться Люси. Усмехнулась полными губами, вздохнула и упругой спортивной походкой легко догнала Зайчика, ловившего на дороге такси. – Если бы не Люся, – подумалось ей мимолетно, – то и ничего... все равно бы не было, – оборвала Вера сама себя.

Люся вышла на палубу в легком летнем платье, похожем на то, в каком впервые встретил ее Петров. Снова как девушка довоенных счастливых лет.

– Пойдем, Андрей Николаевич, – потянула она за рукав суженого. Именно это слово в тот момент пришло ей в голову...

Муравьев, смутившись впервые за последние 20 лет, как нашкодивший пятиклассник, стоял, потупив голову, перед пожилой парой, строго вычитывающей в сторонке от теплохода свою непутевую дочь. Потом седой высокий мужчина (Дашин отчим) протянул Толяну руку, поздоровался, похлопал подполковника по могучему плечу и указал на старенький «Москвич», припаркованный рядом. Муравьев послушно усадил на заднее сиденье смеющуюся и нисколько не обескураженную холодным родительским приемом Дашу, и сам втиснулся в антикварный, тесный автомобиль. Разгневанная мама уселась на переднее сиденье рядом с мужем, и «Москвич» неожиданно лихо тронулся с места.

За Кириллом прислали машину из местного управления ФСБ. Она ждала его на соседней с речным вокзалом улице. Надо было

встретиться с коллегами и обговорить целый ряд проблем; отправить документы в Москву и Питер, забрать результаты сделанных еще с теплохода архивных запросов, и еще много-много рутинных процедур ожидало полковника в этот день.

А Машенька отправилась на экскурсию, держать руку на пульсе кризиса.

~~~~~

Перед монастырем, выраставшим все выше и краше, чем быстрее автобус одолевал длинный мост через Волгу, раскинулись торговые ряды. Пока суматоха распределения групп и экскурсоводов охватила три сотни с лишком туристов с одного лишь «Петербурга», Петров успел пробежаться по маленькому базарчику и прикупить Люсе подарок – суровый пожилой дядя в костюме и с галстуком, несмотря на жару, продавал своей оригинальной работы игрушки-безделушки: глиняных расписных котиков, рыбок, петушков, солдатиков, деревенских мужиков с гармошками, баб в платочках... Все они улыбались озорно, залихватски, раскрашены были ярко и весело. Андрей выбрал солдата в гвардейском мундире. Солдата бравого, рыжего, усатого, с трубкой в зубах и стаканом в широко отведенной в сторону, приглашающе, правой руке. А в левой – бублик. Так что, стакан, по идее, не с водкой был, а с чаем! Так хотелось, чтобы память осталась у Люси. Чтобы вспоминала иногда, как хорошо было им вдвоем – у них в раю, на теплоходе, ставшем на время домом для обоих.

Настолько хорошо было Петрову с Люсей тем утром, после дискотеки, когда проснулись птицы, и вместе с птицами спела им песню о рае, сама не зная того, певица из бара «Панорама», – так хорошо было им вдвоем, что, казалось, умереть надо немедленно обоим, чтобы лишь это счастье любви успела сохранить ускользающая память о жизни. Но потом были почти два дня пути, без остановок и экскурсий, и можно было бы и вовсе не выходить

из каюты, если бы не зверский молодой аппетит, которого не было с юных лет.

И еще одна ночь. Окна и те запотели от жарких объятий. И еще сегодняшнее утро свежо было в сердце, оно еще лежало печатью страсти на губах, оно еще не выветрилось, даже после душа, из волос, из кожи, из кончиков пальцев, нервно вздрагивающих до сих пор, вспоминая, *как* они касались друг друга.

Невозможно было поверить в то, что *такое* можно растянуть на годы. Оба были людьми взрослыми и понимали это. А потому, после завтрака в ресторане, на людях внезапно произошла в них обоих какая-то перемена, принесшая отчуждение.

Люся держалась за руку Петрова, он заботливо придерживал ее, сопровождал по монастырю, покупал свечи и образки св. Ипатия Гангрского. Вместе впервые внимательно слушали экскурсовода, занимательно рассказывавшего славную историю монастыря, связанную с появлением на российском престоле рода Романовых. Вспоминалось вместе с повестью о Смутном времени недавнее прошлое и колело сердце. Подвиг народа русского и людей его – Ивана Сусанина, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, – волновал надеждой на новые подвиги, и на новую силу, которая когда-нибудь да проснется в людях.

Притихшие туристы их группы взволнованно расселись на деревянных скамьях в одной из келий монастыря, переделанной под маленький концертный зал. В полной тишине перед ними появились четыре молодых человека в черных подрясниках – знаменитый ансамбль духовной музыки «Канторс».

И, словно в ответ на грустные мысли Петрова, полилась а капелла «Покаянная молитва о Руси» Чайковского. Словно Толян с Сашей, Иванов и сам он – Петров, стояли отрешенные на каменном древнем полу и пели вместе с монахами о сути и смысле жизни, которая была им назначена, да не исполнена... еще не исполнена. Так и не исполнена, несмотря на немолодые уже годы. Слезы набухли в зеленых Люсиных глазах, как будто и верила она в чудо и одновременно прощалась с чудом, не в силах в него поверить.

*Сердцем покаянным,
С пламенной молитвою
Припадем к Создателю:
Боже, храни Святую Русь!*

*Боже, прости её!
Боже, храни её!*

*Божье Промышление
Скорби посылает ей
За грехи сыновние.
Боже, спаси родную Русь!*

*Боже, прости её!
Боже, храни её!*

*Много ниспослано ей испытаний,
Много дано ей еще пережить.
Дай обновление, дай упование,
Доблесть и силу ее возродить!*

*Боже, прости её!
Боже, храни её!
Боже, спаси нашу Русь и храни!*

Из Ипатьевского монастыря туристов неожиданно повезли в Богоявленский собор, не входивший в программу сегодняшней экскурсии. Народ взволновался. Самые сведущие заговорили о чуде, ведь в соборе том хранится чудотворная Фёдоровская икона Божией матери! Приложиться к ней, помолиться перед ней – одной из самых чтимых русских святынь – разве не чудо? А тут вдруг жаркое марево августовского дня раскололось громом, обрушился на изнемогающую землю освежающий ливень, где-то вдалеке сверкнули молнии. Но как только подъехал автобус к собору, как ливень стих, а потом и вовсе перестал. Повисла в небе через весь город радуга, прямо над золотыми куполами собора в окружении трогательных елей, макушки которых зеленели над высокой белой стеной, отделявшей собор от оживленной костромской улицы. Люся накинула на голову платок, взглянула на Петрова, просияв неподдельной радостной улыбкой и, обогнав всех туристов, первой вбежала в храм. Андрей Николаевич даже и не пытался ее догнать. Поставив свечу и приложившись к чудотворному образу, Люся отошла чуть в сторону, пропуская к иконе немедленно выстроившуюся очередь, стала на колени и долго молилась так, не замечая текущего мимо ручейка туристов, не обращая внимания на недоуменные или даже насмешливые взгляды некоторых из них. Сколько времени прошло так? Не помнила она и не знала. Андрей осторожно тронул Люсю за плечо и бережно вывел из храма, – автобус уже бибикал всю нетерпеливо, призывая запоздавших скорее ехать на пристань.

Уже в автобусе Андрей поцеловал украдкой безжизненную холодную ладонь женщины, все силы отдавшей молитве, и вложил ей в руку маленький, но настоящего письма, образок. Это была Фёдоровская Богоматерь. Образок этот Петров успел купить в свечной лавке и приложить к чудотворному образу, с которого и был сделан этот маленький список. Люся заплакала беззвучно, Андрей обнял её, уже не таясь попутчиков, и укрыл плачущее лицо женщины у себя на груди. Люся прильнула к нему и тут же заснула, прямо в автобусе. А Петров силился вспомнить слова молитвы,

некогда поразившей его в сердце, списанной им со старого молитвослова и снова утраченной:

Господи, не знаю чего мне просить у Тебя. Ты Един ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить себя. Отче, даждь рабу Твоему, чего сам я просить не умею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения: только предстою перед Тобою. Сердце мое Тебе отверсто; Ты зришь нужды, которых я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей. Порази и исцели, низложи и подыми меня. Благоговею и безмолвствую пред Твоею святою волею и недостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Нету у меня другого желания, кроме желания исполнять волю Твою; научи меня молиться; Сам во мне молись! Аминь.

~~~~~

Вечером теплоход пристал к Плёсу.

– Как жить нам теперь, Андрюшенька? – Люся быстро преодолевала легкими ногами крутой подъем на гору, с которой открывался самый чудесный вид на Волгу, какой только есть на ее берегах. Андрей же, наоборот, еле волочил ноги по выпуклым булыжникам узкой, кривой дорожки, тянущейся, казалось, прямо к розовеющему закатному небу. Остались далеко внизу деревянные домики с резными ставнями, с огненно-яркими и прохладно-синими цветами в заросших палисадниках. Могучие и все же плакучие березы осеняли путников, десятками лет искавших под их ветвями утешения от летнего зноя и от душевного горя или взыскавших красоты земли русской, – опять же, для утешения измученной души. Измученной вечным вопросом: как жить дальше, Господи?

Петров молчал, пока не поднялись на самый верх, пока не присели на краешке обрыва и не насмотрелись жадными глазами на Волгу, несущую на себе теплоходы и баржи, текущую неторопливо внизу уже тысячи лет, и неиссякающую, – несмотря на войны, пожары, засухи, голод, революции и перестройки, что прокатывались по ее берегам. А сколько влюбленных сидели

августовскими вечерами над рекою, обнявшись – разве может кто сосчитать?

– Ну почему люди не летают как птицы? – грустно спросил вслед за Катериной Островского Андрей Николаевич. Вспомнил он небо, вспомнил, сколько же рек видел с высоты птичьего полета, – и загоревал.

– Катерина в Волге утопилась или в Оке? – неожиданно спросила Люся?

Петров вздрогнул и пришел в себя. Руки его потянулись к самому теперь дорогому и любимому на свете человеку, и Люся не стала противиться, погрелась немножко в его сильных руках, на пахнувшей табаком и чуть-чуть терпким одеколоном груди. И поцеловала в губы, как выпила всю его грусть. Полной грудью вдохнула свежий волжский воздух, а выдохнула всю печаль и страх, и главное, предчувствие беды, целый день не дающее сосредоточиться на таком близком и осязаемом счастье.

– Петров, ты хочешь жениться на мне?

– Да, очень хочу.

– Тогда почему ты не спросишь, согласна ли я?

– Будь моей женой, Люся!

– Я согласна!

~~~~~

Если хотите, чтобы живой водой омылась ваша жизнь, купите билет на теплоход и хотя бы неделю-другую проплывите на нем по Волге. Может быть, сначала вам покажется, что ничего особенного не произошло в вашей жизни, и ничего не изменилось. Но пройдет время, снова настанет лето, и вы вдруг вспомните каждый рассвет и закат на воде, каждую церквушку и березку, каждую елочку, каждую излучину утекающей в вечность реки. И поймете, что вы

уже давно другой, не тот, что были прежде, до этого, первого своего путешествия в сердце русской земли, а значит, в свое собственное сердце.

~~~~~

Так вот, теперь сиди и слушай:

Он не желал ей зла.

Он не хотел заставить ее в душу,

И тем лишить ее сна.

Он приносил по выходным ей сладости,

Читал в ее ладонях линии.

И он не знал на свете большей радости,

Чем называть ее по имени...

Ей было где-то тридцать шесть

Когда он очень тихо помер.

Ей даже не пришлось успеть в последний раз

Набрать его несложный номер...

– Андрюша! Назови меня по имени! – плакала Люся и снова и снова включала полюбившуюся с недавних пор, как наркотик, песню...

*Бывало, знаете ли, сядет у окна
И смотрит, смотрит, смотрит в небо синее,
Дескать, когда умру, он встретит меня там
И снова назовет меня по имени.*

~~~~~

08.08.09

10:17

Андрюша, поздравляю, дружище! Сын – это же так здорово!

*Мы так рады за тебя, за Люсю, ты просто не представляешь!
Пиши скорее, как назвали? Ой, да ты же в командировке, ты же сам еще его не видел!*

Возвращайся скорее, и мы с командиром к тебе нагрянем на крестины! Авиакомпания наша развалилась, ты же знаешь – кризис! Юра собирается в Россию переезжать, я, наверное, тоже. Вот, приедем к тебе, посмотреть на жену молодую, на наследника, и на Россию, конечно! Знаешь, мы же билеты на круиз по Волге взяли!

Последний в эту навигацию рейс от Питера до Астрахани! В начале сентября. А перед этим к тебе на пару дней хотя бы!

Ну что еще сказать? Прав ты был, надо было нам раньше в Россию собираться. Но не будем о грустном в такой день! Молодец, что написал, поделился радостью! И опять летаешь, опять на катастрофах сидишь, как мы когда-то... Может, и нас с командиром пристроишь в МЧС? Ну, при встрече поговорим!

Обнимаю!

С.

На это письмо не пришло ответа. Самолет ИЛ-76 МЧС России не прибыл в аэропорт назначения, выполняя в сложнейших метеоусловиях рейс по эвакуации беженцев из района землетрясения на одном из архипелагов Индийского океана.

...Какая, в сущности, смешная вышла жизнь,

Хотя, что может быть красивее?

Чем сидеть на облаке и свесив ножки вниз

Друг друга называть по имени...

(группа «Високосный год», «Лучшая песня о любви».)

~~~~~

Саня Гильмутдинов, когда-то бывший Анчаровым, прижился в Костроме, даже в Псков, где заранее приготовил он себе базу для будущей жизни в России, не поехал. Глаша окончила университет и устроилась на работу на областное телевидение. Правда, скоро ей пришлось уйти в декретный отпуск, ожидалась близнецы – мальчики, как и мечтал Саня. Но счастливым отцом Анчаров побыть пока так и не успел. Устроившись заместителем начальника службы безопасности в один из местных банков, он жил с Глафирой тихо и счастливо. Не узнать было в летающем как на

крыльях, веселом, жизнерадостном мужике сдержанного, почерневшего от жизни и жизненного опыта ветерана постперестроечных войн и конфликтов.

Однажды утром, по дороге на работу, Анчаров стал свидетелем похищения девушки прямо на оживленной улице рядом с его домом. Когда Саша вмешался, решив сначала, что это местные пьяные отморозки решили силком затащить в машину понравившуюся им девушку, в него, из стоящего рядом микроавтобуса, выпустили очередь из автомата. Только тогда, уже тяжело раненный, Анчаров достал служебный пистолет и задержал бандитов своим огнем до приезда милиции. Врачи боролись за его жизнь уже месяц, Глаша, несмотря на огромный живот, металась между больницей и ближайшим храмом – вымаливала у Господа чудо...

Муравьев, он же Тульев теперь, открыл в Подмосковье частную турбазу на месте заброшенного заводского пионерского лагеря. Дело пошло неожиданно хорошо, быстро образовалась солидная клиентура. Нашелся и компаньон, инвестировавший в бизнес немалую сумму денег. Даша занималась пиаром и рекламой, чем тоже помогла раскрутить с нуля начатое дело. Проект становился настолько лакомым куском, что компаньон решил выкинуть Толяна из бизнеса. Однако, ни угрозы, ни мошенничество не сработали в привычной рейдерской схеме. Тогда компаньон похитил Дашу, решив, что уж тут-то бывший рижский омовец, демонстративно не обращавшийся и раньше к помощи закона, не выдержит и подпишет все документы без лишнего шума. Да и не думал компаньон причинять вреда Дарье, попугать думал Толяна и только. Да и попросили могущественные люди из Москвы приструнить невесть откуда взявшегося «человечка».

Толян вычислил место, где держали Дашу и, так уж получилось, с боем освободил ее, перебив стороживших Дашу двух охранников компаньона, которых тому подогнали опять же из Москвы... На стрельбу выехал по тревоге взвод подмосковного ОМОНа. Несмотря на то, что раненый Толян сразу по прибытии омовцев вышел к ним без оружия, с поднятыми руками, опираясь на целую и невредимую жену, омовцы открыли по обоим огонь на

поражение. Дарью списали потом на убитых Толей охранников. А сам он, якобы, оказал ОМОНу вооруженное сопротивление.

Как рассказал автору *со значением* Кирилл Плещеев, проживающий теперь вместе с супругой Машей недалеко от моего дома на даче в Вырице: командир омовцев, расстрелявших Толяна с Дашей, был хорошим приятелем генерала ФСБ Щербатого, упоминавшегося уже мельком на страницах нашего повествования.

Я же, в свою очередь, познакомил Кирилла со своим вырицким соседом Ивановым, так и не дождавшимся в гости старых друзей.

У Иванова, неожиданно быстро сделавшего политическую карьеру в новой России, начались проблемы со здоровьем. Сначала он все больше проводил времени в Москве. Но видно перешел неугомонный Иванов дорогу кому-то из старожилов Садового кольца, не иначе. Много сил отнимало не само дело – работать он любил и умел. Изматывала непрерывная борьба за выживание со старыми московскими кадрами – ветеранами МИДа ельцинского призыва. Валерий Алексеевич приехал отдохнуть в Вырицу, много работал дома, и сердце однажды не выдержало, так и нашла его жена Катя – без сознания, упавшего головой на письменный стол, перед окном, открытым в летнее погожее утро.

Часть третья

НЕБО и ЗЕМЛЯ

От автора

Название нашего дачного поселка – Вырица – по одной из версий происходит от древнего славянского слова *вырей*. У Даля: *вырей, ирица* какой-то сказочный, загадочный край, земной рай, теплые страны; волшебное царство, перелетная птица летит в вырей...

Такая вот жизнь у нас в раю. А жить все равно *надо*. Пусть даже, в Россию каждый год вместе с летом приходит август.

~~~~~

Я обиделся на судьбу. Да что там, где-то в глубине души я даже робко пытался спорить с Богом:

– За что, Господи? Почему ты так рано забираешь самых дорогих мне людей? Я знаю, что у Тебя им лучше, чем в самом распрекрасном земном раю, но все же, Господи, спаси и помилуй! Ведь не только сами для себя жили они, ведь и наши души согревались рядом с ними! Нам-то теперь одиноко, Господи!

Я отчаялся и закрыл на ключ свой кабинет. Закрыл от себя письменный стол, на котором лежала распечатка начатой новой книги. А ключ выкинул в высокую, по пояс, траву за забором, как хрустальным боем осыпанную утренней росой...

На высоком берегу Оредежа, сидя на корне сосны, из последних сил цеплявшейся за песок, чтобы не упасть с обрыва прямо в реку, я накрыл поминальный стол. Бутылку водки принес, пару свежих огурцов, мясистый помидор, кроваво сверкнувший под солнцем сочной мякотью на разрезе. Половинку черного «Столового» хлеба в нарезке аккуратно разложил на льняной салфетке, стащенной по дороге на речку со столика на веранде. Белорусского сала соленого кусок настрогал неровными ломтями. Ожесточенно, со скрежетом, свернул винтовую головку с литровой, успевшей согреться, бутылки.

– Тимофей Иванович, ты что это празднуешь с утра пораньше? Одному, не многовато ли будет? – раздался за спиной веселый, чуть надтреснутый голос.

Я обернулся недовольно, кого это черти носят в такую рань? Сам я ночь не спал. А это кто ж? Передо мною высился во весь свой немалый рост Кирилл. Он был в зазелененных травой старых джинсах, в мятой рубашке с оторванными на круглом брюшке пуговицами; за спиной выдавший виды солдатский вещмешок советского образца, в руках удочка. Послышался шорох и тихий всплеск осыпавшегося в речку с обрыва песка, – показалась сначала аккуратная чернявая головка Маши, а затем и она сама вскарабкалась на высокий берег, потрясла торжествующе пластиковым мешком, в котором трепыхался улов, и поздоровалась:

– Доброе утро, Тимофей Иванович! Никак, для нас скатерть-самобранку раскинули?

– Да какое к лешему, «доброе»! – я едва удержался от грубого слова. – Стакан у меня один, из одного будете?

– Да мы после рыбалки даже из горла могём, – хохотнул отставной полковник, привычно развязал вещмешок и вытащил из его недр алюминиевую кружку и пластиковый стаканчик.

Мы помолчали, устраиваясь поудобнее вокруг салфетки с закуской. Я щедро разлил грамм по сто пятьдесят в разнокалиберную посуду.

Августовское щедрое солнце начинало уже припекать, несмотря на ранний час. Птицы, еще недавно заливавшиеся в

лесочке на той стороне Оредежа, притихли. Запахло разогретой смолой от шершавого ствола огромной сосны, накренившейся слегка в сторону реки; от палисадника чьей-то дачи, стоящей на берегу, потянуло едва уловимым ароматом цветов.

– Помянем ребят? – Кирилл как воды напился из своей большой кружки. Не крикнул, не выдохнул. Просто выпил до дна и помолчал.

Выпил и я свой стакан. Машенька в два приема одолела свою порцию, виновато улыбнулась и захрустела огурчиком, присаливая его прямо в руке.

Разговаривать не хотелось. Кирилл повздыхал, повздыхал да и потянулся к бутылке, разлил, не спрашиваясь, еще по столько же. И только потом как-то буднично и почти равнодушно поставил меня в известность:

– Говорят, Петров нашелся.

– Тело нашли? – встрепенулся я, скривившись от боли под лопаткой, пронзившей сердце.

– Господь с вами, Тимофей Иванович, – перекрестилась испуганно Маша. – Живой он! Живой!

– Три человека из девяти членов экипажа спаслись, – Кирилл вытер платком вспотевшую седую плешь, ладонью смахнул внезапный пот, крупными каплями проступивший на бровях. – Места дикие, пока их нашли туземцы какие-то, пока сообщили властям – хорошо хоть, не съели!

– Не может быть... Не может быть, – твердил я, как заведенный, одно и то же, не зная, что делать со стаканом в задрожавшей руке.

– На все воля Божья! – философски протянул полковник и чокнулся со мной своей кружкой. Маша тоже аккуратно прикоснулась к нашей посуде своим мятым пластиковым стаканчиком, так сжав его, что водка перелилась через край и выплеснулась на землю. – Люсе-то, какая радость, какая радость!

Глава первая

За все надо платить. Трудным выдался год 2009 от Рождества Христова. Да и нынешний, 2010-й, начинался нелегко. И не в кризисе дело, хотя и он спутал многие планы. Тяжело выздоравливал после ранения в легкое Анчаров, тяжело было Глаше нянчиться с близнецами и долго не встававшим с постели мужем. Хорошо хоть, деньги еще оставались, да и банк не уволил Сашу, сослуживцы поднимали на ноги, обеспечивали дорогостоящую реабилитацию. Люся и Даша тоже помогали родителям – росли крепкими, капризничали мало, как будто всё понимали груднички – надо терпеть...

Иванов вместе с Кириллом ездил в Москву – хоронить Толяна с Дашей. Потом и слег с приступом, вскоре после этой трагической истории. Да и своих проблем и забот у него тогда хватало. Катя, жена его, еле выходила Валерия Алексеевича; только по весне следующего года стал он оживать, начал выходить во двор, пробовал даже косить уже зазеленевший, покрывшийся одуванчиками газон.

В конце июня устроили долгожданную встречу в Вырице.

~~~~~

Кирилл выгрузил запаску из огромного внедорожника, чтобы откинуть заднее сиденье, превращавшее любимый «Додж» в семиместный. Со скрежетом открыл железные ворота, кряхтя, оттащил толстый брус, лежавший под высокими створками, уж больно большой просвет оставался снизу – маленькая еще Дара могла бы протиснуться и отправиться в несанкционированное путешествие по вырицким кривым улицам. Щенка Плещеевым подарил Миша, в начале весны еще, как и своему соседу, Иванову, его Марту когда-то.

Кирилл выгнал тихонько заурчавший автомобиль со двора, тщательно закрыл ворота и только тогда сделал отмашку Маше, придерживавшей на террасе любопытную, нахальную и страшно недовольную даже временным ограничением свободы Дару. Уши кавказской овчарке купировать не стали – пожалели, и теперь одно из них залихватски вывернулось, а другое висело мохнатым лопухом, закрывая половину черной, уже массивной и грозной мордочки.

Маша нежно сгрузила упитанного щенка на пол, легко поднялась из плетеного кресла-качалки, и не удержалась все же, почесала на ходу, ловко нагнувшись, гладко лоснящееся пузико Дары, с трудом одолевавшей ступеньки веранды, хлопнула щенка по мохнатой попке, чтобы придать ускорение, подхватила сумочку и пошла к машине.

– Охранять! – строго приказала щенку Маша, выйдя через калитку на улицу. Дара попыталась протиснуться сквозь штакетник простого деревянного забора – не получилось. Тогда щенок сделал вид, что, в общем-то, никуда и не собирался и важно затрусил по уже натоптанной «дозорной тропе» – охранять участок, как и было приказано.

Сердце немолодой женщины пело. Оно пело от солнца, редкого в наших краях даже в конце июня, от порывистого ветра, плеснувшего ей в лицо полную охапку листьев на упругой молодой ветке черемухи у калитки. От одного взгляда на задумчиво барабнящего пальцами по баранке Кирилла, опустившего стекло в «Додже» и сидящего в клубах дыма от хорошо раскуренной тисовой трубки, подаренной Машей на день рождения вместе с годовым запасом душистого табака – от одного взгляда на мужа пело у пятидесятилетней Маши сердце.

Взметнулась на ветру легкая длинная юбка, чуть не слетела с черных с проседью волос стильная шляпка, проехали по скользкой после утреннего дождя траве сильные еще и стройные ноги; подростком запрыгнула в услужливо приоткрытую дверь машины Машенька, заерзала на кожаном сиденье, устраиваясь,

подбирая подол, чтобы не прищемить юбку, закрывая за собой дверцу; скорчила гримаску в ответ на предупреждающе-укоризненный взгляд Киры, и пристегнула ремень безопасности. Жаром пахнул изнутри могучий «Додж», и тут же сменил гнев на милость – потянуло в салоне со всех сторон прохладой кондиционера.

Кирилл, из под модных очечков незаметно ловивший каждое движение *жены*, выпустил из трубки клуб пронизанного солнцем дыма, расстегнул на животе пару пуговиц привычной льняной рубашки, и притопил внезапно с места так, что тяжелая машина пулей выпрыгнула из тенистого переулочка на асфальт Сиверского шоссе и понеслась в сторону Питера.

– Пока ты там копалась с Даринькой, мне один старый товарищ из центрального аппарата звонил, – начал неторопливо Кирилл, ведя машину уверенно, быстро и ровно, как в рекламном компьютерном ролике красивой жизни.

– И что же? – Машино сердечко, только что бившееся гулко и радостно, как молодое, внезапно засбоило – уж так не любило оно внезапных звонков, да еще из нелюбимой «как бы столицы», – так они с Кириллом называли Москву.

– Да я уж и не знаю, что сказать по этому поводу... в общем, вчера трагически погиб при неясных обстоятельствах генерал-лейтенант Щербатый.

– Сдох, значит, старый кобель! – облегченно выдохнула ни капли не опечалившаяся Маша, но все же перекрестилась бегло.

– Божьи мельницы мелют медленно, но хорошо, – процедил Кирилл. – Да только уже было начато служебное расследование по поводу всех его «шалостей»...

– Ну, шалостей накопилось, очевидно, как раз на безвременную кончину с пышной траурной процессией, но без выметания сора из нашей «буровой» избы, – жестко усмехнулись сухие, чуть подкрашенные губы Машеньки.

– Видимо так, – почти равнодушно отозвался Кирилл, усиленно изображая, что поглощен дорогой.

– Хорошо, что ты вчера весь день на рыбалке был с друзьями... Ну почему, почему не на два года раньше, Господи?! – всхлипнула негромко Маша и полезла в бардачок за сигаретами.

- Полно, Машенька, полно. Мы сделали все, что могли тогда сделать, а в том, что Щербатый такой гад, ни ты, ни я не виноваты.
- Толик с Дашенькой были бы с нами, Кира!
- Не факт. Вовсе не факт, жалостливое ты сердечко. – Кира вздохнул и сильнее запыхтел трубкой.
- Ты опять о личной судьбе? – Маша прикурила, наконец, сигарету, затянулась бесцветным дымком без крепости и запаха. Смуглые пальцы ее не дрожали, в черных глазах ни намека уже на слезинку, только сухая ярость пожилой, повидавшей немало горя женщины.
- Они сами выбрали свой путь. Не надо было высовываться, я Муравьева предупреждал.
- Но ведь нельзя же всем всю жизнь прожить так, как мы с тобой – по «трамвайному» правилу!
- Зато мы с тобой сейчас ловим рыбку в Оредеже и едем встречать Гильмутдиновых. Четверых Гильмутдиновых, ты только подумай!
- Гильмутдиновых – Анчаровых – Архаровых, какая мне разница? Прости, любимый. Я знаю, что так, как ты рисковал порою, мало кто бы отважился. Прости. Просто обидно. Ужасно обидно. Обидно, Кира!
- Все хорошо, Маша. Все в порядке. Просто, потерь могло быть и больше, ты ведь знаешь.
- Знаю, Кира.

Машина, не виляя, по точно выверенной траектории, как будто робот сидел за рулем, а не полковник запаса ФСБ в очках и со штатским пузиком, огурцом вытарчивавшим из расстегнутой рубашки, – машина круто свернула направо с Лиговского проспекта, еще круче вписалась в просвет на автостоянке у Московского вокзала и замерла, как будто тут и стояла все утро.

– Одиннадцать ровно, – доложил не без гордости Кирилл, – у нас в запасе ровно 19 минут до костромского поезда.

И тут же, мелодией из старых добрых «Shocking Blue», запел телефон полковника.

– Кирилл, здравствуйте! Это Саша! Мы уже надели подгузники и готовы десантироваться... – надтреснутый голос в трубке внезапно закашлялся. – Проклятые рудники! В общем, подъезжаем!

– С приехалом, майор! Мы на вокзале, площадка для высадки подготовлена, Маша рыдает и готова сесть наседкой над твоими цыплятами!

– Ну, это если Глафиру удастся от них отцепить, мне иногда кажется, что они срослись, – коротко хохотнул Саша и опять кашлянул в трубку, тут же отключившись.

~~~~~

Саша придирчиво, как старшина роту на утреннем осмотре, окинул взглядом готовое к высадке из вагона семейство, удовлетворенно кивнул, посмотрел на часы и вышел в тамбур на минутку. Попробовал закурить, легкие тут же взорвались кашлем, майор согнулся пополам, удерживая в груди выворачивающиеся наружу внутренности, отдышался, аккуратно затушил едва прикуренную сигарету в пепельнице, разогнулся и медленно, успокаивая разогнавшееся сердце, пошел в свое купе.

Поезд замедлял ход, самые нетерпеливые пассажиры уже толпились с вещами в проходе. Саша *внутри себя* досадливо поморщился, не выпуская раздражение наружу, и с улыбкой ввинтился в толпу, пробираясь к своему месту, не забывая при этом поглядывать в сторону приближающегося перрона. Увидел высокую знакомую фигуру Кирилла, чуть похожую на большого кенгуру; стройный, как набросок пером, силуэт Машеньки рядом, и впервые улыбнулся глазами, по-настоящему.

– Люсенька, Дашенька, приехали, приехали, – скороговоркой частила над полуторагодовалыми детьми Глаша, так, что получалось у нее вместо одного имени – «Лю-Да-шенька», обращенное сразу к обоим малышам. Да близнецов так и звали в семье обычно, когда говорили о них обеих сразу: «Наша ЛюДаша»!

Темные кудряшки одинаково вытарчивали из под розовых панамок, курносые смуглые личики одинаково улыбались, одинаковые ямочки гуляли на тугих щечках, карие глазки одинаково сканировали все вокруг, подмечая любую мелочь, и тут же

тянулись к заинтересовавшему предмету одинаковые, крохотные, но очень цепкие пальчики. На этот раз все десять пальчиков сразу вцепились в папины наглаженные брюки и одинаково звонкие голоса заладили одну песню:

– Папочка! Папочка! Папочка!

Саня привычно оторвал девочек от себя, с сожалением окинул еще недавно бритвенно острые стрелки на брюках, усмехнулся над собой в седую щетку усов и водрузил ЛюДашу на Глашины распахнутые готовно ловкие руки. Поцеловал деток быстро в сладкие щечки, жену в губы чмокнул сочно-пресочно, и повернул всех к выходу из купе, который уже наглухо закупорил грузной фигурой Кирилл. Тут же и Маша протиснулась чудом в узкую дверь, кинулась целоваться, реветь вместе с Глашей, потом и ЛюДаша зарыдала дружно, мужчины вытолкали женщин с детьми из купе, коротко обнялись и без слов занялись многочисленными вещами.

Усадив близнецов в «Додж» на специально купленные по этому случаю детские сиденья, мужчины оставили женщин ворковать, ахать, рассматривать детей и друг друга, а сами закурили и отошли от машины в сторону площади Восстания. Саня захотел хоть краем глаза глянуть на Невский проспект, не виданный им с советских времен. Постояли молча. Кирилл пыхтел трубкой, искоса наблюдая за майором, отчаянно сдерживающим кашель, но все же курившим, медленно и осторожно, свою сигарету.

– Сигары я уже откурил, похоже, – заметил Саша внимание Кирилла. – А вот сигареты потихоньку могу смолить!

– Так ли уж надо? – без нотки осуждения спросил полковник.

– Жизнь продолжается, – сухо усмехнулся в ответ майор. – Привычки тоже. Не хочу чувствовать себя инвалидом.

Солнце отсекло глубокой тенью часть площади, разрезо, как ножницами, и ущелье Невского проспекта. Постояли мужики, поглядели на поток автомашин, на блеск окон «Октябрьской» гостиницы, да на круглый павильон над входом в метро, оставшийся неизменным с тех времен, когда все, казалось, переменилось в их жизни навечно.

– Там рядом магазин был «Восточные сладости», – вспомнил вдруг Саша.

– Нет уже давно, – вздохнул Кирилл. – Да и сладости давно не те, хоть и купить их можно на каждом шагу теперь.

– А я, когда из Риги приезжал в Питер, обязательно туда заходил за козинаками, рахат-лукумом и арахисом в сахаре...

Саша вспомнил взрослых уже мальчишек от первого брака, оставшихся в Риге, а может, давно разбредшихся в поисках лучшей жизни по Европам. Вспомнил и пожал плечами. Так получилось, прошлого не вернешь.

– Иванов безлошадный, сам не водит, служебную у него отобрали, наверное, он не говорит. Так что, попросил меня встретить, – прервал затянувшуюся грустинку Кирилл.

– Спасибо! Да и мы рады вас с Машей увидеть сразу. С вами вроде не так давно расстались, а к Валерке еще привыкать надо будет, какой он стал за прошедшие 20 лет?

– Ивановы не меняются, – хохотнул Кирилл, вытер белоснежным платком покрасневшую лысину и бережно подтолкнул худощавого майора в сторону машины. – Поедем, а то жарко уже, а в машине кондишен не включен, да еще под малышей надо будет отрегулировать, чтоб не простудились.

– А места-то у него хватит на всех нас? Еще ж Петровы!

– Иванов взвод душманов у себя на втором этаже спрятать может. Если захочет... А еще гостевой домик у него. У нас с Машей места тоже полно. Тимофей один в двухэтажной домине проживает – не беспокойся, Саша, Вырица всех примет. Это ж рай!

~~~~~

Годы летят стрелою, скоро и мы с тобою

Разом из города уйдем.

Где-то в лесу дремучем или на горной круче

Сами себе построим дом.

Там вокруг такая тишина,

Что вовек не снилась нам,

*И за этой тишиной, как за стеной
Хватит места нам с тобой.*

«Машина времени» – улыбнулся рассеянно Иванов со студенчества знакомой песне. Арик почти всю «Машинку» на гитаре подобрал, и мы вечно ее песни пели *тогда*. Тридцать лет назад. Таким невозможным казалось все это, таким инопланетным, сказочным: лес дремучий, свой дом, своя собака, тишина вокруг... Как на погранзаставах, оставшихся в глубоком детстве уже тогда.

Валерий Алексеевич поправил наушник телефона, с плеера которого слушал музыку, сидя в кресле-качалке на траве под яблоней, любуясь только что скошенной почти «под ноль» лужайкой перед домом. Трава была сочная, густая, зеленая, как ковер. Другого, неизбежного сравнения не находилось, да и искать его не хотелось. Травяным ковром весь немалый участок Ивановых был застелен. Ни одного кусочка черной, неряшливой, вытопанной земли. Только трава, несколько цветников, любовно возвращаемых Катериной, шиповник, розы, калина-бульдонец, барбарис, еще какие-то цветущие кусты, яблони, вишни, сливы – это посередине, ближе к дому. А по краям участка могучие ели и маленькие елочки. Высокая одинокая сосна у забора, рябины, два молодых дубка, каштан, тополь, липа, клён, черемуха, осины, осенью загорающиеся золотом на фоне темно-зеленой ели рядом. Своя березовая роща слева от калитки на небольшом бугорке – четыре стройных деревца вымахали уже выше дома за те пять лет, что прожили тут бывшие рижане. «А кругом – дали». Иванов усмехнулся, вспомнив «Заповедник» Довлатова. – Скажите, это дали? *Те самые* дали? – приставал к экскурсоводу турист в Михайловском...

Вот и Вырица была любима Валерием Алексеевичем за дали, отовсюду открывавшиеся взгляду. Куда ни погляди – кусочек горизонта виден, и над ним острые еловые вершины в облаках среди высокого русского неба. Просторна Вырица! Воздуха много, суеты мало. Оредеж, воспетый еще Набоковым, то петляет среди высоких берегов, то разливается широкими заводями – чистый, студеный, ключевой. Шесть станций электрички тянутся через дачный поселок, почти как в Юрмале. Только Юрмала сейчас пустая, разграбленная, с редкими островками роскошных вилл

посреди запустения бывшего оживленного курорта. А Вырица все строится, дома все больше – срубы бревенчатые, терема... Участки земли огромные покупают богатые люди, но и меж ними остается полно нетронутого, заповедного для строительства леса. А от того есть место небу и «далям» для всех. И для старожилов, и для дачников, и для нуворишей, раскусивших, наконец, что круглогодичное проживание за городом куда приятнее пентхауза на Петроградской стороне.

Вот и Ивановым повезло, купили избу, почти не глядя – время поджимало, надо было освободить уже проданный дом под Ригой – в Икшкиле. А оказалось так удачно... В то время и квартира рижская уже продана была и куплена маленькая однушка в Городе. Ивановы мотались по области, подыскивали дачу, а лучше – зимний дом, чтобы можно было перебраться под старость лет подальше от величавой, но все ж суеты лучшей из русских столиц. Но приехал гость из Москвы, гость нужный – насчет работы в своем институте. Иванов отправился водить гостя по Питеру, а Катерина в тот день одна, на машине агента по недвижимости, поехала в Гатчинский район в надежде отыскать, наконец, что-нибудь приличное и хоть чуть-чуть родное.

Валерий Алексеевич, встретив гостя на вокзале, не стал мудрить, повел сразу по Невскому. Перекусили с дороги, затем отправились было к ближайшей станции метро – это оказалась «Владимирская». Красавец собор рядом привлек внимание москвича, Иванов с удовольствием повел гостя внутрь любимого им храма Владимирской Божьей матери. Тут-то, в благолепной красоте и торжественной тишине собора, заметил внезапно Валерий Алексеевич в левом приделе большую ростовую икону неизвестного ему ранее святого.

Прочитал табличку: *святый преподобный Серафим Вырицкий*. Что-то слышал, а точно не знал тогда ничего Иванов о знаменитом на всю Россию схимонахе, не так уж и давно прославленном в святые, как и священномученик архиепископ Иоанн Рижский, православное братство в честь которого основала когда-то в Латвии вместе с покойным первым мужем нынешняя жена Иванова – Катерина.

Посмотрел на образ сурового на вид старца Иванов, перекрестился, приложился к иконе. И что-то позвало, отошел к свечнице, купил две свечи восковых за себя и за Катю, поставил перед иконой Серафима Вырицкого, помолился от души и страстно об обретении дома на русской земле. И, успокоенный, повел гостя к выходу – надо бросить вещи, кормить, потом выгуливать по петербургским «перспективам».

Выходят они из дома через пару часов, гулять собираются дальше по Питеру, и тут звонок на мобильный от Кати:

– Кот! Я, кажется, нашла то, что нам нужно!

– Где, милая? В Сиверском или Сусанино? Или сразу в Рождествено забралась?

– Нет, есть такой поселок в Гатчинском районе – Вырица называется. Там и дорога железная – как раз в нашем направлении. И дом просто чудесный – большой, на вырост. Участок 17 соток, кругом лес, хотя это и посередине поселка почти.

Ну, мне очень нравится и недорого, главное. За тобой последнее слово – поедешь смотреть завтра?

– Еще раз название повтори... Вырица?!

– Да, тут еще святой, говорят, есть свой, очень в России почитаемый, Серафим Вырицкий!

– Я уже знаю, Катюша...

Двери покрепче справим, рядом на цепь посадим

Восемь больших голодных псов.

Чтобы они не спали, к дому не подпускали

Горе, врагов и дураков...

– Положим, восемь голодных псов – это уже перебор, – неспешно раздумывал Иванов, покачиваясь в такт песне, все еще звучащей в наушниках. Свежий порыв ветра сорвал с тополя очередной пушистый рой летнего снега, понес над синими колокольчиками, над огромными бутонами белых – сами как комья снега, пионов, нежно опустил пух на траву. Лежащая рядом с качалкой в россыпи маргариток овчарка фыркнула, чихнула, перевернулась на спину, задрыгала в воздухе всеми четырьмя мощными лапами, заелозила по траве могучей, мускулистой спиной, не изображая,

принимая *счастье* таким, какое оно есть. Иванов нагнулся, с удовольствием почесал Марте брюхо, волкодавица ощерила улыбкой белоснежных клыков черную пасть.

– Да, восемь псов – это перебор. А вот Марта нам очень кстати, – додумал он мысль и снова вслушался в давно знакомую наизусть песню...

*Рядом с парадной дверью надо вкопать скамейку,
А перед ней тенистый пруд.
Чтобы, присев однажды, смог бы подумать каждый
Нужен ли он кому-то тут?
А вокруг такая тишина,
Что вовек не снилась нам,
И за этой тишиной как за стеной,
Хватит места нам с тобой.*

– А вот это Макаревич очень верно подметил: «смог бы подумать каждый, нужен ли он кому-то тут»?

«Гости съезжались на дачу». А хочу ли я этих гостей? Катя и рада, и не рада. Рада за меня, за старых друзей, которых я увижу. За то, что кончилось наше невольное затворничество. И не рада – боится, что слишком много будет хлопот – столько гостей, всех накормить, убрать, обслужить – хватит ли сил? Со мной-то устала за последний год, намаялась. А тут еще столько! Да с детьми! А женщины все незнакомые, молодые, сядут на диван и будут курить сигареты в ожидании кофе. А Рыбка мечись – подавай. И ведь неясно даже – надолго ли? Нет, с этим как раз ясно – напомнил себе грустно Иванов – *надолго*. Ну, хорошо, Маша поможет, она, хоть и новый, но наш человек. Кирилл всегда выручит машиной и на базар свезет. Тимофей – писатель наш, на подхвате будет, если что, детей нянчить заставим, – улыбнулся Иванов своим мыслям.

Марта встрепенулась и перевернулась, одним рывком встав на лапы, завилыла туго скрученным в пушистое кольцо упругим хвостом. Зашлепали по брусчатке дорожки родные шаги. В халатике еще, с чашкой кофе в руках и дымящейся сигаретой, от дома шла им навстречу Катерина. Марта побежала встречать,

путаться под ногами, прижиматься лоснящимся крепким боком, сопровождала к стоящей рядом с качалкой скамейке, усадила «маму», чуть не разлив хвостом кофе и плюхнулась тут же пушистой попой прямо Кате на ногу. Катерина ногу высвободить не стала из-под теплой шерсти, почесала пальцем любимое место «бабаки» на переносице, отпила кофе, затянулась крепко, с прищуром глянула карими блестящими глазами на ушедшего в музыку Иванова.

Валерий Алексеевич дослушал песню, вздохнул с некоторым сожалением и снял наушники.

– Катюша, все будет хорошо, ты же знаешь, все теперь и всегда будет хорошо. Ты переживай, маленький, но в меру, ладно? Ну, нельзя же все время одним сидеть, скоро мхом покроемся!

– Это *ты* говоришь? – засмеялась Катерина, откинувшись на спинку скамейки, подставляя покрасневшее лицо ветру, не глядя на Иванова, а глядя в облака, бегущие по небу. – Это я тебе эти слова твержу уже неделю!

– В самом деле? – Иванов сделал вид, что смутился. – Все готово, куплено, прибрано, скошено, напарено, нажарено, замариновано, что еще надо? И, заметь, в первый раз никто еще не пожаловал раньше назначенного срока!

– Да уж, это точно, чудо из чудес! Мы уже готовы, а никого еще нет, – Катя улыбалась, и, против обыкновения, совсем, казалось, не была обеспокоена предстоящим нашествием. – Слушай, Валерий Алексеевич, а как ты думаешь, они *знают* или, хотя бы, *чувствуют*?

Легкая тень пробежала по лицу Иванова, он сделал недовольное лицо и сосредоточенно стал прикуривать сигарету, обдумывая ответ. Посидел, покурил и потом, так ничего и не придумав, ответил честно:

– Я не знаю, Рыбка.

Глава вторая

– Люсенька! Люся! Лю-ю-ю-ю-ю-ю-ю! Я тебя люблю!

Старинный дом на Английской набережной купался в солнечных лучах. Да еще от Невы зайчики отражались и гуляли по высоченным потолкам, отражались в хрустале старинной бронзовой люстры, переделанной под лампочки, – скакали в зеркалах огромной спальни Петровых – самой большой комнаты в роскошной четырехкомнатной квартире, оставшейся Люсе в наследство еще от деда. Мама недавно упокоилась на Смоленском кладбище, все горевали, но мама была уже старенькая, и все знали, мама *ждала* покоя. Так и получилось, что в этой огромной квартире жили теперь Люся, Андрей и маленький Толик.

Толик еще сопел в полумраке детской комнаты, за прикрытым плотной портьерой от света, но не от воздуха арочным окном. Сопел в подушку, выставив попку наружу из под легкого одеяльца, и даже, кажется, пускал пузыри. Андрей Николаевич побоялся разбудить ребенка и не стал заходить в комнату, только дверь приоткрыл, умилился открывшейся картине и снова прикрыл дверь тихонько. Он постоял в гостиной у окна, полюбовался начинавшимся летним днем, Невой, мачтами парусника, летевшими над аркой моста, подмигнул чайкам и редким белым облачкам в еще не успевшем поблекнуть от жары синем небе. Почесал, сморщившись, все еще саднившую по утрам изрезанную как бритвой, испещренную шрамами грудь (вот они – «гостеприимные берега южных морей»!) и начал привычную с детства зарядку, еще как отец учил.

После огромной ванны, полной прохладной, с вечера набранной воды, Петров растер саднящее тут и там тело, раздражающая боль отступила, можно было начинать жить. Вот он и снова в

просторной опочивальне – так они, смеясь, называли с Люсей свою комнату – обыденное «спальня» ну никак к ней не подходило. И зайчики прыгают бесстыдно прямо по матово-прозрачной, белой-белой, несмотря на лето, коже обнаженной жены Петрова, откинувшей от себя легкую простыню, не стесняющейся никого – все свои и только свои в своем доме.

Андрей Николаевич сначала легкий взгляд бросил на жену, даже как бы украдкой. Потом улыбнулся своей глупости и жадно всмотрелся в изгибы любимого тела. Где все открыто и сокровенно. Где все расслабленно снаружи и вместе с тем так упруго внутри. Старинные часы на комодке пробили 7 счастливых ударов. Люся и ушком не повела.

– Люсинда! – взревел белугой Петров. – Водой окачу! – Русая головка даже не повернулась, но тихо-тихо стала заползать под большую белоснежную пуховую подушку. Вот, скрылась под подушкой голова, и руки, даже на вид прохладно-гладкие, обняли подушку сверху и замерли недвижимо.

– Люська! Вставай, бесстыжая! Нам же сегодня в Вырицу ехать!

Петров подошел к кровати, не забыв мельком глянуть на состояние своих изысканно сшитых, но все равно, *семейных* трусов, в которых, как известно, от жены ничего не спрячешь. Ну вот, так и есть...

– Толюшка еще спит? – сонно промурлыкала из-под подушки Люся, вытянув во всю длину кровати ноги, и повела крылышками лопаток, удобнее устраивая под собой грудь.

– Как ангел. Вот потому, пока сокровище еще дрыхнет, нам и надо бы успеть собраться спокойно, – занудил Петров, уже чувствуя поясницей, что сборы придется немножко отложить.

Люся нехотя стащила с головы подушку и краем глаза посмотрела на стоящего перед ней мужа. Довольно хмыкнула, закрыла глаза и начала медленно потягиваться, подтягивая колени под себя, прогибаясь всем телом, выставляя соблазнительно округлые белые бедра, подбирая локотки, открывая Петрову и солнечным зайчикам все более сокровенные тайны. А когда мраморные ягодицы как бы случайно разошлись чуть-чуть в стороны и показали, что они

живые, и даже блеснули посередине влажным и розовым, Андрей Николаевич и сам не заметил, как успел скинуть давно уже мешавшие семейные трусы и оказаться на хихикнувшей смущенно скрипом пружин кровати.

Так началось это утро в семье Петровых. И волосы на затылке Андрея Николаевича ворошил легкий ветер с Невы, как будто снова они с Люсей плыли на белом пароходе, и поскрипывала палуба, и ровно дышали машины внутри, и всхлипывали, вскрикивали чайки совсем рядом, и теплая волна набежала и гулко ударила в борт, окатив брызгами, сбив с ног, прокатившись по обнаженным телам и растекшись покойно, обессилив и обессилив.

И сразу же, конечно, как еще не минутой раньше? А может, и раньше звонил, да не слышали, – заиграл один мобильник, за ним другой, затрещивал городской телефон, и проснулся Толюшка, и заорал почти басом, и сработал таймер будильника на музыкальном центре, выбросив в утро задорную ламбаду, и чудо-печка на кухне заверещала, закончив выпекать свежие булочки к завтраку.

~~~~~

Люся, вернувшись из круиза, успела защитить докторскую. А потом умерла мама. А потом Люся забеременела. Сидела дома, забросив работу, наслаждалась тихим счастливым покоем, ждала возвращения Петрова из частых командировок и прислушивалась ежеминутно, как растет внутри неё маленький человечек. Родила сына легко, как будто и не за тридцать ей было. Жаль только Андрюши опять не было дома – не успел прилететь, не успел, милый голубь... А потом начался кошмар. И не будь маленького Толюшки, страшно даже подумать, пережила бы она, нет ли этот злосчастный август позапрошлого года.

«Бывало, знаете ли, сядет у окна

И смотрит, смотрит, смотрит в небо синее,

Дескать, когда умру, он встретит меня там

И снова назовет меня по имени...»

– вот что вертелось у неё в голове тогда. Ставила песню раз за разом – щемительно грустную, и ревела, и билась головой о стену – все было.

Ей было где-то тридцать шесть,

Когда он очень тихо помер.

Ей даже не пришлось успеть в последний раз

Набрать его несложный номер...

...Какая, в сущности, смешная вышла жизнь,

Хотя, что может быть красивее?

Чем сидеть на облаке и свесив ножки вниз

Друг друга называть по имени...

А потом Глафира позвонила из Костромы: Саша тяжело ранен, в реанимации, Толю с Дашей убили...

Кирилл Плещеев с Машенькой объявились внезапно, как черти из табакерки. Просто вошли в незакрытую дверь Люсиной квартиры и заставили умываться, причесываться, кормить и мыть ребенка. И выбросили CD с грустной песней. И всю аптечку из ванной вычистили, где много чего было припасено у доктора психологии. Оставили только детское. А Люся в первый день даже и не поняла, что это за люди ходят по их с Петровым дому, чего-то требуют, чуть ли не бьют по щекам, в магазин ходят поминутно, но по очереди, не оставляя ее одну. Потом вспомнила смешную пару из счастливого круиза, иногда присоединявшуюся к их компании. Компанию вспомнила, зареветь хотела по привычке, а не было уже чем. Пришлось жить.

Кирилл уезжал с каким-то Ивановым, с которым Андрюша так и не успел ее познакомить, в Москву – хоронить Муравьевых.

Машенька по-прежнему не отходила от Люси, не давала побыть одной. А потом даже неведомый Иванов слег, и жена его вместе с ним. И Кирилл снова метался между Вырицей и Английской набережной – потому что зачем-то забрал на время к себе собаку Ивановых, не доверив Марту даже хорошо знавшим ее соседям.

Что метался? Что его подстегивало мерить широкими шагами гостиную Петровых и звонить, договариваться, поднимать связи, приводить докторов, устраивать скорбные дела совершенно чужих людей? Ну да, он на пенсию вышел недавно, сказал. Ну, так что же?

Люся сперва раздражалась. Потом привыкла к ним с Машенькой. Потом стала без них как без рук. А потом в Военно-медицинскую академию привезли с другого полушария, как с того света вернули, Андрюшу. И Машенька сидела с Толюшкой, а Люся с Петровым. А потом все несчастья кончились. И началась новая-новая жизнь. Спасибо Тебе, Пресвятая Богородица, спасибо тебе, святая блаженная мати наша Ксения Петербургская, спасибо тебе, святой праведный Иоанн Кронштадтский-чудотворец, только тебе, батюшка, под силу было заступиться за нас... И батюшка Серафим Вырицкий, в часовне которого пропадала Машенька, сдал Кириллу дежурство над Люсей. И Ты, Господи, помиловавший нас однажды, не переставай миловать и впредь.

Мысли металась у Люси, вспомнилось вдруг всё-всё, казалось, навсегда утонувшее в памяти. А тут – такое счастливое (аж мурашки по спине пробежали при одной мысли об этом) такое безмятежное утро – и все вспомнилось почему-то. Петров почувствовал что-то, оторвал цепкие глаза от дороги, скосил на Люсю:

– Люся, что не так? Что нехорошо?

– Вспомнилось вдруг всякое, Андрюшенька...

– И что же? Плакать будешь?

– Не буду.

– И мне вспомнилось, – внезапно признался Петров, закончив перестраиваться из ряда в ряд на широком Московском проспекте.
– Вот, как раз на этом месте у меня такси сломалось по дороге в порт, в круиз. И Иванова тогда встретил случайно. Именно здесь.

– Андрей!!!

– Ёшкин кот! – выругался облегченно Петров, чудом отвернув «Джетту» от столкновения на «встречке» лоб в лоб с каким-то сумасшедшим «мерином» с мигалкой. В глазах у обоих потемнело на мгновение – и снова солнце брызнуло в лицо, волнение отступило разом, миновали площадь Победы и покатали ровно по Киевскому шоссе в сторону Гатчины.

– Так, – вспоминал Андрей Николаевич наставления Иванова, – у виадука, не заезжая в Гатчину, свернуть на Куровицы...

Чуткая Люся прислушалась к себе, к миру вокруг, обернулась к Толюшке, ерзавшему сзади на детском сиденье, малыш улыбался и лопотал что-то, похожее на стихотворение.

– На все Воля Твоя, Господи, – медленно перекрестилась Люся и успокоилась.

~~~~~

Эх, как повзрослела Глаша и похорошела-то как! – немножко ревниво отметила про себя Маша, придирчиво оглядывая молодую женщину, ловко управляющуюся с двумя непоседливыми близнецами, которым то пить, то писать, то игрушку из рук в руки перетягивать... «Додж» несся по недавно залитому асфальту, свернув, наконец, с Киевского шоссе, одолев развязку и левый поворот у бензоколонки. А вот и долгожданный указатель между полем и лесом: *Вырица – 11 км.*

Глафира напоила девочек соком, вытерла ротки и румяные щечки и снова вернулась к не спускавшей с неё внимательных глаз, – шея затекла оборачиваться с переднего сиденья, Маше. Саня дремал,

устроившись на последнем, откидном ряду, посапывал даже, чуть покашливая иногда.

– Чуть с ума я не сошла, Машенька! Родители довели до белого каления: выскочила за пожилого, он теперь, может, помрет, а может инвалидом на всю жизнь лежачим останется, а ты на сносях с двойней! Говорили тебе, умоляли... Ну, в общем, рефреном одна мысль вместо утешения – *сама виновата!* Помогали, конечно. И с Сашей сидели поочередно. То с ним, то с девочками, – потом уж, когда родила. Хорошо хоть, деньги были – страшно дорого у нас все, у взрослых, студенткой была, думала, семейным ничего не надо – ни нарядов ярких, ни прибабасов, ни девайсов, ни ночных клубов – куда только деньги у них уходят?! – Глаша засмеялась над собой залиvisto, нечаянную слезку незаметно смахнув под этот смех.

Близнецы тут же заулыбались, захохотали в поддержку мамочке – кто громче, пока, ставший уже натужным, смех не превратился незаметно в дружный рев. Успокаивая девочек, Глаша не умолкала, всю дорогу рассказывала Маше с Кириллом про прошедшую после кризиса *жизнь*. Кирилл, аккуратно и надежно крутивший баранку, только успевал кивать багровым лысым затылком, а вот подвыцветшие голубые глаза его повлажнели внезапно:

– Сентиментален стал, старею, – отметил полковник про себя и внимательнее всмотрелся в зеркало заднего вида – там несся, догоняя «Додж», и всё укрупняясь в зеркале, огромный бензовоз.

– Выписали Алишеровича нашего из больницы, а он все чахнет и кашляет, – продолжала Глаша, радуясь собеседникам, не встретившим с расспросами или охами. – Друзья новые, из службы безопасности банка, не бросили. В санаторий наш местный устроили, нашли еще в селе рядом травницу какую-то, она его то отварами, то козьим молоком пользовала. В общем, подняли на ноги нашего папу. А я уж думала поначалу, что всё, год один только выпал мне бабьего счастья – от августа – до августа!

...Про Петрова узнала от Люси, ничего Саше не сказала, взяла грех на душу, соврала, что все у них хорошо, что мальчик родился, что Толей назвали, в честь Муравьева. И тут, дурра, проговорила! –

Глаша отчаянно всплеснула чуть пополневшими загорелыми руками. – Он на меня как посмотрит страшно, как заорет, первый раз в жизни на меня голос поднял, – да ведь не может даже закричать-то еще, засипел страшно: почему вдруг «в честь Толяна»? Что с ним, докладывай! – Пришлось рассказать все, как есть.

Глаша помолчала, уйдя в себя, потом вздохнула горько:

– Алишерович все порывался на похороны Толи с Дашкой. Да не пришлось, еще лежачий был. Переживал сильно. А он ведь все внутри себя держит, вижу только, почернел пуще прежнего, счастье, что двойня у нас. А Саша мужчина настоящий, помнил, что обещал детей растить. Не дал себе волю, напрягся и встал на ноги. А жалко их как, я и говорить не буду. Кабы Дашку с Толиком не сразу после его ранения подстрелили, я бы и сама отчаялась. Но тут рожать, тут Сашка в реанимации – свое горе всё перебило.

– Ты его не ругала хоть, что встрял в историю? – спросила Маша о давно волновавшем.

– Да за что же? Он ведь мужчина, как мог мимо пройти? Тут судьба, Машенька. Судьба. Да и Толян тоже... Ведь поклялись они тогда, на палубе, знаете? Клялись друг другу – и он, и Толя, и Петров со своим эмчээсом, клялись ведь, что не будут *высовываться*! Саша ведь мне все рассказал перед свадьбой! Ни политики, ни войн за справедливость, ни благородных поступков – ничего этого они себе поклялись не разрешать! Ради нас, невест своих! Что нельзя в России жить по-честному сегодня – все знают! И они не дураки, жизнь побила уже основательно, моль поела, черт побери, а туда же!

Глаша осеклась, оглянулась испуганно на придремнувшего мужа и понизила голос:

– Но ведь как жить нам, бабам, когда б не было хоть одного такого мужика, как наши, а, тетя Маша, как?

– Ну вот, я уже и тетей стала, – вяло попыталась отшутиться Маша, а внимательно прислушивавшийся к разговору Кирилл добавил:

– Можешь, «племянница», и меня «дядя Кира» звать. Тем более, что я, того, уважаю это дело, – Кирилл засмеялся надтреснутым старческим смехом и тут же резко нажал на газ, двигатель взвыл, переходя на форсаж, всех качнуло. Саша тут же открыл внимательные глаза, цепко обхватил сзади детей и вместе со всеми произнес, только про себя, несколько крепких матерных выражений. Ну а женщины и Кирилл не удержались. Высказались по-русски вслух от пережитого потрясения: тень огромного бензовоза, нагонявшего их сзади, внезапно закрыла солнце в кабине «Доджа», и только отчаянный рывок Кирилла, чудом оторвавшегося от заснувшего, что ли, водителя бензовоза, спас машины от страшного столкновения на узкой проселочной полосе полустертого асфальта.

Кирилл, продолжая уводить «Додж» подальше от вилявшего сзади бензовоза, вытащил белоснежный платок и вытер лысину, покрывшуюся крупными каплями пота. Потом попросил спокойным голосом:

– Машенька, раскури мне трубочку, будь ласка, а то ездят тут всякие нехорошие люди на хороших тягачах, нервы портят.

Притихшие от странного поведения взрослых, от слишком сильно обнявших их маминых и папиных рук, и что-то *такое* поняв своё, ангельское еще, по нежному возрасту им присущее, девочки хотели было заплакать, но потом передумали и засмеялись, передразнивая друг друга. Сидевший сзади майор убрал обхватившие детские сиденья девочек, побелевшие от напряжения руки, и прикрыл глаза, сделав вид, что ничего серьезного не случилось, и сон ему дороже. А под плотно прищуренными веками Саши внезапно появилась картинка: Толян с Дашкой, в камуфляже почему-то и омовских черных беретах, оба с автоматами в руках, салютуют короткими очередями на свежей братской могиле. Помотал головой майор и в самом деле вскоре заснул.

~~~~~

Марта, лежавшая у ног Иванова, вытянув передние лапы, философски положив на них огромную голову и смотря сквозь траву на калитку, внезапно насторожилась, приподнялась, прислушалась и снова плюхнулась на брюхо, только теперь уже не сводя глаз с «папы». Валерий Алексеевич, знающий чутье Марты, пригнулся к ней с кресла-качалки и тихо спросил:

– Что там, Мартыня?

Кавказская овчарка шумно вздохнула, – тополиный пух взметнулся рядом на брусчатой дорожке, и ушла в себя.

– Не хочешь говорить? Ну и не надо, я сам знаю, гости едут, прибыло нашего полку в Вырице, райская жизнь для кого-то еще наступила, эх, люди-люди, не сидится вам на заднице, – бормотал тихонько Валерий Алексеевич, закуривая очередную сигарету. – Катя! Катюша! Катерина! Не пора ли самовар ставить? А то я займусь...

Глава третья

Самовар у Ивановых был знатный – фабрики Баташева, с медалями, 1913, предвоенного, года рождения. Труба вот только потерялась за прошедшее столетие. Так вместо трубы Иванов жестяную высокую банку из-под Лиепайского растворимого кофе приспособил. Металл толстый у банки, не то, что у нынешних, как из фольги сделанных. Вырезал консервным ножом доньшко, а по диаметру подходила банка в самый раз. Вода у Ивановых дома своя – «родниковая», как они говорили, из глубокой скважины, пробитой под полом прямо в кухне. Там же и насосная станция стоит. Лучинки заготовлены заранее, газетка старая тоже. Иванов поглядел, что там под руку попало: «Деловая перспектива» питерская. Ну, хоть газета и рекламная, а зато бумага не глянцева – в самый раз самовар разжигать.

Иванов налил в самовар воды, поставил на специальный столик во дворе, рядом с беседкой и мангалом, насовал щепочек, газетку свернул трубочкой, сунул туда же и поджог. От старой сухой

газеты лучинки занялись быстро и споро, теперь только успевай, «дрова» подсовывай. А там загудит, запоёт старый самовар, забурлит ключом кипятком, – подставляй чашки, да чай заваривай. Сиреневый дымок потянулся над зеленой лужайкой с белыми крапинками клевера, ускользнул за забор – всем рассказать – Иванов самовар ставит!

Стол накрывать решили на большой веранде, чтоб комары вечером не заели. Там суетилась, звеня посудой, Катерина, там уже прикладывался потихоньку к стаканчику сосед Тимофей Иванович – волновался старик перед первой встречей со своими героями, о которых столько рассказывал ему Иванов. Так уж сложилось – Вырица, рай славянский по преданию, всех перемешала, да всех соединила нежданно.

– Однако, что ж тут удивительного, – размышлял про себя Круглов, – места наши еще в царское время модным курортом стали. Своим, доморощенным. С Княжеской долины как все началось, так и по сей день продолжается. Редкий писатель, поэт, художник не побывал в Вырице в полустёртый в нашей памяти фамильным серебром век Серебряный литературы русской. Да и потом непростые люди у нас жилали – от святых до криминальных героев лихих девяностых. Вон, дворец какой на берегу Оредежа отгрохан – не хуже Екатерининского, все честь по чести, даже янтарные образа в домовой церкви имения те же мастера делали, что Янтарную комнату в Пушкине восстанавливали. И тут же цыгане, крестьяне, а порой и вообще всякий сброд, – Тимофей поморщился недовольно, поскольку «сбродом» назвать стоило как раз владельцев дворцов-новоделов, а совсем не простых выричан.

– И все же, плотность интересных людей в нашем поселке и правда зашкаливает, как будто и в самом деле, как у Даля про *Ирей, Ирцу* значит: и зверь, и птица, и человек – все здесь собираются для лучшей жизни. Вот ведь, не Рублевское, слава Богу, шоссе, не Репино, не Сестрорецк, а все же, место у нас непростое, ой, непростое. – Пожилой писатель оглянулся воровато на занятую сервировкой круглого дубового стола Катерину и плеснул себе в стаканчик еще грамм 50 водки, с Рижским черным бальзамом

смешанной, из графинчика, посверкивавшего на буфете хрустальными гранями.

Птицы подсвистывали негромко в саду, со двора тянуло дымком от самовара, чем-то вкусно-съедобным запахло на кухне – эх, как иногда жить хорошо! Кабы еще не телевизор с новостями, да не Интернет – и правда, жили бы как в раю. Круглов вспомнил утренний свой разговор с телевизором на повышенных тонах и поморщился:

– Ну как жить в России? Кругом счастье, если за забор не выходить, а если на свиные рыла в экране посмотреть, выходит – бардак и горе. Что красные, что белые, что зеленые, что власть, что оппозиция – все одно – мурло, создающее только свинцовые мерзости нашей жизни. И ведь за забором всю жизнь не усидишь, ладно я – старый, а деткам как же? А мужикам? Жить только для себя – не по-русски как-то это. А по-другому не дают и не получается. Если мне, пенсионеру, мало просто хлеб жевать, да водку закусывать, так ради чего вся держава живет, весь народ? Этого я и хотел что ли двадцать лет назад? Эх, мудила...

А Иванов со своими друзьями? Сила солому ломит. А они хоть и не соломенные были, а все равно, что толку-то? Все равно, больше, чем Бог даст, не сделаешь. Ну, сложа руки тоже сидеть нельзя – тот же Бог и накажет! Вот и крутись как хошь...

– Катенька, может, помочь чего?

– Помоги, Тимофей Иванович, сделай одолжение, прекрати с утра водку трескать! – нарочито сердито отозвалась Катерина.

– Приехали! – закричал со двора Иванов, бросил самовар и поспешил, побежал, суетясь – Марту посадить на поводок, ключи от ворот взять, гостей встречать, ой, дел сколько!

Петров выслушал последнее указание навигатора, встроенного в свой айфон, послушно «круто повернул направо», проехал еще сто метров и остановился у дома Ивановых. Выпрыгнул Андрей Николаевич из своей «Джетты», подпрыгивая и нарочито задирая коленки, пробежался вокруг машины, открыл дверцу Люсе. Та, дама не гордая, но перед незнакомыми людьми форс держала,

приняла руку мужа, выплыла герцогиней из автомобиля, церемонно поклонилась открывающему ворота хозяину. Хозяин, впрочем, был в рубашке с короткими рукавами, узлом завязанной на загорелом круглом животе, хороших, но уже бледно-голубых от старости джинсах и кожаных шлепанцах на босу ногу.

Заскрежетали несмазанные (редко гости приезжали сюда) ворота, грозно, с подрыкиванием, предупредила о себе, натянув поводок, привязанный к березе, Марта. Вспомнил Иванов, как еще *всего-лишь* или наоборот, уже *целых* пять лет назад стояли они с Катей, обнявшись, в этом зеленом проулке между елками, смотрели на старый огромный деревянный дом, заросший вокруг бурьяном, на небо высокое-высокое над головами и верили – вот она – Родина. Конец пути. Вот и Петров с Люсей обнялись и оглядывались так же, хотя, им то что, они давно уже дома. А может быть, и в самом деле, *только сейчас?*

Катерина выбежала с веранды навстречу гостям – знакомиться. Иванов с Петровым обнимались, хлопали друг друга гулко по спинам, матерились то по-латышски, то по-эстонски, поскольку Люсе все равно было не понять. Катя, правда, кулак им показала после одного особо цветистого выражения, но тут же махнула рукой, повела Люсю знакомиться с Мартой. А у Люси кусочек сыра в руке, заранее приготовленный. Очень ценила Марта такое уважение! А потому перестала с поводка рваться, приняла угощение, лизнула длинным языком розовую ладошку Люсину и вопросительно посмотрела на Петрова.

Мужчины, еще возбужденные встречей, представили друг друга женам, Андрей Николаевич хлопнул себя по лбу и сбегал в «Джетту» за своим кусочком сыра для Марты.

– «Свои»! – разрешил Иванов овчарке принять лакомство. Марта уговаривать себя не стала, обнюхала придирчиво Петрову брюки, ловко сняла языком с крепкой, приятно пахнущей ладони аппетитный ломтик. Иванов отстегнул карабин поводка – теперь можно было не опасаться за целостность гостей – Марта хоть и умница, но пока хозяева с новыми в доме людьми не познакомят, никого даже к забору не подпустит, хоть ты королева английская!

Пришел черед Толюшки, в праздничной неразберихе забытого пристегнутым в машине, и теперь басовито требующего выпустить его на свободу. Женщины ахнули, побежали к машине, продолжая на ходу какой-то свой, из междометий и жестов, только им понятный разговор – видно было – понравились друг другу. Из полутени, сидя на старом кресле в углу веранды, посверкивали прищуренные, внимательные глаза Круглова – старик придиричиво оценивал Петрова и Люсю, сравнивал с рассказами Кирилла и собственной выдумкой.

Обцелованный и поставленный наконец на землю младенец, крепко потопал по травке ножками в новых сандаликах и сразу направился к Марте. Люся напряглась было, но Петров предупреждающе взял ее за локоть, кивнув на совершенно спокойно наблюдающих эту картину Ивановых. Марта сама подошла навстречу ребенку, обнюхала, облизала ему носик-пуговку и спокойно улеглась рядом, не обращая внимания на попытки Толика тут же оседлать такого чудесного мохнатого коня. Оседлать, по причине маленького еще роста, не получилось, – мальчик только перекатился через крупную даже для своей породы собаку, но, кажется, кататься с горки на горку ему понравилось еще больше.

– Самовар! – спохватился вдруг Иванов, и снова веселая суэта воцарилась на солнечной лужайке перед домом. Заваривался чай и кофе, нарезались бутерброды; из холодильников на свет Божий извлекались салаты, разгружался багажник «Джетты» и вынимались отовсюду всякие, заранее приготовленные, взаимные дары.

– Сначала пьем чай, кофе, потом покажу вам ваши комнаты – они наверху, – довольно распоряжался Иванов, красуясь картинно в подаренной Андреем соломенной шляпе, вывезенной Петровым откуда-то совсем уж издалёка. Круглов немножко поглядел еще на гостей из окна дома и, незамеченным, скрылся у себя, на соседнем дворе, что-то прижало сердце некстати.

~~~~~

– Майор Архаров-Анчаров-Гильмутдинов по вашему приказанию прибыл, господин Поручик! – с усмешкой на внезапно побледневшем лице отрапортовал Иванову Саша. – Разрешите войти? Разрешите присутствовать?

– Присутствовать?! Ты, Санёк теперь *жить* здесь будешь! – тихо произнес Иванов. – Роман Дюма. «Двадцать лет спустя». Фантастика! Где ж тебя черти носили, дружище?

– Где носили, там больше нет, Алексеич. Там один Толян остался. Нет, не один, с молодой женой. Хорошо, что вместе они. Поодиночке было бы хуже.

– Да, хуже. Я ждал его. Вас. Ты вернулся. Рассказывай.

Не сговариваясь, мужчины отошли в сторону и побрели по траве в дальний угол участка, там, под высокой раскидистой елью, лежало толстое – полметра, не меньше диаметром, ошкуренное бревно – вместо лавки.

Заливалась смехом Глаша, голосили детишки, частил скороговоркой что-то веселое Кирилл, сновала, помогая Кате заново накрывать на стол Машенька, бродили вокруг дома, обнявшись, как пионеры, Петровы.

Иванову вспомнилось почему-то именно сейчас, как начинался когда-то у Круглова его первый роман. Иванов тогда забраковал этот пролог, а запомнить – запомнил:

2010. У нас осталось по одному магазину. Да и те неполные. Мы лежали, курили, подложив под себя автоматы, так, чтобы не на виду. Кололась скользкая, теплая хвоя. Муравьиная тропка перед глазами огибала гранитный валун под раскидистой елью. Собирался дождь. Так что, небо было совсем не такое, как у Бондарчука над Аустерлицем. Было оно низкое, нежно-влажное и лишь чуть-чуть голубое.

- Петроградское небо сочилось дождем... - процитировал я Блока.

- Да и хрен с ним, с дождем!- неожиданно громко отозвался Михаил Иванович.- Надо было скотину выпустить на двор, а то сгорит еще...

- Надо было. Много чего надо было, Миша, в этой жизни.

-Так все-таки есть ТАМ что-то, а? - Михаил мрачно кивнул наверх, поймав острым лицом первую дождинку, прямо на татуировку на веках.

-Скоро узнаем,- хохотнул я неожиданно для самого себя.

Не пели ни птицы, ни пилы в настороженно притихшем поселке. Пара коротких очередей наугад, да короткие матюги со стороны перебежавшей железнодорожное полотно редкой цепочки.

«Джулай морнинг», короче. Потерял я свирель.

На берегу Оредежа.

Дослав патрон...

Приморские партизаны, что ли навеяли? Вот ерунда какая в голову лезет, – сам себя выругал Иванов и ожидающе посмотрел на Сашу.

– Толян тебе велел передать, если что с ним случится: «генерал Щербатый»...

– Знакомая фамилия.

– Его надо завалить, Поручик.

– Мало навоевался?

– Его надо валить, Валера, иначе всем плохо будет. С него все началось – еще в круизе.

Иванов глубоко вздохнул, перехватив горло ладонью, и поморщился. Потер сердце, поискал сигареты. Сидел, курил вместе с майором, оба молчали.

– Я до него еще в 91-м пытался дотянуться. Тогда было проще, в неразберихе. Не получилось.

– Что, еще тогда ты его знал?

– Еще тогда. Я, да Чехов. Да Толян. И Таня.

- Тогда тем более. Я сделаю, Валер, ты не бойсь, я умею.
- Близнецы, Саша.
- А тем более, Валера.
- Я узнаю, где и когда удобнее.
- Спасибо, Поручик.

Неслышно материализовалась из кустов таволги у забора Марта. За ней, спотыкаясь, пытаюсь успеть за овчаркой, семенил щенок.

- Дара, а ты здесь откуда?!
- Я ее с собой взял, чтоб не скучала. Марта ее терпит, пока та маленькая, – виновато пробормотал Кирилл, показавшийся следом. Только не из кустов, конечно, от дома подошел.
- Чего грустите, бойцы? – Полковник посмотрел в хмурые лица постаревших друзей и понятиливо закивал головой, – Ну да, ну да. Опять за старое, жопой чую, извините за грубость. Вокруг жёны, дети малые, солнце, лес, река под боком, счастье немеряное, а вы опять планы строите, не успев по сигарете выкурить при первой же встрече?

Кирилл сердито запыхтел своей трубкой и заходил длинными шагами вокруг бревна, о чем-то раздумывая.

- Понял! – хлопнул вдруг полковник себя по лысине, шлёпнул звонко, как комара приговорил. А может, и правда, комар – много их было почему-то этим летом.
- Что вы поняли, товарищ полковник? – неожиданно неприязненно и жестко спросил Саша.
- Ну не надо, не надо только на меня Толяна с Дашей вешать! – расчетливо вспылал Кирилл.
- Кирилл, ну, бросьте вы, право, театр устраивать, уже второй год на пенсии, – недовольно пробурчал Иванов. А майор Анчаров, не меняя позы, внезапно превратился в пружину, готовую взлететь мгновенно и впиться сталью в горло любому противнику. Полковник даже сделал шаг назад непроизвольно, а Валерий Алексеевич успокаивающе придержал друга за сухой локоть.
- Все нормально, Саня, Кирилл просто никак не избавится от любви к плохой драматургии. Нам, наверное, новости хотят рассказать, да не могут по-простому, без театральных эффектов.

– Могут. – Кирилл остановился на полушаге и круто повернулся к майору.

– Сегодня мне сообщили с утра одну новость, которой еще нет в Интернете, да и не будет, надеюсь. Щербатый умер. Сам! Своей *почти* смертью. Финита ля! Расслабьтесь, супермены! А я пошел шашлык жарить. А то у вас, у кого легкое с дыркой, у кого сердце с мерцалкой. Вам теперь пожить бы еще просто, коллеги, а вы геройствовать собрались, как вижу. Полковник раздраженно вытащил изо рта погасшую трубку, криво усмехнулся и побрел, обмякнув, к мангалу, снова похожий на старого, большого и очень усталого от жизни кенгуру – сутулого и с большим животом перед собою – как сумкой с накопленными жизнью невзгодами и *опытом*.

– Кирилл, погоди! – позвал вдруг его Иванов, поднявшись с бревна. Подошел поближе к остановившемуся на полпути полковнику и тихо спросил:

– Кира, мне тут сегодня некстати роман кругловский вспомнился. Про гражданскую войну 2010 года. Ты как думаешь, бред?

– Конечно, бред. Граждан в России уже не осталось, Валера. Откуда ж гражданская война? Кому и с кем воевать? Одна «Единая Россия» с либерал-демократами. Коммунисты давно уже сами продались «желтому дьяволу». А «несогласные» клоуны – не в счет. Так что, не будет, слава Богу, никакой войны. А если и будет, то только не в Вырице, можешь мне поверить. «Кавказ *надо* мною», – классик сказал. Вот это серьезно. У Пушкина все же «*подо* мною», а у нас вот: «*надо* мною»!

– Все время забываю, что только не у нас, – виновато улыбнулся Иванов и помахал рукой застывшему на бревне Анчарову.

– Пойдём, Санёк, покажу тебе гостевой домик, там три комнаты, вам с детками хорошо будет, просторно.

~~~~~

Русские. Лишенные даже права в паспорте гражданина РФ указать свое имя. Свою принадлежность к *нации*. Русские – дети великой державы, веками бывшие в ней и главными героями, и пасынками

одновременно. Что ждет нас, русские? Кто только не ругал нас и не оплакивал нас – от Патриарха – до президента Америки, от мусульман – до иудеев, от расчетливых европейцев до марсиан с берегов туманного Альбиона. И всем мы – нехороши. Собственные пастыри приводят нам в пример мусульман. Собственные государи ставят над нами чиновниками преторианскую гвардию инородцев и запрещают быть русскими. А мы все хотим быть для всех хорошими и всем нравиться.

Но и собственные беды – своих же, русских, мы не считаем *своими* бедами, в упор не видя в русоволосом майоре милиции из Москвы, в чернявом смоленском чиновнике, в голубоглазом блондине в ранге высоком дипломатическом *тоже русского – главного* виновника наших бед. Ой, бяда, бяда! Что нам наёмники, когда сами друг друга предаем на каждом шагу? Близкие наши – враги наши. И как душе, озабоченной грехами ближнего, а не своими, не видать спасения, так и народу нашему, нигде, кроме как в себе, спасения не обрести на Земле. Ну а на небе нет ни эллина, ни иудея во Христе. А на земле Христа уже нет как будто. Перестройка – история предательств, а ныне что? «Кругом измена и обман» – так, то была Великая Октябрьская революция. А Сколковская модернизация напололам с картошкой фри с чернокожим визави в дешевой закуской? А проект «Чистая вода», высочайше одобренный, кто на чистую воду выведет? Кому верить, когда себе и в себя не верят русские? Зачем жить, зачем детей растить? Для ювенальной юстиции, для ЕГЭ, для приморских «партизан» или просто потому, что *так надо*? Сегодня мать сына в армию не отдала, откупилась взяткой *офицеру* в военкомате, кто её завтра защищать будет? Если русских в России нет, по Конституции даже нет, значит, в России *всё дозволено*? Если миллионы русских, за пределами скукожившейся державы брошенных, *русскоязычными* лишь оказались вдруг, в том числе и для народа своего в России, значит, нет у нас больше Родины? Если миллиардеры учат нас социальной справедливости, значит, выжили мы из ума совсем? Если работающие Рязанщина с Вологодчиной нуждаются в заботе государственной меньше, чем *безработные* с Северного Кавказа по Москве на «бентли», паля во все стороны, рассекающие, значит, – России нет давно?

Или страшный сон, или жуткая явь. Совесть, где она спрятана? Наперсточники кругом. А в наперстке у них вся Россия. Шестая часть суши. «Широк русский человек», так как же поместился в наперсток-то? Зачем жить, русские? Жить зачем, спрашиваю? А в ответ тишина. И телевизор включен, и радио бормочет, в браузере новости ежеминутно обновляются. А никто не ответит, куда делись русские? Были ли мы вообще? А кто остался еще, так живет *зачем?*

Электронные книжки в айфон загрузив, путешествуем по кольцевой. Пока не взорвут. Когда? Могу поспорить, что в августе.

Глава четвертая

Ночи белые – до утра гулять. Дети спят давно, тишина кругом. «Ой, да не вечерн-я-я-а-а-я», – цыгане пели где-то за железной дорогой, излучиной окружавшей дом Ивановых. Обычно, гуляя, они просто врубают магнитофон, да записи слушают. А тут вдруг – повезло гостям, пели вживую, сами, куда лучше, чем в записи. От души, не для денег пели – большая редкость сейчас. Чаще, конечно, они героинем торгуют, чем поют, но все же – ночь белая, самая длинная – и пели цыгане «Не вечернюю».

В такую ночь и костра не надо. Костры потом будем жечь – в августе, в сентябре, когда звезды снова проявятся на почерневшем небе и падать начнут прямо на голову сквозь верхушки елей, обнявших костер вокруг. Дети спали давно и спали крепко-крепко. Что за сны снились им, знают только ангелы.

Люся, Андрей, Саша, Глафира, Кирилл, Маша, Катерина – разбрелись вокруг дома, распахнувшего окна, много окон в душистый сад. То парами бродили, то собирались в кружок, то поодиночке вдруг отходили в сторонку, устав говорить и слушать. Сидели наедине с собой, впитывали молочное мерцание белой ночи, неугасающую зарю, неумолкающих птиц, шелест листьев, на которых записано всё, но прочесть никто не умеет, – так и умирает книга мира каждую осень, осыпаясь к подножьям берез, сжигаемая в дымных кострах и снова, и снова записываемая Богом весной на новых, зеленых листочках.

Один Иванов сидел в своем кабинете у лампы под абажуром, листал старый альбом, бережно вынимая из залипших уголков редкие фотографии, на которых стоял он в обнимку с Толяном. Вот на этом снимке Мурашов в его плаще, – Валерию Алексеевичу маловат стал плащ в животе, так Толику сгодился в самый раз. А тут наоборот, Иванов в бушлате Мурашова с лейтенантскими звездочками поверх пиджака и с его автоматом.

А на этой фотке все они по форме, на броне БТР, выезжающего из ворот базы Рижского ОМОНа на Атлантияс. И сержант Архаров рядом с ними, и Кабан, и Джефф, и Птица – молодые, веселые – море по колено было тогда. Тогда еще Балтийское. А потом – Черное, Каспийское, снова Черное. И Даугаву сменили на Днестр. А теперь вот Оредеж принял на своих берегах тех, кто остался.

– Сколько ж можно задом наперед прокручивать жизнь? – сам себя ругал Иванов. Хотя, уж сколько лет неперемотанными лежат в шкафах сотни эфирных кассет, собирая на себя губительную «статичку». И альбом этот старый пылью покрыт, задвинут был за книжки на самом верху стеллажей. Круглов, было, всколыхнул память, вымотал душу расспросами, но и это все прошло, улеглось. Но *чем* жить теперь Иванову? Полтинник всего-лишь стукнул – в больнице пришлось встречать. Прошлое осталось в прошлом, в настоящем и будущем не нужен никому Иванов, только жене, да несколькими старым друзьям. А стране опять не нужен.

– Зачем лукавил, перед самим собой кривил душой, перед Катей? «В России тьма, а за границей тоже кутерьма». Или как там? Толян любил этот кусок из Вознесенского. Умер недавно старик. И Толя умер, раньше Вознесенского! Все умирают. В России – тьма. Но за границей вообще ад. Из всего света белого, во всем мире земном только в России еще и можно жить, хоть закрывшись, зарывшись, но жить. Потому что Россия – большая. Каждому найдется, куда от себя сбечь. Надежды?

Отвоевался. Всем ведь говорил, даже Катя поверила. А и правда, нет больше сил стучаться в закрытую дверь. Соотечественники, русские, Россия-мать. Программа переселения, репатриация,

возрождение. Какое, на хер, возрождение?! Все на круги своя, только разграбленное сперва и через жопу, как фарс, возвращаемое обратно: в отданные под бани и рестораны детские сады – вернуть детей. В разворованный ДОСААФ вернуть молодежь. Чтобы подготовить к службе в сокращенной до размеров Монако армии. Да и служить будут только те, кто откупиться не может. А значит, армии нет. Стройотряды возродили – для олимпийских строек. После самой провальной в истории нашей сборной олимпиады. Вместо академгородков – инкубатор под управлением американцев – для кого? Омоновцем называть себя стыдно, после того, во что превратилась милиция за 20 лет «вставания с колен». Ничего нового, своего, не вытасченного из советских запасников не появилось в «новой!» России. Повывелись руководители, промышленники, актеры, поэты, писатели, певцы, композиторы, режиссеры, военачальники, судьи и следователи, учителя, ученые, конструкторы, рабочие, которые ту же «Булаву» в состоянии собрать умелыми руками так, чтоб не падала раз за разом. Что делать теперь, Иванов?

Кричал: лучше России нет на свете страны! И сейчас от этих слов не откажусь. Родина. Русские должны жить в России. Но даже за одно это слово – русский – все сильнее бьют, хуже, чем в фашистской Латвии. Зачем жить? Как смотреть в глаза тем, кто поверил, что только в России спасение русскому соотечественнику? Но ведь разве я соврал? Разве не так? Так что ж болит, не переставая, сердце? Почему любая новость несет в себе разочарование? Что мне нужно, чего не хватает, Толян? Как все просто было раньше, как просто...

Катерина – умнейшая из женщин, сказала: смирись. Не найдешь рая на земле, все это было и будет всегда – и бардак, и нестроения житейские, и вранье, и измена. Народ плевать хотел и на власть, и на тебя тоже. Народ сам себя управит, и сам возродит, ты-то кто такой, чтобы указивки ему раздавать? Что ответишь? Нечего отвечать на такие слова. Надо просто доживать, сколько Бог даст. Кусок хлеба добывать, на лекарства зарабатывать, косить летом газон, зимой топить систему, никому говна не делать и всё. Вот детишек еще помочь на ноги поставить, – Петров с Люсей просят Толику крестным быть – меня ждали – большая честь. Сиди,

Иванов, в келье под елью, молись за крестников, да не греши. Не суди народ – не судим народом будешь.

Есть еще в жизни радости! Так что, главное – это радости? Что ж ты тут, философию из себя выворачиваешь, а на самом деле просто жалеешь, что зубов уж нет, чтобы мясо жрать, что сердце уже не то, чтобы баб любить? Водку уж давно не пьешь, так не потому, что не хочешь, а потому, что не можешь! Что тебе до народа русского? Врешь ты все, Иванов. Поблудил бы еще, поджег бы жизнь с обоих концов, да вот только нету большей моралистки, чем старая блядь. Вот и сиди себе дома, не смейся людей, не пиши статей, не ври жене, что устал – иди лучше посуду помой или дров поколи.

Эх, Толян, Толян... Ты же крепкий такой был, тебя бы еще на сто лет хватило – пожить с молодой женой по-человечески! Что ж ты, брат? Покорился бы, знал же, что это тебя не компаньон обворовывает, а генерал проверяет – смирился, аль нет? Отдал бы свою фирму, не лез бы в бутылку, поняли бы – *спекся* подполковник Мурашов, *завязал*. Не опасен больше. И оставили бы жить. И тебя, и Дашу твою. И фирму бы вернули – пользуйся. Но ты знал, знал нашу тайну: *сделанное – не может стать несделанным*.

~~~~~

– Комары пропали, вот чудо! – неожиданно восхитилась Катерина. Белую тонкую шаль – подарок мужа, потянула с плеч, повесила бережно на ручку шезлонга, в котором сидела, вытянув ноющие ноги, наслаждаясь покоем. Глаша с Люсей, – сильные, молодые, как-то незаметно взяли в руки всё хозяйство: разогревали горячее, остужали холодное, мыли посуду, протерли даже полы на кухне. Сами заваривали и разливали чай, уже и самовар перешел из рук Иванова в ведение Андрея Николаевича. Вот он, рядом, стругает лучину, щурится от дымка. А комаров нет. Дымок есть, а комаров нет. Чудеса.

Меж тем, утренняя заря разгоралась все ярче. Солнечные первые лучи столбами света пронзали легкий туман меж елками. Тихонько хлопнула дверь в сенях – это Саша пошел в дом – проверить

пропавшего Иванова. Машенька легким неслышным шагом плыла в потемневших от росы светлых туфельках от гостевого домика – беспокоилась – спят ли близнецы. Кирилл травит анекдоты Люсе и Глаше, да не забывает настоечку подливать и себе, и им. Смех женский журчит тихонько ручейком безостановочным.

– А Круглов так и не появился больше, зря я наругалась на старика днем, подумаешь, выпил стаканчик, ой, нехорошо, обидела соседа ни за что. Но занавесочка-то у него в спальне на втором этаже шевелится, не спит, подглядывает Тимофей! Ну, сосед, ну нет слов какой любопытный до жизни! А Миша с Ларисой, соседи слева, опять в трудах. Вернулись домой за полночь, а уж скоро опять встанут и на торговлю – сезон, дачники понаехали. Надо бы молочка у них парного, да сметанки, да маслица своего для гостей спросить. И яичек домашних, да еще, может, попросить барашка нарезать завтра – пусть мужики трескают, вон их, сколько у нас собрааалоооось...

Заснула Катя. Умаялась.

А гости все никак не угомонятся, вот и Валерий Алексеевич вышел с Сашей из дома повеселевшим, повел среди ночи показывать гордость свою – маньчжурский орех. Да какая там ночь? Солнце всю светит, петухи у Миши орут на всю Вырицу! А женщины у самовара, взбодренного Петровым, все смеются, все Кирилла пытаются одолеть в словах. А тот стоит гоголем, не видит, что сзади Машенька подошла и – руки в боки – смотрит на разошедшегося полковника своего с немым изумлением.

– А вот, был еще случай в деревне у нас! Бабка одна, так же, как мы, села у самовара и давай чай гонять. Так что вы думаете? Описалась – ноги обварила! Вот вы смеетесь, а нам пришлось «Скорую» вызывать!

– Ну ладно, ладно – это сказка, понятно, я сейчас про соседа нашего – Мишу быль расскажу! Вы незнакомы еще, но познакомлю вас непременно – интересный мужик! Все образование после 8 классов – те книги, что в тюрьме прочитал. А время читать у него было, если все сроки за «хулиганку» сложить, не меньше чертовой

дюжины наберется. Так вот, вышел Миша последний раз, женился, остепенился, честней человека, работающей и оборотистой в поселке вряд ли теперь найдешь. Но удаль прежняя иногда просыпалась в нем поначалу. И ведь опять – было дело – за чужую дурь пострадал человек! Поехали они с друзьями на рыбалку. Миша с женой, все честь по чести, сидит, рыбу удит, водки не пьет, потому как за рулем...

А приятели, малознакомые, к тому же, так уж получилось, выпили крепко и решили поехать в соседний поселок на танцы. В клуб – на дискотеку. Кому их везти? Ну, раз Миша не пил, так ему, конечно! Поехали. Время к вечеру. На площади перед клубом толпа роится. И встретил один из приятелей Мишиных старого своего обидчика по какому-то делу. А может, наоборот, приятель тот мужика местного обидел, кто теперь разберет, как на самом деле было? В общем, слово за слово, чуть не драка началась. Миша из машины выходит, в чем дело толком не понимает, но знает с детства: наших бьют, в стороне не оставайся. За то и сидел три раза, честно говоря.

А вид у него, надо сказать, страшноватый, если кто с непривычки. В наколках весь – от пальцев ног – до бровей. Прямо синий, когда разденется. Ну и тут, лето, жара, – в одних шортах вышел Миша из машины, – народ местный, конечно, отхлынул в стороны.

А Миша посмотрел на толпу с высоты своего двухметрового роста и говорит: «Вы не бойтесь, я вашу деревню сильно бить не буду! Так, поучу слегка!» И тут самое главное начинается. Садится Миша на крылечко клуба и медленно, аккуратно начинает снимать тяжелые ботинки, на рыбалку специально надетые.

– Мужик, ты что делаешь? – из толпы спрашивают.

– Ботинки снимаю. Чтоб не зашибить кого ненароком, – невозмутимо басит наш герой. Ну, тут, понятное дело, не дожидаясь, пока всей деревне смерть придет, выскочил откуда-то сзади местный парень побойчее, да как даст Мише арматуриной по затылку, тот и с копыт долой. А приятели, за которых он заступаться пошел, давно разбежались, конечно, кто куда.

– Жена его подобрала, отвезла в больницу – выходили. Другой бы помер, ясное дело, но только не наш – вырицкий.

– Не может быть такого, Кирилл, вы обманываете, – заливалась Люся и не могла смех остановить, прямо грудь заболела.

– Вот, ей Богу, не вру, сам слышал, как Миша эту историю Иванову рассказывал. Да и не врет Миша никогда, он у нас парень честный.

– Боти-и-и-и-нки снял! Чтоб деревню не зашибить! Ии-и-и-и-и – визжала, дрыгая ногами, Глаша, совсем как девчонкой, в глупые 15 лет.

Кирилл, довольный произведенным эффектом, налил всем присутствующим по хрустальной рюмочке малиновой и кратко произнес тост:

– Ну, за вырицких!

Все замахнули, не чинясь. Весело было, разносолов разных съедено много, воздух свежий, прохладный, никто не пьянел, только сердце мягчело, и кружилась чуть-чуть голова от радости, от лета, от прошедшего длинного дня и от белой сказочной ночи, плавно от заката перешедшей к рассвету и новому счастливому дню.

Петров, махнувший, наконец, рукой на подуставший за сутки самовар, подошел к Люсе, обнял ее сзади за плечи, уткнулся носом в душистые волосы, поцеловал любимый русый завиток на белой шейке, – Люся прикрыла глаза от счастья, а Андрей выпрямился и весело сказал:

– История непростая, со смыслом. Были мужики у нас, много нас было. И по одному на деревню выйти не страшились, но по-честному. Сапоги снимали, свинчатку подлюю в кулак брать стыдились. Как таких не обмануть? Теперь все умные стали. Не то, что за малознакомых приятелей драться не пойдут, никого защищать не станут, даже себя. Но, слава Богу, не один еще у нас такой Миша остался. Вот об этом наверху забыли, а зря. Рано страну хороним, господин полковник, не так ли?

Кирилл не ответил. Пожал плечами, попрощался и повез Машеньку домой – на соседнюю улицу – спать.

~~~~~

Саша с Валерием Алексеевичем стояли у пронизанного рассветным солнцем, играющего прожилками огромных, резных листьев молодого маньчжурского ореха, бережно огороженного Ивановым от Марты, неистово облаивающей именно с этого угла, где орех рос, прохожих. Чтоб не затоптала ненароком, лошадь мохнатая.

– Знаешь, Сань, орех этот из Риги мы привезли, контрабандой, можно сказать, такой точно у нас с Катериной рос в саду в Икшкиле. Огромный, высоченный! И такие у него орехи странные – большие, мохнатые, тропические какие-то на вид, ну не желудь, в общем, не каштан, а просто какое-то яйцо страуса. Три штуки посадили в первый же год. Весной смотрим – ничего. Я расстроился. А на следующий год Катерина прибегает и ведет сюда – проросло одно деревце! И так быстро стало расти, за одно лето мне по пояс, не поверишь!

– Красивое! – погладил жесткими пальцами листья майор и вздохнул чему-то своему. – Необычное дерево, здорово будет здесь, среди берез и ёлок смотреться!

– В то лето, что орех вырос, Марта еще щенком была, поначалу не трогала. А зимой, представляешь, сгрызла, измочалила зубами – погубила, в общем. Я опять горевать. А тут пришла еще одна весна, и от корня сразу три ствола, три отростка ореха снова пробились на свет. И расти стали пуще прежнего! Вот я и огородил его столбиками, шнур натянул вокруг в два ряда – от Марты.

– А то она не перегрызет твой капроновый шнур, если захочет! – скептически улыбнулся Саша. – Да этот волкодав и бревно сжует, лёгко, не то что твои веревочки!

– Раз плюнуть, – согласился Иванов. – Если захочет! А она теперь не захочет...

– Что так? – недоверчиво спросил Анчаров.

– О, тут целая история, Санёк! Видишь, у нас все цветники деревянными столбиками огорожены, и капроновый шнур вокруг

натянут? Вместо палисадника. Но наша бабака и любой палисадник перепрыгнет, опять же, если захочет! А идея как раз в том, чтобы она *не захотела!* Все собаки любят рыть ямы. К кому не пойдешь из собачников – весь двор изрыт. Ну и Марта, конечно, как что посадит Катерина, так сразу копать – они же свежую землю любят раскапывать, дёрн их не заставишь рыть! В общем, не только орех наш, все клумбы были под угрозой. Надо было что-то решать – или собака, или никаких клумб. Газоны и кусты. Но после истории с орехом я все ж придумал клумбы веревочками огораживать. Просто как знак для Марты – сюда *нельзя*. Ни при каких обстоятельствах!

– А она так и послушалась, – засмеялся Саша, радуясь, что Иванов отвлекся, что разговор такой простой – о житейском, без подвохов и горьких воспоминаний. Он полез машинально в карман и закурил, крепко затягивался с видимым удовольствием, не отдавая себе отчета в том, что не кашляет почему-то больше, и грудь не болит, и дышится легко, как раньше, до дырки в легких.

– Нет, конечно! Характер тот еще был у бабаки в детстве – кремень. Норову было... Но ничего, воспитал. Где любовью и лаской, а где и пороть пришлось, как бы жалко не было. Ради неё самой, понимаешь?

– Как не понять, сам иногда жалею, что мало меня родители драли, – снова засмеялся Саша, легко, без хрипа в легких, совсем как прежде.

– Все поняла моя умничка! Шнура ушло – не одна сотня метров, правда! Она перегрызет, – я ее выдеру, на поводок посажу, новый шнур натяну, она опять... Так продолжалось с месяц, наверное, кто кого? И вот, когда я уже отчаялся, не было больше сил несчастную собаку лупцевать, Марта смирилась. И с тех пор за ограждение и лапы не поставит. Даже если кошка там будет сидеть, все равно – не перешагнет барьер, и даже не подойдет близко. Мячик ей кинешь, играя, случайно в цветы закатится за веревочки, она бежит на рысях, а перед клумбой тормозит всеми четырьмя лапами, как в мультике про Тома и Джерри. Так что, теперь у нас проблем нет. И Катя довольна – выращивает все, что ей вздумается, я только огораживаю. Да и Марте места побегать все равно хватает – участок большой. А вообще-то, поначалу, полгода ей было, уже

здоровая стала, зубастая, как пила; и Катя, и я сам, признаться, даже побаиваться ее начали! Сильный характер у нашей бабаченции! Но, умом тоже Бог животину не обидел. Живем теперь душа в душу. Уж и не помню, когда ее наказывал последний раз – все сама с первого слова понимает. Она у нас и дома живет, и во дворе, гуляет свободно, как захочет. Ей главное, чтобы караульная служба была поставлена. Сама всех сосчитает нас, кто, где находится, проверит, кто чем занят. Успевает вокруг участка патрулировать, чужого просто так не пропустит. А захочет, сидит дома, спит себе тихонько, или писать мне помогает – всегда лежит рядом. И ни одного перегрызенного шнура или там поцарапанной мебели. Ведет себя, как приличный человек, многим бы людям в пору!

– Верю, верю, – Анчаров потрепал давно уже подбежавшую к ним овчарку, как будто понявшую, что «папа» о ней рассказывает. – Пойдем, Валера, съедем чего, что ли? Что-то аппетит вдруг проснулся. Там у вас такой холодец Катерина наварила! Да и рюмочку не помешало бы принять!

– А давай, – оживился Иванов и повел старого друга за стол, на опустевшую веранду. Сели вдвоем, навалили на тарелки холодца, горчички, хрену, черного свежего хлебушка. Майор потянулся к графинчику с водкой и бальзамом, уже не раз сегодня опустошенному и наливавшемуся вновь. Налил грамм по сто в два фужера, потом спохватился, – ты ж не пьешь больше вроде?

– Десять лет считай! Как сорок разменял, да новое тысячелетие подгадало, так и бросил. А сейчас выпью. С тобой!

– А не заведешься с отвычки? Катерина меня в колодце утопит, – испугался Саня.

– Не заведусь. Теперь можно. Да и мотор отпустил вдруг, бьется без перебоев и дышится легко, и вообще, черт с ней, с диетой! Надо жить, сержант Архаров!

– За тебя, Поручик!

– За тебя, майор!

Закусили, посмотрели весело друг на друга, налили еще по одной. Пили не хмелея, весело и азартно, – головы оставались ясными, только души согрелись, и ушла тоска, нет-нет, да и грызшая друзей

сегодня при виде молодых и здоровых Люси и Глаши, крепкого, спортивного Петрова, о малышах уж и не говоря. Даже Машенька с Кириллом, хоть и постарше были, а все равно выглядели крепкими и здоровыми, не то, что старые друзья – рижане. Но в эту ночь как-то неожиданно и чудесно, в короткий миг между вечерней и утренней зарей что-то изменилось в мире, и в них самих.

– Как думаешь, Поручик, много наших уцелело?

– Не знаю, Саш, не считал. Всех разбросало, и время такое всё подлое было – чем меньше про своих знаешь, тем лучше спишь.

– Да, мы с Толяном, Царствие ему Небесное, в Приднестровье тоже в последние годы одни остались. Кого подстрелили, кто уехал, кто ушел на дно. Вот и нам надоело топтать виноградники. Потянуло домой. А оно вон как вышло. Нашли свое счастье, да только в руках не удержали. Я-то выплыл, слава Богу, а Толян с Дашкой – нет. Хотя, справедливей было бы наоборот, ведь это он наш переезд устроил, и с генералом торговался тоже он. А мы с Глашей своё счастье к Толяну прицепили, как товарняк за паровозом. Ну, Кирилл тебе наверняка все рассказал уже. Давай, помянем ребят, да будет им земля пухом, Поручик!

Выпили, а закусывать не стали, пусть горечь останется на языке и во рту мимолетным знаком Толяну с Дашей – мы помним о вас!

– Ты счастлив, майор?

– Я не знаю, Валера. Сейчас да. Первый год, до ранения, как на крыльях летал. А вот еще недавно... Ну, короче говоря, не обещал бы Глаше, что ее никогда не брошу и выращу детей – натворил бы делов. – Анчаров помолчал, повертел в руках фужер, поиграл искорками на утреннем солнце. – А у тебя тут, как в раю.

В круизе когда были, там певичка песню пела, про рай. Душевная такая песня... Что ж ты невесел, а?

– Сейчас весел, Саша. Да не от водки, от того, что вы рядом. А руки опустились. Никак не заставлю себя просто жить. Ухаживать за Катей, водить ее в оперу, кутать ей ноги, усаживать поближе к камину, стихи читать, покупать безделушки, в Венецию свозить обещал, да все недосуг. А она так Венецию любит! И солнце. А я её завез в Петербург и в деревне бросил. А ведь, если бы не Катя, я бы тоже уже не жил, майор. Она меня к жизни вернула тогда, в

двухтысячном. Вернулись в Россию вместе. Но понимаешь, она ведь умная, образованная женщина, она же перечитала все книги мира, она же литературовед и философ, моя Катерина! А я ее в Живой журнал засадил. Вот, общайся, с кем хочешь, на умные темы. В городе квартирка маленькая, а тут хозяйство развели, собаку... В Питере Катя тоже жить не хочет – душно, говорит. Вот и сидит сутками в Интернете. А мне дело надо делать – страну спасать, которая об этом вовсе меня не просила.

– Нас и в 91-м никто ни о чем не просил, Поручик. Наоборот, уговаривали не вмешиваться. Неужто жалеешь?

– Нет. Не жалею. Да вот только, перевороту ельцинскому уж 20 лет настаёт, а перестройка все не кончается.

– Ну, тебе-то что? Ты же так жизнь любил, ты ж с Толяном такие фортеля выкидывал! Никак не мог понять, как в вас все это уживается со службой, с этим, как его, долгом, что ли?

– А в тебе как все это уживалось? Забыл?

– Но столько лет прошло. Тишина. Покой. У меня вот дети. У тебя, Бог даст, скоро все же будут внуки. Что надо нам еще? Дом у вас роскошный. Не вилла рублевская, а настоящий русский дом – простой и уютный. Жена – сокровище. Голодом не сидите, хоть и роскоши нет. Так видал же ты всякое, знаю я теперь. Ну ладно, молодое отошло, – это я с Глашей закурил, не оторвусь, как восемнадцать мне опять. Не поверишь, уже третий год пошел, как мы вместе, а я, как ее увижу, так будто я все еще солдат молодой из Кандагара, что женщин не видел второй год. Но чувствую, скоро это пройдет, хотя я и моложе тебя на пяток лет, но тоже не мальчик. Останется доверие, семья, уют. Все то, чего у тебя сейчас в достатке! Что ты мечешься, старик, что покою тебе не дает? Вырица твоя – рай, рай! Хоть бери Глашу под мышку с ЛюДашей вместе и рядом дом покупай!

– Дом у тебя здесь уже есть, майор. И прощаться нам еще рано, только приехали! И я вас скоро не отпущу, не надейся. Кто знает, а вдруг зимовать оставлю? Не побоишься?

– Я – нет. А Глаша с ЛюДашей со мной на край света, так что не пугай!

– Я не пугаю, – посерьезнел вдруг Иванов и налил обоим на посошок перед сном. – Я тебя предупреждаю, Алишерович, просто предупреждаю...

– А, нашел чем пугать, – отмахнулся Саня. Выпил еще водочки, огурчиком похрустел и пошел за Глашей, явно с намерением хорошенько проститься с женой перед сном.

Иванов вспомнил вдруг детство свое в пустыне, на пограничной заставе, фильм любимый, где все так похоже было на первые младенческие воспоминания:

– Хороший дом, хорошая жена. Что ещё нужно человеку, чтобы встретить старость?

– Не много ли товару набрал, Абдула? И, поди, всё без пошлины?

– Хочешь, мы заплатим золотом?

– Я мзды не беру, мне за державу обидно!

Глава пятая

Спали долго. Маша специально прибежала пораньше – взять на себя близнецов и Толика, чтобы родителей не будили. Накормила, усадила малышей играть на травке.

– Сама бы еще поспала, но ничего, ничего, успею выспаться, все успею, – думала она про себя, вспоминая с улыбкой Кирилла, и его внезапно проснувшийся утром совсем не полковничий пыл. Как лейтенант молодой ворвался Кирилл с полевыми цветами в росе к ней в спальню сегодня. Почти не поспал. А спали уже давно раздельно, потому как Кирилл храпел невероятно. А тут, разбудил, цветы мокрые, душистые бросил на грудь и...

– Неужели и за пятьдесят жизнь еще продолжается? – нежно спросила кого-то Машенька и снова захлопотала вокруг детей.

Полковник Плещеев знал, что просто так на пенсии не отсидится. И как в воду глядел. За день буквально до сбора гостей в Вырице, заиграл любимой мелодией давно уже молчавший мобильник. Его и с собой перестали брать, лежал он на письменном столе у полковника, чтобы не забыл тот перезарядить игрушку на всякий случай – для порядка. Лежал, молчал. И вдруг заиграл. Плещеев даже ушам своим не поверил. Машенька дома, на кухне возится, а больше звонить некому. Постоял у книжных полок, на которых выбирал книжку – пойти в сад, почитать; постоял, пождал, ну,

перестанет ведь когда-нибудь! Но телефончик доиграл мелодию вызова до конца и запел по новой. Делать нечего, и хоть никто не любит в России с давних времен ни стука в дверь неожиданного, ни звонка без причины, а пришлось ответить незнакомому абоненту, номер которого не определялся на автоответчике.

– Кирилл, сколько лет, сколько зим, здравствуй, дорогой!

– Здравия желаю, господин генерал-лейтенант, – сухо ответил в трубку полковник, чувствуя, чуть ли не первый раз в жизни, как льется по позвоночнику струйкой холодный, противный, трусливый пот.

– За что ж ты меня «господином», товарищ полковник? Ты, вроде, этого обращения не полюбил в свое время...

– Моё время кончилось. Я на пенсии.

– Какая у нас тобой может быть пенсия? Хотя. Пенсия, конечно, может быть, а вот в запасе никто из нас и на пенсии не отсидится, – тонкий фальцет генерала в мобильнике перешел в насмешливый посвист.

– Слушаю вас, господин генерал-лейтенант.

– А где, «чем могу служить, ваше высокоблагородие»? – издевался уже неприкрыто генерал.

– Я своё отслужил, – продолжал гнуть свою линию Кирилл, моля Бога о том, чтобы не прибежала вдруг в кабинет Машенька со свежеиспеченным пирожком на блюдечке.

– Это ты Родине отслужил, Кирилл, а мне еще нет!

– Тебе, генерал, все крови мало?

– Дерзишь не по чину, – после долгой паузы спокойно ответил собеседник. – Но ладно, прощу на первый раз. Завтра на рыбалку приглашаю. В Вещёво, на охотничью базу, ты это место знаешь.

– Далековато все же, чуть не в сердце Карелии, может, поближе где рыбку найдем, товарищ генерал? – начал поддаваться голосом Плещеев, а на лице его появилась, меж тем, странноватая задумчивая улыбка. И холодный пот высох.

– Ах да, тебе ж послезавтра гостей дорогих встречать, – без ехидства, неприкрыто торжествующе нанес Щербатый удар под дых. И не понял, что этими словами сам себе жизни оставил на одну рыбалку с отставным полковником.

Генерал Щербатый был предателем «по жизни», как сейчас говорят. Все это знали, и именно потому генерал ничего не боялся и позволял себе такое, о чем и самые прожженные мерзавцы побоялись бы даже подумать. Как водится, от говнистого офицера его прямое начальство на местах избавлялось привычным способом – отправляло с глаз подальше на повышение. Так и дорос до Москвы и до второго генеральского чина бывший особист из Прибалтийского военного округа, службу начинавший и вовсе в Монголии.

Кирилл, решивший в 91-м году остаться в контрразведке лишь для того, чтобы «минимизировать вред» от таких вот «щербатых», во множестве расплодившихся в КГБ перед перестройкой, генерал-лейтенанта знал давно, еще по Риге. Уже к концу восьмидесятых новый генсек поменял три четверти руководящего аппарата в стране. В обкомах и крайкомах партии, в республиканских ЦК, в экономических министерствах и идеологическом аппарате, в армии, милиции и, конечно же, в госбезопасности Горбачеву с Яковлевым удалось поставить на ключевые посты своих ярых приверженцев, таких же, как они – «Меченый» и «Хромой бес» перестройки. Именно потому удивляются сейчас наивные люди порой, как же это вышло, что никто почти не сопротивлялся гибели страны из тех, кому ведать положено. А вот так и вышло. Низшие звенья и редкие одиночки – не в счет. А рыба, как ей и положено, сгнила с головы.

Прошло четверть века с начала перестройки, двадцать лет – тоже юбилей – окончательному распаду Союза. Всё бы ничего, да вот только самое худшее из советской системы власти последовательно стало воплощаться и в новой России. И то же отношение к русскому народу, и подкуп национальных элит, и обескровливание центральной России в пользу обнаглевших автономий. «Любовь не купишь» – любил в своё время поговаривать Кирилл, глядя на то, как ведут себя отпавшие от России союзные республики, нагло кусающие все еще продолжающее их кормить вымя. Сейчас то же самое продолжалось уже в границах Российской Федерации.

А Щербатый процветал и поднимался все выше и выше, не забывая при этом богатеть, под стать иным олигархам. Дал слабину Кирилл, позволил себе сделку с алчным и расчетливым московским

начальником своим. Себе и Машеньке спокойную старость вдвоём выторговывал полковник. Приднестровцам – бывшим рижанам, послужившим пешками в их с генералом игре, пытался выторговать жизнь и свободу. Все по-честному. Но генерал был предателем по жизни. И свидетелей не терпел. Вину Щербатого в гибели подполковника Муравьева и Даши Кирилл мог бы даже доказать – было бы кому! О том, что и Анчаров с Петровым чудом выкарабкались *вопреки* воле генерала, Кирилл раньше только предполагал. Теперь полковник был в этом уверен. И знал, что главный свидетель по этому делу Щербатого – он сам. И бывший сотрудник Кирилла, офицер и нынешняя жена – Машенька, тоже.

Кирилл повеселел, как всегда, когда принимал твёрдое и бесповоротное решение и сбежал по скрипучей деревянной лестнице вниз, на кухню, пробовать уже испечённые – запах, разнесшийся по всему дому, не обманывал, пироги. Машенька редко радовала мужа печёным – диабетик всё же...

~~~~~

– Сашуля, как здесь хорошо! – проворковала, промурлыкала, пропела в ухо мужу, прильнувшая к нему Глаша.
– Хорошо – не то слово, – отозвался Анчаров свежим, не заспанным голосом, громко и звучно, без привычных в последнее время покашливания и хрипотцы.
– Дерево кругом! – глаза-озёра, тёмно-карие омуты глаз, одни глаза, казалось, сверкали на исхудавшем за последнее время лице Глафиры. Она задумчиво и тщательно осматривала вагонку на потолке их спальни в гостевом домике, впитывая на память причудливый, всегда неповторимый узор. Где-то за стенкой, тоже деревянной и без обоев, закудахтали куры, сообщая, что яиц в курятнике прибавилось. Там, за стенкой домика, стоявшего на самом краю Ивановского участка земли, начиналась соседская территория. Сосед – неутомимый Миша, держал кур, гусей, баранов, бычка, поросят, коз, – все это понятно было, даже если не заглядывать в окно небольшой кухни, выходившее на соседский двор. Слышно было, как в студенческой глупой песне: «а уточка кря-кря-кря-кря, а коровка му-му-му-му, а козочка ме-ме-ме-ме»...

Необычно рано зацвел в этом году жасмин, и опять, как в песне, тянулись ветви с белыми цветами в открытое окно спальни, и пахло дурманящим голову жарким летом, летом в самом разгаре, в самой красе. Саша потянулся к молодой жене, откинул простыню, привлёк к себе горячее стройное тело, начал целовать всё, что только попадалось или подставлялось сухим горячим губам.

– Санька, дети! – отбивалась и одновременно сама льнула к жилистому, смуглому мужу Глафира.

– А что дети? ЛюДашу давно уже Машенька выпасает на травке. Думаю, что и покормить не забыла, – пробормотал муж, становясь все нетерпеливее и настойчивей в своих ласках.

– Саша!!! Да что с тобой, юноша! Дай хоть в туалет сбегать, – смеялась Глафира, уже тая, тая, тая, как снежинка на горячей ладони мужа. – Откуда снежинка летом? – успела еще подумать она перед тем, как голова отказала напрочь, и остались одни чувства, одно лишь неутолимое желание во всем теле. – Ах, снежинка – это жасмин, жасмин... – Глаша втянула ноздрями запах солнца и цветов из окошка, стыдливо задернутого, когда он успел? – кисеёй. И растворилась в муже.

Потом сбегали умыться на двор, – к стене домика был приколочен даже не рукомойник, нет – большой нержавеющей бак с уже нагретой за утро чистой, без городской хлорки, водой. В большом доме были, конечно, все городские удобства – и ванная, и горячая вода и прочее. Но это так привычно, а простой рукомойник уже стал экзотикой для горожан. Саша даже из ковшика, заботливо повешенного рядом с баком на гвоздь, окатился, прыгая в одних трусах по траве, смешной заводной игрушкой на кривоватых ногах-пружинах.

– У нашего Сашки мохеровые ножки, – дразнила Анчарова жена, с улыбкой глядя на мохнатого смуглого... мальчика, пляшущего папуасом вокруг неё – русской девушки в просторном сарафане, с растрепанными тёмными волосами, загорелой и смуглой – мужу под стать. – Ожил! Ожил мой ключик к счастью на много лет! А то были не глаза, а, сам про себя говорил хмуро, бреясь, – не глаза, а дульный срез.

– Папочка-мамочка-папочка-мамочка! – заверещали пронзительно громко близнецы, спеша и спотыкаясь, и растягиваясь нарочно на травяном ковре; бежали впереди Машеньки – глаз не спускавшей с детей, а за ручку еще держался, шествуя чинно и важно, как подобает мужчине, маленький Толик – светлый как одуванчик. Эх, подрастет – потемнеет, будет русым – в папу с мамой. Глаша бросилась к детям, а майор ойкнул непроизвольно, заметив Машу и побежал в домик – одеваться.

Дом просыпался после бессонной ночи. Уселся на крылечке веранды Иванов с первой утренней кружкой кофе и сигаретой. Смотрел на небо над головой, на зацветающий клевер, искорками расцветивший газон, на высоченные, усыпанные разноцветными цветами толстые стебли дельфиниума и садовых колокольчиков; стебли, согнувшиеся от тяжести собственных цветов, колышались плавно от порывов веселого ветра. Марта тут же прибежала, вскочила по деревянным некрашеным ступенькам на крылечко и тяжело плюхнулась рядом с Ивановым, придавив ему, по обыкновению, босую ногу горячим от солнца мохнатым телом.

– Это я просто заскучал от одиночества, – думал про себя Валерий Алексеевич, поглаживая Марту, покуривая, отпивая по глоточку крепчайший кофе с лимоном из большой кружки. – В Москве ведь людей миллионы, а все равно – один. Дома – Катя, Марта, соседи, а вот не хватало чего-то из той, давно ушедшей жизни. И хотя никогда не терзала меня ностальгия по Риге, а вот по людям, которые из нее разъехались вместе со мной во все стороны света, скучал, оказывается. И Санька, и Петров – как вовремя они появились у нас! И славные их жены, и дети. Эх, Толян, Толян! Тебя бы еще к нам и ничего мне больше не надо на *этом* свете. А вот если бы вернуть здоровье, денег немеряно заработать, путешествовать с друзьями по всему миру на белом круизном пароходе – по морям по волнам, нынче здесь, завтра там?!

Марта завозилась у ног, изогнулась гибко, голову подняла и посмотрела на Иванова с укором. Иванов вздохнул:

– Не бойся, Мартыня, мы с мамкой тебя одну не оставим. Куда мы без тебя? Видали мы уже эти дальние страны. Посидим дома, сколько уж там осталось?

Марта посмотрела хозяину прямо в глаза, подмигнула, высоко подняв короткие щетинки бровей, опустила большую, тяжелую голову на лапы, вздохнула шумно и замерла успокоенно.

– Наверное, воспоминаниями одними жив человек. Вот и мне, чего не хватало? Друзей? Нет, общих воспоминаний. Чтобы «жил, был я» не в одиночестве звучало. Ага, ага, а еще лучше, чтобы вся страна с тобой в унисон этими воспоминаниями жила, да? Чтобы все любили одно и одно с тобою ненавидели. Чтобы все защищали общие ценности вместе с тобой. Тогда бы ты был счастлив, Иванов? – сам себя спросил Валерий Алексеевич.

– А что, одна на всех Родина, одни ценности у одного с тобою народа, разве это эгоистическая блажь? Одна вера на всех – это блажь? Знаем мы, во что мультикультурализм и свобода греха превращается. Где она, цветущая разнообразием наций Европа? Весь мир по одному шаблону живущий – это что, свобода воли, Господом дарованная? Все одинаковые в мире Рах Americana тебе не нравятся, а единства своего народа тебе охота? – сам с собою разговаривал Иванов, забыв про остывающие остатки кофе.

– Так меру же знать надо, меру!

– А кто ее определит? Ты один?

– Народ. Церковь. Цвет нации.

– Ага, знаем мы, кто у нас теперь цвет нации... Тьфу!

Валерий Алексеевич больно прижег губу, попытавшись затянуться не с того конца догорающей сигаретой и раздраженно рывкнул на тут же вскочившую на лапы, готовую защищать хозяина Марту:

– Сидеть! – тут же стыдно стало. – Прости, зайка, ты хорошая, хорошая. Это папка твой дурак. – Иванов похлопал собаку успокаивающе, бросил злосчастный окурок в пепельницу, прихватил чашку с остывшим кофе и побрел в дом – бриться, мыться, одеваться, завтраком гостей кормить, показывать дорогу на речку; да и шашлык вчера так и не поджарили, ждет своего часа в огромной кастрюле...

~~~~~

Завтракать припозднились. Когда все гости собрались за большим, да еще и раздвинутым до овала круглым столом дедовской выделки, многие люди обедать собирались, наверное. Но, пусть их, «этих людей». Нам все равно, что они скажут!

Перешучивались Петров с Люсей, долго не спускавшиеся вниз со второго этажа, где была отведена им спальенка. Да там, наверху, комната не одна еще была в запасе, разве что не обставлены пока – никогда еще не собиралось у Ивановых столько людей сразу. Всех гостей большой свадьбы можно было бы спать уложить, случись такое дело. Да только свадьбы все уже позади. Вот детишки подрастут, тогда, может, еще и погуляем. То, что Толику уже уготована судьба либо с Люсей, либо с Дашей, тут уж близнецы сами решат, – всем было понятно. Хотя, жизнь, она ведь штука такая, никогда еще не удавалось родителям за детей своих жизнь прожить, все равно это уже их, малышей, *собственное* дело.

– Валерий Алексеевич, а ведь муж мой с утра встает и говорит: я отныне здоров и таблеток и процедур лечебных более не желаю! Меня Вырица вылечила, говорит. И ведь серьезно так говорит, не шутит! – Люся пытливо посмотрела на Иванова зелеными глазами – свежими, ясными, молодыми, не скажешь, что доктор наук. Просто красавица молодая и даже где-то озорница. – Открывайте секрет, дорогой хозяин, что тут у вас за чудеса?

– Да вы, Люся, и Андрей с вами вместе, просто закисли в городе среди гранита, дождей и туманов с Невы. А тут у нас деревня. Вот и весь секрет, – попытался отшутиться насторожившийся невольно Иванов.

– Воздух тут, Люсенька, воздух, как в детстве, вот и все дела. Не могу надышаться просто, – поддержал Иванова Саша Анчаров. – Нет, Валера, я и в самом деле другим сегодня проснулся, – совершенно серьезно заявил, не забывая уплетать блинчики с домашней сметаной, Петров. – И грудь зажила. – В качестве доказательства Андрей Николаевич не постеснялся расстегнуть до пула легкую модную рубашку, заботливо отглаженную с утра Люсей. Все ахнули. Там, где была сплошная рана, состоящая из множества микроскопических, но глубоких порезов, рана, не заживавшая толком второй год, влажно поблескивала чистая,

гладкая кожа; только немножко черточками вдавленными покрытая, как будто на траве отлежал грудь Петров, загорая.

– Я ведь дама не простая, ученая, – очень просто сказала Люся. – Бывает такое иногда с другими болезнями и другими травмами. Но не с этим делом.

Все вдруг замолчали. Даже дети, весело оравшие от восторга во дворе, рядом с верандой, прыгая вокруг невозмутимой Марты, не желавшей отдавать им свой любимый мячик.

Переглянулись со значением Саша с Глафирой. Петров позабыл застегнуть рубашку, с удовольствием поглаживая себя по переставшей наконец-то саднить груди. Машенька метнула острый взгляд черных цепких глаз на неожиданно помолодевшего диабетика Кирилла. А тот на жену посмотрел, поняв, что не показалось ему сегодня утром – снова расцвела подруга, почти как в начале их совместной службы.

Только Иванов с Катериной, как ни в чем не бывало, закусывали всякой консервацией, привезенной во множестве хозяйственной Глафирой из Костромы. Но теперь все гости смотрели, не отрываясь, на хозяев дома, как будто те знали какой-то секрет и им не рассказывали.

Катя первой не выдержала неловкой паузы и буднично сказала: – Радоваться надо, милые мои, радоваться и всё. А вопросы эти не к нам. Просто так совпало счастливо ваше выздоровление – когда то ж должно было это случиться?

– И то верно, жаль только, что мне еще за руль, а то вдарил бы я по настоечке за наше здоровье, – зачастил Кирилл. – Давайте-ка собираться, товарищи, а то приедем на речку в самый солнцепёк, еще удар хватит! – Полковнику и в самом деле хотелось куда-нибудь поскорее уехать, неровен час, нагрянут гости, да с ордером. Не хотелось бы в такой момент Машеньку расстраивать. А хотелось протянуть еще хоть на день счастливую встречу друзей, так неожиданно намеченную еще два года назад на белом круизном пароходе «Петербург». В августе 2008 военного года.

Глава шестая

– Поедем, красotka, кат-а-а-а-ться, давно я тебя поджидал! – весело распевал Иванов, закрывая ворота за выехавшими на улицу петровской «Джеттой» и кирилловым «Доджем». Да и то, едва вся компания разместилась на двух машинах. Валерий Алексеевич на правах хозяина и проводника уселся в «Джетту» рядом с Петровым, а Люся с Катериной и Толик устроились на заднем сиденье. Андрей Николаевич подмигнул Иванову, знал, что любит тот советское ретро, – когда-то, еще на ТВ Riga, Валерий Алексеевич даже передачу специальную выпускал с собственными клипами на музыку, тогда еще почти запрещенную, еще не растиражированную теле- и радиостанциями на безрыбье нынешних безликих исполнителей «новыми – старыми песнями о главном». Подмигнул Петров и тронул уверенно пальцем кнопку дивидишника «советской», по названию судя, фирмы «Пионер».

И вместе с машиной, легко тронувшей с места, покатила прозрачным ручейком да по круглым камешкам знакомая мелодия Анне Вески:

*Руку мне дай на середине пути.
Руку мне дай, нам еще долго идти!
Пусть на пути мы иногда устаем,
Все же идти нам будет легче вдвоем!*

Веселая кавалькада автомобилей проехала мимо аккуратной, «профессорского» вида, ухоженной дачи Круглова, потом мимо большого, но полуразвалившегося цыганского дома, рядом с которым в пыли, мусоре, старом железе и высокой некошенной траве закричали истошно, запрыгали, глядя вслед сверкающим машинам полуголые, смуглые ребяташки. Мелькали за опущенными, несмотря на жару и включенные кондиционеры, стеклами аккуратные серебристые елочки у вычурных кованых ворот, и лопухи с чертополохом перед полусгнившим штакетником, новомодные крыши, покрытые «черепицей» из рубероида, и старый добрый шифер или крашеное железо высоких, с мансардами добротных срубов довоенной ещё постройки. А вот и

«диким камнем» выложенные стены особняка таможенника, а здесь геологи живут, переехавшие в Вырицу из Латвии, как и Ивановы, а там электрик наш местный – он русский из Казахстана, – периодически комментировал Валерий Алексеевич окружающий пейзаж. Гости, как и положено, только успевали головами мотать – направо – налево. Но песню хотелось послушать, и Иванов махнул сам на себя рукой, да и Катерина сзади тронула за плечо мужа – умолкни, наконец! Уловив настроение, Петров сделал музыку погромче, так, чтобы и в «Додже», плавно плывущем, покачиваясь на ямах, как на волнах, было слышно знакомый с «довоенного времени» эстонский акцент певицы.

*Позади крутой поворот, позади обманчивый лед,
Позади холод в груди, позади!
Позади крутой поворот, позади обманчивый лед,
Позади холод в груди, позади, все позади!*

На повороте к лесу (надо было ехать к центру поселка в объезд, через железнодорожный переезд), прыснули испуганно, как тараканы, строители-мигранты, возводившие кому-то из новорусских чиновников очередной дворец. Про «чиновника» всем и без объяснений Иванова стало ясно – посреди огромного участка качалась макушкой на ветру добротная, выше сосен, железная мачта с российским триколором на ней; да даже на новенькой, на заказ сделанной, табличке: «Осторожно, злые собаки!», украшавшей калитку в двухметровой стене забора, – даже на табличке этой, рядом с профилем злобной овчарки красовался разноцветной эмалью российский флаг.

Люся, не стесняясь, обняла сзади Петрова за голую шею, подергала, ребячась, за красные от жары уши. Водитель глянул, улыбаясь в зеркало, Люся с Катериной показали ему большие пальцы – здорово, дескать, и покрутили в воздухе – сделай еще громче! Ехали через высокий, густой лес, напоенный жарким смолистым запахом сосен, еловой хвои и шишек; пронизанный солнцем, поджегшим тёплые даже на вид стволы деревьев.

*Мир так велик, и не кончается путь.
Только на миг можно ресницы сомкнуть.*

*И стороной нам не пройти, не свернуть,
Только порой можно устало вздохнуть:
Позади крутой поворот, позади обманчивый лёд!
Позади холод в груди, позади, все позади!*

Даже Катерина, не любившая советских ВИА с детства, выросшая на классической музыке, вслушиваясь в слова, невольно стала подпевать *со значением* Люсе прямо в ухо, и слеза показалась неожиданно в и без того блестящих карих глазах, а потом отразилась слезами в люсиных зелёных. Ехали, ревели от счастья, обняв друг друга, две женщины, зажав меж собой хохочущего, выворачивающегося младенца – Толика. Не было подруг настоящих никогда ни у Люси, ни у Катерины. К ним тянулись многие, но не совпадали: душою ли, настроением ли бабьего ума, а тут вдруг, впервые в жизни, повезло – есть с кем поговорить по-мужски о женском, о том, о чем и мужу никогда все равно не скажешь.

Преодолели рельсы, успев еще увидеть на переезде хвост удаляющейся, свистнувшей призывно, электрички; выехали на Сиверское шоссе вскоре и понеслись к зданию главной вырицкой станции – просто так – покататься, да просторный, больше районной столицы – Гатчины, по площади, поселок поглядеть.

*Мы не одни, ну оглянись, оглянись!
Это наш путь – он называется жизнь.
И не грусти, тебя прошу, не грусти!
Столько у нас уже всего позади...
Позади крутой поворот, позади обманчивый лёд,
Позади холод в груди, позади...*

Сзади посигналил басовитым гудком и помахал лапищей из открытого окна Кирилл: видим, видим, следуем за вами!

Вокзал свежепобеленный, с красной крышей, – игрушечный сахарный домик сталинской постройки. А за ним, конечно же, небольшая площадь с автомобильным кругом, в центре которого скверик, а в нем памятник над братской могилой вырицких солдат, погибших в Отечественную. И цветы живые, и ухоженные

надгробия с искусственными венками – память. А дальше Дом культуры с высокими колоннами у входа, – Большой театр маленького поселка, не иначе. Новенькая детская площадка, яркая, как набор кубиков, бывших у каждого в детстве когда-то, и табличка красуется: «Мы любим наш поселок!» Базарная площадь, торговые ряды, выплеснувшиеся летом за ограду рынка, магазины, павильоны, новые (в советское время) микрорайоны пятиэтажек. «Пятерочка» и «Полушка», тоскующие в ожидании покупателей, предпочитающих торговым новомодным сетям маленькие вырицкие «ЧП», где продавцы тебя знают, где тухлятину не подсунут, дорожат репутацией. Впрочем, летом и в самом деле, вместо полутора десятков тысяч постоянных жителей Вырицы, съезжаются на сезон еще сотня тысяч дачников – эти все сметут с прилавков и по любой цене, от того и фрукты с овощами у нас летом дороже, чем в Питере, в два раза.

Оредеж, причудливо петляющий меж высоких берегов, переехали несколько раз по разным мостам туда-сюда. Вот старинный деревянный особняк Чуриковцев – трезвенного братства, основанного еще до революции – пронзительно голубой, потешный, веселый до невозможности. Больница, поликлиника, опять переезд, опять магазины, универмаг, и лес кругом пятнами, и пронзительно высокие *дали*, и снова – то школа, то частные домики разного калибра и красоты – от трущобы до бревенчатых теремов многоэтажных – в стародавние времена и царю такие хоромы были бы в пору. В одном дворе памятник Сталину стоит гипсовый, в натуральную величину, раскрашенный ярко масляными красками. В другом – камень молитвенный, на котором еще святой Серафим страну от войны вымаливал, – скромно прячется в частном саду. А в этом пивбаре встречают посетителя не только бармен за стойкой, но и большой алюминиевый бюст Путина, страшный и комичный одновременно.

Утомились – велика Вырица, на машинах и то всю не объедешь за день, петляя по сотням кривых улочек и закоулков. Подъехали к главному вырицкому храму – иконы Казанской Божьей матери.

Вышли тихонько из машин, уgomонили деток и долго стояли, задрав головы, разглядывая высокую, бревенчатую, в старорусском

стиле построенную сотню лет назад, церковь. Плыл меж соснами остроконечный купол, гордо красовался в синем безоблачном небе крест православный. А в обширном церковном дворе – цветы. Голубенькие, синенькие, красные, да ромашки белые, да скамеечки деревянные резные и церковная лавка срублена совсем недавно, тоже бревенчатая, и красота кругом тихая, простая, неброская, но *настоящая*, не целлулоидная, как, скажем, в лужковской Москве.

Зато туалет, притаившийся за елочками подальше от храма, чище и современной, чем в европейских столицах, честное слово! И фотоэлементы, и кафель, и полотенца бумажные и воздух свеж, – не про это бы рассказывать, но ведь могут люди русские всё соблюсти – и бытовое и высокое – в красоте и порядке. Если им хотя бы *не мешают*. А вот и шатры натянуты, а под ними самовары, да выпечка – девушки в платочках предлагают многочисленным паломникам угощение. Автобус за автобусом, через один – с заграничными номерами, то и дело подъезжают к церкви. Ведь там, за Казанским храмом, главное сокровище вырицкое – часовня рубленая с мощами святого преподобного Серафима.

Отключили мобильники, приструнили снова расшалившихся детишек, перекрестились у входа и вошли в храм. Очередная группа паломников схлынула как раз, и в церкви царила любимая Ивановым тишина, как зимой или глухой осенью, в будние дни, когда только свечи горят перед образами, да местные прихожане, не мешая друг другу, молятся Богу наедине с Ним. Конечно, радостно, когда на службу придешь, а церковь полна и помолишься вместе с народом, но это – по выходным. А сейчас тишина, – слышно как птицы на дворе поют, да свечи потрескивают, и негромко совершает молебен в боковом приделе молодой батюшка.

Высоко-высоко в деревянном куполе прорезаны окошки с цветными стеклышками. И солнце, как сам Дух Святой лучами скрещивает крылья перед Царскими Вратами алтаря. Купили свечи, не толкаясь и не галдя. Поклонились земно, приложились к праздничной иконе на аналое и разошлись, каждый к своей иконе любимой.

– Вот эти – Казанская, храмовая, что справа, и Тихвинская, что слева, принадлежали батюшке Серафиму, – шепнула Катерина Люсе, и та кивнула ей благодарно, поставила свечу, приложилась сперва к Казанской, преклонила колени порывисто и застыла так. Потом к старинной работы иконе Тихвинской Богоматери пошла тихонько. А Петров к Николаю – чудотворцу. Ивановы стояли вместе перед Праздником и молились дружно о своем, привычном обоим, – одни грехи, обиды, просьбы были у них на двоих. Маша опекала детей, водила тихонько от иконы к иконе, приподнимала прикладываться. Саша с Глафирой застыли у Распятая, поставив свечи за упокой Анатолия и Дарьи, так и не могли отойти, только истово воздух пронзала рукой Глаша, крестясь и читая про себя, раз за разом, как последнюю и главную надежду, не скорбную молитву, а пасхальный радостный тропарь: *Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!* А Саша глаза свои прикрыл и прощения просил у боевого товарища, что не уберег, не услышал вовремя, не пришел на помощь, не спас в очередной раз, как не раз уже спасали от смерти друг друга.

Кирилл, поставив свечу у аналая, отбил три земных поклона и поспешил, пока никто не видит, в часовню, к Батюшке. Припал на коленях к мраморной плите над мощами, к стеклу, холодному даже в жару, прикрывающему резной образ святого; вспомнил Машеньку и вдруг заплакал, забыв об окружающем мире, и о бедах его, помня только грехи свои. Сколько минут провел он так, в забытии, разговаривая с батюшкой Серафимом, не мог потом и припомнить. Никто не помешал ему, друзья только заглянули в часовню и отошли, опустились рядом на лавочку, сидели, молча, и ждали. Каждый из них своей дорогой пришел к Богу, вернее сказать, Господь Сам, за ухо, когда и пинком хорошим, привел к Себе. Многогрешные, повидавшие жизнь, сердцем и опытом принявшие непреложную истину: ничто не свершается иначе, как по Воле Божией, как бы ни своеволен был человек. И брак у мужчин у всех уже второй, и руки кое у кого в крови. Руки, защищавшие други своя... И только исповедью и Причастием, хоть раз в год, но очистить душу, где еще возможно, кроме как в Церкви?

Праведников не было среди них. Обычные люди, что ж делать? Надо как-то жить. Вот и жили.

Кирилл, облегчив сердце, сам помазал себя троекратно, окунув кисточку в масло горевшей тут же неугасимой лампы. И вышел, щурясь, на яркий солнечный свет, как родился заново. Такого второго случая может и не быть – все зашли в часовню и долго молились, прикинув к мощам – о своем каждый.

Нет лучше дела, приехав куда – в гости ли, по службе, сначала в церковь сходить, да помолиться. Все потом ладится, и беды обходят стороной. Об этом даже и не говорили друг другу, выходя за церковную ограду, щедро жертвуя монашенке на сгоревший в соседнем селе храм. Расселись тихонько по машинам, проехали метров триста за церковь по пыльной песочной дороге между храмом и бывшим пионерским лагерем, странно пустынным в это жаркое лето, – сколько детей бы отдохнуло на приволье в этих корпусах и беседках на берегу Оредежа, если бы не корысть нынешних собственников питерского предприятия, когда-то гордившегося своим соцкультбытом... Вышли из машин на высокий берег под соснами, увидели сверкающее голубоватое зеркало реки, и дружно издали ликующий крик: Ура-а-а-а!

~~~~~

Широкой излучиной разливается Оредеж в этом месте, как раз за Казанской церковью. Вода прозрачна в ладонях и под ногами на мелководье, дальше – всё глубже, всё темней и синей, а у далекого противоположного берега она и вовсе черная, чуть с зеленцой, – от упавшего на воду отражения елового леса. С правой стороны излучины берег песчаный отвоевал у реки кусочек пляжа, пестрящего телами людей. Здесь же, за церковью, обрыв, едва спустишься вниз, и вода прямо у ног плещется, два-три шага сделаешь по песку, и дно уходит вниз. Оредеж – река своенравная, быстрая, с непредсказуемыми течениями, водоворотами и омутами под спокойной на вид поверхностью, рябящей солнцем сейчас. Даже двойное дно встречается, как в Гауе, – предупредил друзей

Иванов. Саня с Катей, знавшие хорошо, что это за Гауя такая, согласно кивнули.

Вниз спускались только купаться, одежду оставили наверху, на обрыве – есть там песчаная площадка, на удивление оказавшаяся свободной даже в этот жаркий летний день.

– Батюшка привет шлет, – улыбнулся широко Иванов. Катерина согласно кивнула. Не было еще такого, чтобы святой Серафим, приходящим к нему людям не послал – кому белочек в лесу на обратной дороге, кому мысль, нечаянно поменявшую потом всю жизнь, кому, через друга или неожиданного попутчика, дельный совет или утешение. Ну, бывает и рассердится немного.

Иванов как-то долго в церковь не ходил, засиделся зимой дома, все работал и работал. А когда пришел в начале весны в храм, так прямо мимо уха просвистела ледяная шапка, упавшая с ближайшей высокой сосны, кто рядом был, аж ахнули и присели с испугу.

– А вы говорите, счастья нет! – строго заметил Валерию Алексеевичу, не успевшему толком понять, от какой опасности уберег его Бог сейчас, шедший неподалеку пожилой мужчина. И тут же смягчил лицо, улыбнулся дружески.

– Да я наоборот, всегда говорю, что наше счастье при нас, слава Богу! – отшутился Иванов, спиной чувствуя не страх, а как бы предостережение. Зашел в храм, помолился, свечу взял – поставить в часовне у батюшки. А с высокого крыльца сходя, остутился на подтаявшей льдинке и едва удержался, чуть не упал в лужу под мокрым снегом, хорошо, успел рукой оттолкнуться от земли, пробежал несколько шагов и выровнялся. А тут и часовня уже перед ним.

Понял Иванов, – вот ответ на мысли, что одолевали по дороге в храм, на уныние, охватившее его тогда, дескать, в церкви не был давно, на службе так и того более, – не прихожанин, а «захожанин», стыдно! Раньше-то, когда прижимала жизнь, и когда радость одолевала, всегда первым делом сюда бежал – помолиться, попечалиться и порадоваться милости Божией. А теперь вот, болел тяжело, еле выкарабкался, до сих пор одышка мучает, еле дошел до часовни из дома пешком, а всего-то напрямик минут 20 быстрой ходьбы. Но быстрой ходьбы уже не получалось. И опять поник

Иванов, и к храму уже еле ноги несли. Вот и дал понять Батюшка, любой опасности избежишь, как того куска льда на голову; споткнешься, Господь поддержит и поднимет, только ты иди, иди к храму, как бы не запоздал, – пока жив – еще не поздно идти к храму.

Так думал про себя Иванов, плывя размеренно на середину образуемого излучиной заливчика. А рядом, так же не спеша, отфыркивался в теплом верхнем слое воды Петров – помнил, что у Валерия Алексеевича с сердцем нелады, страховал.

Люся и Глаша купали у самого бережка детишек, Катя с Машенькой и Кирилл поплыли куда-то в сторону, там разыгрались, разбаловались – еще одна группка детей, право слово!

Против обыкновения, Иванов чувствовал себя прекрасно. Ни одышки, ни ноющей боли под лопаткой, ни острой боли в правой руке, давно уже потихоньку отказывающей повиноваться как *надо*. А вот и Санька нагнал Петрова с Ивановым, – такой же быстрый и неутомимый, как прежде. Нагнал, обогнал, растянулся на воде, лег поперек курса и блаженно лежал, лишь изредка пошевеливая пальцами смуглых волосатых ног.

Дождался, пока друзья пристроятся «полежать» рядом, отдышатся слегка, погрузятся в нирвану лета: живая вода под тобою, воздух, напоенный свежестью, вокруг, солнце светит в глаза, но не ослепляет, потому как прикрылось облачком кучерявым. Дождался Саня друзей и спросил вдруг:

– Слышь, Поручик, мы вот с Петровым два года назад, еще в круизе, с того подружились, что одинаково войну с «грызунами» оценили. Дескать, затянувшейся перестройке конец настал, вместе с этой войною. И Родине нашей, и властям предержащим вправил кто-то с небес мозги. И все переменится, и пусть будет трудно и нелегко поворот этот совершить, может, и тяжелее, чем даже мы представить можем, но пусть, лишь бы не затянувшиеся 20 лет безвременья, позорного и глухого...

– Да, Валера, точно Саша говорит, был у нас такой разговор. И выпили еще тогда, стоя, за Россию на радостях. Да и за тебя, кстати, тоже, ты же с Катей тогда события с места освещал, мы и репортажи ваши смотрели, – добавил Петров.

– Так что, Поручик, ты ж у нас политинформации вел когда-то на базе, – усмехнулся Анчаров, – давай, отвечай, что ж опять всё, как в анекдоте про раненого лося – мы пьем, а нам все хуже и хуже.

– Недавно новости посмотрел, был грех! Совещание какое-то выездное единороссов по Северному Кавказу... Вроде и Путин, и президент там были. Ну, не важно. Суть в том, что там публично речь зашла об увеличении в связи с инфляцией размера калыма и выкупа за снятие кровной мести! И вот, премьер и высшие чины государства, спокойно эти вещи обсуждают. Публично, в эфире, на всю страну! Так какого черта наши с Грузией воевали, если у нас дома кавказцам на Конституцию и законы России плевать до такой степени?! Гарант Конституции, японка мать, спокойно все это слушает и *молчит*. А если говорит, так только про то, как и сколько сотен миллиардов рублей надо вложить в Северный Кавказ!

Создать 400 тысяч рабочих мест надо! Рабочих, мужики! *Рабочих!*

– Петров так развозмущался, что нечаянно ушел вдруг с головой под воду в конце своего длинного монолога. Вынырнул, отплеываясь, и продолжил тут же с неожиданным для него ожесточением:

– Безработица у них там! «Нищие, голодные» переполнили все столицы России, разъезжают с оружием на дорогих иномарках, скандалят, безобразия учиняют, – только стон стоит! Ты дома этих *безработных* видел?

– Я видел, еще в перестройку, – криво усмехнулся Анчаров, вспомнив свои командировки омовские на Кавказ, еще до распада Союза.

– И я видел, совсем недавно, – кивнул мокрой головой Иванов, перевернулся со спины на живот и неспешно заплывал кругами вокруг товарищей, обдумывая ответ. Долго плывал, отфыркивая сердито воду. Потом вдруг нырнул, перевернулся под водой и, вынырнув, поплыл уже в сторону берега.

– Не хочет говорить Иванов, темнит, – с сожалением вздохнул Петров.

– А ты думаешь, он чуть на небеса не загремел без оформления командировки, так просто? Поручик не дурак, у него интуиция, Андрюша, – это, я тебе скажу – видеть надо его в деле.

– Так чего молчит?

– Хитрый он. Подумает и ответит, – рассмеялся в мокрую щетку усов Анчаров, – давай и мы на солнышко, неудобно, женщины там одни...

Кирилл сопровождал Машеньку с Катей к берегу, а сам, подтолкнув их на начало тропки, ведущей круто вверх, сделал назад шаг – другой, и так, спиной упал в тяжело ухнувшую под ним воду. И сразу же замахал длинными ручищами, как мельница водяная, поплыл на спине куда-то в сторону. Плыл, смотрел в небо, считал облака, и мечтал: вот сейчас не выдержит сердце, и тихо упокоюсь я на дне, совсем как тот прохвост Гугунава с лошадиной кличкой, прости меня, Господи! И придет следственная группа по делу о скоропостижной смерти на рыбалке генерала Щербатого, а меня уже нет! Уплыла рыбка! «Рыбка плавает по дну, хрен поймешь хоть одну!» – вспомнился шуточный стишок. Полковник рассмеялся даже неожиданному каламбуру.

– Машенька моя, подруга верная, нежная, надежная, как же ты будешь без меня? Ведь сама офицер, все раскопаешь, все поймешь. И мстить будешь, хоть и не христианское это дело.

– Не мстить, а карать врагов, стоять за други своя, – порывисто ответила бы Машенька.

– И так никогда не будет вырицким новым жильцам покоя. А я ведь, думал, прервал эту страшную цепь. Эх, старый дурень, а еще «настоящий полковник»!

Задумавшись, плывя на спине, ничего не видя впереди себя, Кирилл вдруг уткнулся головой в чьи-то сильные, жесткие руки.

Ошарашено остановился, ноги сразу грузно пошли под воду, да и сам чуть не нырнул. Если бы те же руки не удержали полковника сильно, как клещами, за мокрые плечи, не развернули к себе.

Оказывается, уже почти на другой берег заплыл Кирилл. Да чуть не протаранил лодку с рыбаком, пристроившимся в тени высоких елок, наверняка, над давно прикормленной глубокой ямой на дне. Бросил рыбак удочки, да поймал полковника у самой лодки, не дал протаранить ее мощным лысым затылком, как торпедой.

– Куда торопишься, мил человек? – раздался недовольный старческий голос, как-то плохо вяжущийся с недюжинной силой в руках, поймавших несущегося на лодку Кирилла.

– Извините, – опомнился, оценив обстановку, полковник. – Задумался.

– А ты думать-то думай, а вот торопиться *не надо!* – Рыбак, оказавшийся и правда стариком лет за семьдесят, сурово смотрел на Кирилла, уцепившегося руками за лодку, накренив ее, чуть не перевернув – хоть и берег в пяти метрах, а точно, яма тут!

– Виноват, отец, спасибо, что поймали рыбку в сети, а то бы я так и впилился головой в какой-нибудь корень, – смиренно, злость на себя и Щербатого уже ушла куда-то, проговорил, отдышавшись, Кирилл.

– Ты, милочка, коли на воде еще держишься, от лодочки-то моей отцепись, перевернешь! Вот, молодец. А теперь, аккуратно только, загляни за лодку, что там?

Кирилл медленно, осторожно, подплыл к указанному месту и перекрестился, чуть не уйдя опять с головой под воду. – Сразу за лодкой, над глубокой ямой, торчали из берега бетонные столбы, утыканные ржавой арматурой – кто-то, наверное, причал здесь строить начинал, да забросил. Кирилл резко развернулся и отплыл подальше от опасного места. Не наткнись он на рыбацкую лодку, точно, на полном ходу, плывя на спине, разбил бы голову арматурой или бетоном и тут же ушел бы под воду навсегда, как и мечтал, дурень, только что! Как Жеребец Гугунава, в омут, в яму, в темень страшную, без покаяния. И Машенька бы даже тело не смогла похоронить – мучилась бы, с ума сошла на берегу Оредежа от поисков.

– Вот я тебе и говорю, парень, *не торопись!* Понял? Не торопись. Глядишь, все и образуется. А может, образовалось *уже*.

Рыбак недовольно закричал, собрал удочки и взялся за весла.

– Назад доплывешь? А то перевезу.

– Спасибо, отец, все в порядке, я сам.

– Вот то-то оно, что все в порядке! – неожиданно добрым смехом отозвался старик и погреб неторопливо в сторону плотины.

Глава седьмая

Согретые солнцем, освеженные купанием, снова голодные, как пионеры после похода, веселой и дружной компанией возвращались домой к Ивановым – обедать. Заскочили по пути в пару магазинов, прикупили еще еды про запас, народу-то много, заехали к Плещеевым ненадолго – Машенька настояла. Выпили чаю да кофе с пирожками, – когда успела Маша напечь, ведь все время почти с нами была? – удивлялись гости. Да еще из холодильника Плещеевых кастрюлек несколько с готовой едой прихватили и, наконец, заскрежетали железные ворота, забегала озабоченно Марта, встречая гостей и хозяев, пересчитывая – все ли вернулись, не оставили, не потеряли ли кого на прогулке?

Мамочки кинулись первым делом детей кормить, да спать укладывать. С удовольствием, то помогая, а то и мешая, ринулась им на помощь Машенька. Иванов с Анчаровым суетились около мангала, спорили: жечь ли дрова, или обойтись готовыми углями? Есть хотелось всем после купания, потому махнули рукой на заранее припасенные, аккуратно наколотые Ивановым дровишки и высыпали в большой мангал сразу пару мешков древесного угля. Полили щедро вонючей жидкостью для разжигания, чиркнули спичкой – фыркнуло пламя и разбежалось по углям мгновенно. Иванов схватил заранее приготовленный новый пластмассовый совок, всем людям служащий для мусора. А Валерий Алексеевич им угли раздувал – очень удобно: и легкий, и ручка есть, и не гнётся в руках, как какая-нибудь картонка. Угли загорелись ровно, начали подергиваться серым пеплом по краям.

– Пусть «разжига» испарится, вместе с запахом, да угли прогорят немного... – Иванов смахнул пот со лба и уселся на скамеечку, стоящую рядом со специально оборудованным местом для мангала. От солнца, жгучего немилосердно, несмотря на легкий горячий ветерок, площадку прикрывала густая листва молодых дубков. Рядом заросли черной аронии, высокие, выше забора, кусты цветущего шиповника, раскидистая густая ель, рябины. Недалеко от дома, а место уединенное и тихое.

Анчаров снял крышку с огромной эмалированной кастрюли, понюхал мясо, и сухие губы его разошлись в широкой улыбке. Саша позвенел лежащей на столике вместе с кастрюлей горкой шампуров, вытянул первый попавшийся, и с предвкушающим удовольствием вздохом взялся нанизывать мясо и лук. А Валерий Алексеевич закурил, поглядывая искоса на угли, и помахал призывно рукою показавшемуся на веранде Петрову.

Петров, успевший переодеться, как всегда аккуратный, выглаженный, даже на даче, гладко выбритый, причесанный, пахнувший хорошим одеколоном, в светлых тонких брюках и белой рубашке с короткими рукавами, сошел с крыльца веранды прямо немцем каким, а не русаком природным. Иванов с голым пузом и в длинных джинсовых шортах, красный и от жары, и от загара, опять утер со лба пот ладонью и подмигнул невозмутимо нанизывающему на шампур мясо Анчарову. Тот увидел подошедшего Петрова, скорчил подозрительно-удивленное лицо и начал себя оглядывать с прекрасно разыгранным ужасом английского джентльмена, явившегося на прием к королеве в одних кальсонах. И действительно, широкие черные шорты ниже колена, болтающиеся на худых, кривоватых ногах, да летний десантный тельник весь в дырках от старости прекрасно гармонировали с шампурами, мясом и смуглой злодейской физиономией Саши, но никак не создавали ансамбля элегантному Петрову.

Петров не смутился, привычным движением поддернул чуть вверх острые стрелки брючин, и все увидели, что «джентльмен» разгуливает по травке босиком, да еще и пятки черные от того, что наступил на грядку – единственную во всем саду, специально к долгожданному приезду детишек вскопанную Ивановым и засаженную Катей клубникой. Анчаров коротко хохотнул, вытер об траву руки, мокрые от шашлычного маринада и жестом фокусника вытащил откуда-то из воздуха сигару.
– Вот! Курю и не кашляю! И вам того же желаю!

Сгрудились вокруг мангала, расставили шампуры, назначили Сашу ответственным за поворачивание и поливание шашлыка остатками маринада, чтоб не подгорел. Курили, кто что, каждый свое. Петров

– «Кэмел», Иванов – «Голуаз», а Анчаров толстый обрубок «Монте-Кристо». Посматривали на Иванова, давай, начинай обещанную на речке политинформацию. Тот крякнул, потер рукою покрасневшее лицо, погладил короткую рыжую бородку и поднял вверх указательный палец.

– Итак, товарищи офицеры! Я от дел отошел. Или, если быть точным, то от дел меня отошли. Потом болел немного, потом в себя приходил. Телевизор смотреть не могу, блевать хочется. Интернет через ситечко просеивать, искать там правду, анализировать и обобщать – все бессмысленно. Ибо, как совершенно справедливо сказал когда-то митрополит Иоанн Санкт-Петербургский и Ладожский: нельзя понять и объяснить ход истории государства Российского, не пытаюсь постичь мистическое, Богом попущенное и промышленное в судьбе России. Государство наше суть есть церковная ограда для веры Православной. Примерно так как-то писал митрополит.

Армия, милиция, госбезопасность, медицина, экономика, культура, просвещение, политика – все это лишь решеткой кованой должно служить, ограждая и поддерживая Церковь. Ну, прямо скажем, от себя давно уже говорю, не ограда сейчас вере и народу государство наше, а гнилой плетень. Было это уже в истории нашей? Было и не раз. Уцелела Россия, воскресла вера? Слава Богу, пока что так. Нестроений полно в мире житейском? И это верно. Изматерился я весь, Господи прости, следя за новостями, да познакомившись в очередной раз с людьми, которые попущены быть у нас властями предержажими. Отчаялся, разуверился, успокоился, махнул рукой. Было гораздо хуже. Скорых перемен ждал, как и вы, в особенности, после грузинской войны. Все мы получили в ответ мировой кризис. Но это ли не доказательство перемен куда более серьезных, чем те, что мы ожидали в государстве своем? *Перемен во всем мире!*

Был недавно на Карповке, у Иоанна Кронштадтского. Есть там такая матушка Лариса – активистка из прихожан, всегда она на месте своем, встречает паломников, когда бы ни пришел. Так вот, усадила она меня на лавку и говорит: мы живем во времена Апокалипсиса. Сто лет осталось. Ну и давай мне про печати снятые, да про «чашу гнева» в Мексиканском заливе пролитую

рассказывать. Смеетесь? Ну да, не раз это все уже было в истории, конца света ждем регулярно, как полочки с авансом. Но на этот раз я и сам был готов чему угодно поверить, потому что далее жить стране, как живем – невозможно! Но нет ни одной политической силы, что была бы на стороне нашего народа. Что правые, что левые, что согласные, что несогласные, что партии власти – у всех одна программа – воровать дальше и разбавить русских мигрантами до такой степени, чтобы перестали быть угрозой – тем самым слонем, который, по Дмитрию Галковскому, перевернется один раз во сне, да и заспит своей тушей всю эту разноплеменную рать, что к нам в Россию через открытые границы миллионами гонят! – Иванов откашлялся, посмотрел строго в прищуренные недоверчиво глаза товарищей и спросил сурово:

– А вы что же, братцы, думали, что я вам сейчас очередной проект «Россия» излагать буду конспективно? Ты-то Саня, прекрасно знаешь, «патриот» наш Миша Леонтьев, да и Максим Соколов и много кто еще, – в латышском Народном фронте журналистскую и политическую карьеру свою начинали. Вот и *верь* им! Не замешанных в темных перестроечных делишках у власти сейчас никого нет. И, что самое смешное – в оппозиции тоже!

– Так ведь и народу, по большому счету, на все насрать, так же как и в 91-м, – жестко, совсем уж в снайперскую щелочку прикрыл глаза майор.

– Ха-ха-ха! – отчетливо произнес Петров. Не мы ли с тобой, Александр Алишерович, на палубе «Петербурга» клялись ни во что не вмешиваться и жить частной жизнью, только для семьи и для себя? Чем мы лучше?

– А ничем! – легко согласился Саня, метнувшись поливать маринадом и переворачивать, чуть не подгоревший было за разговорами шашлык.

– Так вот, позвольте, я закончу свой краткий спич, – Иванов поискал глазами банку из под кофе, в качестве пепельниц у него много их расставлено было по всему саду... Нашел, бросил туда начинавший жечь пальцы окурок и продолжил:

– Ничего нового предложить не могу. То же самое говорил в перестройку, то же самое твердил, уезжая, русским, оставшимся в

Латвии, то же самое сейчас повторю. От себя не убежишь! Кому суждено быть воином – воюй. Каждый на своем участке фронта, куда тебя судьба определила. А кому суждено быть монахом – молись. А кому деньги зарабатывать, дома строить, торговать – торгуй. Только – по совести. А предвидеть предназначения Божии, то стратегия не наша. И не господ Путина с Медведевым, и уж Обама с королевой Английской, тем более. Сколько раз рассыпались планы эти – уничтожить Россию и нас, русских, вместе с ней? И на этот раз рассыпятся. А потому, нет у меня рецептов, кроме одного. Оступился, поднимись и иди дальше до самого конца. Делай каждый на своем месте порученное тебе дело. А дня и часа своего не знает никто, кроме Бога. Толян это понимал крепко. И погиб совсем не зря. Может быть, для того, чтобы не только Дашу, но и наши, ослепшие души спасти. И все мы туда заглянули. Не спрячешься от жизни, пока живой. А потому – как можешь, так и живи. Только по совести. Не оправдывайся бесчестием и бездействием властей. На себя смотри, а не в телевизор. Не сокрушайся чужими грехами, крепче смотри за собой. И больше никакого другого рецепта нет у меня, – простого отставного политолога Иванова. Любите, детей растите, богатейте, коли получится. А я снова буду траву косить, да писать, да стену пробивать несокрушимую. Вот и вся программа, пока не помрем. А там видно будет.

– Да, нового ты сказал немного, Поручик, – швырнул Анчаров далеко за забор, в кусты погасший окурок сигары.

– Так что же, одной ногой из могилы на этот свет встал и все по-старому? – разочарованно спросил Петров.

– А ты бы не вставал! Глядишь и Люся с Толиком с тобой рядом скоро бы очутились тогда, куда как хорошо! – набычился Иванов.

– Эй, мужики, в конец офуели? – ловко вклинился между Ивановым и схватившим его за грудки Петровым майор.

Андрей Николаевич пришел в себя, отпустил скользкие от пота голые плечи Иванова, оставив на них вдавленные белые пятна своих крепких, как тиски, пальцев. А Валерий Алексеевич поднял голову, которой уже собирался боднуть Петрова прямо в курносое гладкое лицо.

– Эх, Андрюша, Саня... Нашли вы в России то, что хотели? Возвращаясь домой из Эстонии, из Латвии, транзитом через Тирасполь... Нашли Родину? Ведь не от того сердце болит, что плохо нам здесь оказалось, *дома*, или трудно чересчур! А от того, что еще *сильнее* полюбили мы нашу *матушку*. А сильнее любишь – переживаешь сильнее, хочешь как лучше чтобы...

– А получается, как всегда! – припечатал майор. – Ладно, твоя правда, Поручик. Как бы там оно ни повернулось, а мы дома, наконец, и отступить больше и в самом деле некуда! И все, кто давно дома не был, кто мечтал о России, сидя не по своей воле по заграницам, всем нам хотелось Россию обрести лучшей, похорошевшей, справедливой, в конце концов! Умом знали, что так не будет, помнишь ведь, Валера, что творилось в Тюмени, когда отряд наш туда перебросили после августа из Риги? Ведь с ума сошел в перестрочном раже народ, да с такой Россией, как ельцинская, казалось, воевать надо, почище, чем с латышами! От того и бросились в Приднестровье, и ты ведь с нами там был сперва!

Майор помолчал, подумал. И подытожил:

– А лучше, чем Россия, все равно нигде больше места нет. Пусть меня чуть не убили в очередной раз, так ведь не только в России меня убивали, а Поручик? Глафира, последняя моя любовь, ЛюДаша, вы с Петровым, Кирилл злополучный, Катерина да Машенька, мальчонка твой, Андрюша, – зятёк мой будущий... Столько всего еще у нас впереди! А позади один кризис среднего возраста!

– Я не жалею, Валера, – взвешенно и твердо сказал Петров. Я ни о чем не жалею. Точно так же в авиационной катастрофе мог погибнуть тысячу раз и живя в Эстонии. На каких бортах летали, ты же знаешь, лодки дырявые, а не борта... Я в России Люсю нашел! У меня сын родился. У меня все есть, что надо для жизни. Меня Богородица вымолила у Господа, домой вернула. Значит, где у меня дом? Здесь. В России. А все остальное... Ты прав, Иванов, будет приказ, тогда и будем выполнять. Встанет задача, тогда и решать будем. А просто плакать, хоронить Россию – не боярское это дело. Ну а если уж самому жить не хочется – устал или разочаровался или мало тебе того, что есть, или зависть и злоба

одолели, так Россия здесь ни причём. Тогда нигде на земле счастлив не будешь. Ни в Москве, ни в Мельбурне, ни в Лондоне, ни в Таллине, ни в Риге.

– Готово! Валера, командуй всем за стол садиться, – засуетился вдруг Саня у мангала, собирая с него шампуры, унизанные сочным, шипящим от жара хорошо прожаренным мясом.

~~~~~

– Кирилл! Кира! – Машенька, помогавшая Кате собирать на стол, сливавшая вареную картошку, глянула в окно и заметила, наконец, стоявшего за забором Ивановых статного мужчину средних лет в деловом, хоть и светлом, костюме и при галстукe, давно пытавшегося привлечь ее внимание. Правда, привлек он пока только внимание Марты, грозно рычавшей на него, встав на задние лапы, чуть не перепрыгивая через штакетник.

– Валера, убери Марту, кто-то пришел, – закричала и Катя, выискивая во дворе Иванова.

– Это ко мне! Я сейчас отойду ненадолго, – откуда-то из-за Машиной спины объявился Кирилл, привлек жену за плечи к себе, быстро поцеловал в черные, вопросительно посмотревшие глаза и выбежал на крыльцо, быстрым пружинистым шагом прошел по дорожке, приветственно маша рукой и улыбаясь незваному гостю. Кирилл оттеснил захлебывающуюся лаем Марту от калитки и выскочил на улицу, тут же прикрыв железную кованую дверцу за собой – Марта и порвать может. Появившийся тут же Иванов с поводком в руках, только остановился обескуражено, успокаивая собаку. А полковник с незнакомцем уже быстро удалялись по тенистому проулку в сторону дома Плещеевых. Тут же Машенька подбежала к калитке, надеясь догнать Кирилла, но Иванов ее удержал.

– Куда же вы, Маша? А за стол? Вернется Кирилл, мы ему «штрафную» нальем! Кто это пожаловал?

– Да так, коллега один бывший, из Питера, – взволнованно ответила Маша, все порываясь бежать на улицу.

– Ну, полно, не съест же он целого полковника, хоть и запаса, успокоил женщину Валерий Алексеевич. – А если задержатся, так я с вами вместе за Кириллом схожу, договорились?

Машенька нехотя позволила хозяину увести себя за стол.

Глава восьмая

Катерина, страдавшая с детства бессонницей, коротала ночь с ноутбуком. Залегла в кроватку, проглядела почту, блог свой в Живом Журнале, открыла «читалку», порылась в тысячах книг, собранных впрок в электронных библиотеках Сети; пробовала читать, поднималась нехотя с постели, выходила курить на кухню или на веранду, долго смотрела в быстро сменяющуюся ранним утром белую ночь, слушала птиц. Так хочется поплакать, а некому. Муж давно храпит, набегавшись за день. Разбуди, тут же кинется утешать, расстроится, но виду не подаст, наоборот, шуткой собьет плаксивую грусть, – потом и не заплачешь, а так хочется!

Как и у Люси, у Катерины не было настоящих подруг. Женщины в целом казались, и были на самом деле скучны и недалеки. Даже подружки юности из Литинститута, и те, в меру таланта, могли быть приятельницами, но не более, не более, увы. Аспирантура, диссер, к чему все это, когда в самый проклятый – 91-й – год пришлось после девяти лет жизни в Москве возвращаться «домой» – в Ригу. Зачем училась столько, зачем прочитано столько книг? Выживать среди сумасшедших нациков, которые при слове «русский» в лучшем случае брезгливо морщились. Было время, они же заискивали перед русскими, будет время, будут целовать ноги, а пока, пока куражатся вволю, поощряемые до сих пор Кремлем.

Встретился Иванов, знакомец еще по первому курсу университета, из которого сбежала в Москву, в Литинститут восемнадцатилетняя Катя. Как раз тогда встретился, когда казалось, после трагической гибели первого мужа, что жизнь личная уже прожита. Вспыхнула снова Катерина, забрезжил свет во вдовьем оконце. Десять лет уже прожили, и наполнилась снова жизнь – пониманием, счастьем, совместным движением к цели. И вот, Петербург, потом Вырица.

Счастье жить на Родине и тоска, опять тоска, снедающая сердце и мозг.

«Сорок пять – баба ягодка опять» – говорит дурацкое присловье. А Катя и выглядела молодо, и хороша была собою, но болела долго и тяжело, о чем мало кто и знал, кроме мужа. От физических страданий накатывала тяжелая депрессия. Иванов вечно был занят – то обустройством дома, то работой, то бесконечным писанием статей и книг. Сначала он все старался расшевелить, привлечь к своим делам Катерину, и это ему удавалось, занята была чем-то жизнь, кроме боли и домашнего хозяйства. А потом и Валерий Алексеевич заболел и тоже чуть не умер. Теперь вот всё наладилось, вроде бы, и гости в кои веки опять собрались в нашем доме, да только гости все – друзья Иванова. А жены их – жены друзей Иванова. И что?

Люся, Люся была похожа чем-то на Катю, только на десять лет моложе и полная сил. И что-то вроде симпатии вспыхнуло было тогда, в машине, когда ехали по лесу на веселую прогулку и слушали веселую песню эстонской певички, что «позади, всё позади».

А поговорить так и не решились или не успели. Катя подоткнула под ноющую спину подушку, полулежа на постели, положила на грудь ноутбук и открыла вордовский файл:

...К концу вечера, когда разговор стал непринужденным, Иванов начал проявлять признаки нетерпения. Ему не сиделось, не беседовалось спокойно – он вскакивал, выходил покурить, отворачивался и долго глядел в окно, сидя спиной к гостям – словом, томился. Катя прекрасно знала мужа и понимала, что ему нужна «мужская беседа наедине», разговор о деле, о важном, не предназначенном для ушей профанов и уж, конечно, для женских ушей. И правда: через пять минут после очередного перекура Иванов бодро сказал:

- Ну, вы, девушки, посекретничайте тут, а я, с вашего позволения, похищу Андрея на пару минут. Не скучайте!

И повлек, повлек Петрова от догоравшего заката, от еще шумевшего самовара, от теплого плеча жены, от аромата березовых углей и белого шиповника, доносившегося из сада, повлек в кабинет, к компьютеру, к деловому разговору, то есть разговору о политике, о своей роли в этой политике, о планах и надеждах, не сомневаясь, что Петров просто мечтает о приватном приеме у гуру.

Иванов не заметил, как встрепенулась, поднялась было вслед за ними Люся, непривыкшая к тому, чтобы муж покорно уходил, оставляя ее наедине с хозяйкой дома, с которой они познакомились только сегодня и не сказали друг другу и трех слов за весь день. А Катя сидела невозмутимо, стараясь ничем не выдать привычной обиды: в самом деле, наедине муж называет ее соратницей и единомышленницей, а как дойдет до встреч с людьми, пусть и впервые появившимися в доме – ее автоматически переводят в разряд клуш, способных вести лишь «девичьи» разговоры. «Чирикать» – ну да, это в первом-то часу ночи чирикать, о губной помаде и спа, наверное. И Люсю ей было жаль – видно было, что та не готова к тому, чтобы ее от Андрея отделяли, отрывали вот так бесцеремонно и переживает из-за этого.

«Ничего, – думала Катя, – скоро все это кончится, они, наконец, улягутся, и я вернусь к своему миру – мыслям, книгам, чувствам. Пусть мое здесь никому не интересно, пусть здесь я что-то вроде говорящей мебели, но надо выдерживать тон, надо делать вид, что я радушиная хозяйка дома, которую хлебом не корми – дай посидеть ночью с незнакомыми людьми и потрындеть о всякой чепухе... Или уложить спать эту Люсю?»

Люся, однако, отказалась ложиться – хотела дождаться Андрея. Пришлось заводить беседу «о девичьем». О сыне Люси, о том, как он ест, спит, развивается. О том, как тяжело было Люсе, когда Андрей пропал. О том, как стало хорошо, когда он вернулся, и теперь-то уж точно они всегда будут вместе, поскольку Бог больше не попустит, чтобы Люся вдовела, а Толюшка рос

сиротой. Ведь так не бывает, правда, чтобы бомба дважды попадала в одну воронку?

- Господь один раз попустил, - горячо убеждала себя, Катю, и, наверное, Бога, Люся, - попустил такое страшное, что я едва пережила, но больше я не переживу. Я каждый день молюсь, чтобы сын и муж были здоровы, чтобы все было хорошо. Я понимаю, что все это, все испытания – за грехи, я много грешила в жизни...

- Позвольте, – вдруг перебила ее Катя. – Что значит «пустил»? Позволил кому-то убивать вашего мужа, сиротить младенца? Кому попустил и, главное, зачем?

- Но, вы же верующий человек, вы знаете, что такое «пустил». Можно сказать – да, разрешил. Для моей же пользы. Чтобы я исправилась и больше не грешила, не подставляла под удар своих близких. Я стараюсь, Господь видит, как я стараюсь очиститься от грехов и быть добрее...

– Подождите, подождите, Людмила. Надо по порядку. Вот грехи ваши: по вашим словам, их так много, что, что бы вы больше не грешили, Богу понадобилось дать распоряжение убить вашего любимого человека. Он ведь чудом спасся, да? Вот скажите мне – что же вы такого натворили, великая грешница, что пришлось подвергнуть вас и Андрея и даже невинное дитя таким испытаниям? Не думаю, что вы когда-нибудь сознательно причиняли людям зло – убивали, воровали, мучили кого-то, клеветали, сироту обобрали, например. А даже если вы все это творили, то за вашу вину пострадали-то невинные, муж и ребенок.

Ну, муж ладно – мужики все грешат по седьмой заповеди, хотя за ее нарушение и несовершенное земное правосудие не приговаривает к таким страшным наказаниям, что уж говорить о ВЫСШЕМ правосудии, – но ребенок-то чем виноват? Останься он сиротой, а вы матерью- одиночкой, то очень тяжело пришлось бы вам обоим, я-то знаю, меня мама растила одна, без отца. То есть – страдал бы ребеночек, и вы полагаете, что вы, родная его мама, тому виной? Тогда скажите – как вообще, будучи столь лютый и страшной грешницей, вы решились выйти замуж и родить детей?

*Вы же знали, что «Господь попускает» наказания за грехи...
Грешницам надо бежать в отдаленный монастырь, замаливать грехи, молиться до кровавого пота, а не подвергать опасности своих близких.*

Катя не иронизировала, разве что самую малость. Видно было, что слова о «тяжких грехах», Люсей перепетые с чужого голоса, она уже слышала не раз и не два, и не дивилась уже тому, с какой легкостью люди объясняют свои несчастья волей Божией. – И вы же знаете, конечно, – продолжала Катя, – что все люди, согласно христианскому вероучению, суть грешники, Един Бог без греха. Стало быть, всех и нужно наказывать или вразумлять, да так, чтобы прочувствовали. Чикатило грешник, и жертвы его, дети – тоже грешники! Вот как быть с тем, что Чикатило не вразумился вовремя никакими, скажем, болезнями близких, а его жертвы и их близкие «Божьим попусцием» пострадали за свои грехи, грехи родителей или, как теперь модно писать, «грехи рода»? Ни Гитлер не вразумился, ни прочие кровавые тираны, ни сонмы воров – а вас почему-то Господь решил проучить! Есть ли в этом хоть какая-то логика?

– Мы не можем понять Божьего замысла о нас, людях, т.к. Он совершен, а наш разум несовершенен, так как затемнен грехами, мы-то несовершенны из-за первородного греха. Поэтому мы и не знаем, отчего вор живет и все у него в шоколаде, и дети учатся в Англии, а простые люди, врачи и учителя получают какие-то копейки, и если заболеют, им недоступно нормальное лечение... Да и вообще – наше ли дело вникать во все это. Надо читать святых Отцов, у них все сказано.

- Да уж известно, что сказано. И когда сказано – 16 столетий назад. Тогда представления о мире были другими, и о человеке, и о социуме, и о правильном устройстве общества. Был император, была иерархия, были рабы еще, вспомните. Это не земная иерархия построена по образцу небесной, а наоборот, земные порядки проецировались на Небеса.

Наверху – Господин, чья воля - закон; потом его приближенные, потом круг аристократов помельче, и так далее, до последнего

раба. Но в Евангелии-то дан совершенно другой идеал. В Евангелии – все люди не подданные Небесного Царя, а дети Его! Апостолы были не слугами, не рабами Христа, а его друзьями, учениками, единомышленниками. Среди них были грешники – мытари и блудницы, а другие были самыми простыми, обычными людьми, рыбаками. Так отчего же апостолы были в состоянии понять волю Божию и следовать ей, а мы, через 2000 лет, вдруг оказались настолько омрачены грехом, что не можем понять этой воли? Да еще и надо учесть, сколько за эти 2000 лет было написано богословских сочинений, разъясняющих учение Христа и отношение человека к Богу; столько написано, что мы всё-всё должны понимать – и что в мире происходит, и зачем. А у нас почему-то считается похвальным не думать на богословские темы, поскольку все до нас уже решено и возведено в догматы Церкви, нам-де и мудрствовать незачем. Но человек ведь создан разумным, правда? Так зачем же Господь его таким создал, коли мыслить можно не всем, а только избранным...

- А вы мыслите, Катерина? – не без ехидства спросила Люся. – Я вот не дерзаю размышлять обо всем этом. Апостолы были святыми, избранными. Святые отцы постигали тайны Божии, так как жили праведно. А я не святая, а обычная женщина...

- Простая, обычная женщина с ученой степенью доктора наук, точнее, науки, изучающей человеческую душу, - dokonчила за нее, перебив, Катя. – Кому же, как не вам, не мне, не многим нашим современникам пытаться разобраться хоть в том, зачем мы живем и как надо жить! Вот есть и наши современные богословы, пусть с большим перерывом после Розанова появившиеся, не Кураев и не Осипов, конечно, другие люди... О. Игорь Бекшаев, например... Книга у него прекрасная, «Во едину от суббот», она пока только в Интернете выложена, но ее уже готовят к печати. Я – да, я пытаюсь разобраться с их помощью, конечно, своим умом я бы до всего не дошла, да и просто не задумывалась бы над этими вопросами. Ходила бы к Причастию раз в год, не задумываясь о том, «а еже в Чаше». Как ни смешно и юношески высокопарно это не прозвучало бы, но я живу затем, чтобы понять, что есть жизнь и зачем я живу.

- А мне кажется, и Церковь тому учит, что надо прежде всего стремиться к спасению души! – Люся горячилась: просто так критиковать традицию, освященную веками, оттого казавшуюся незыблемой, ей было страшно. Эта тетка, сидевшая напротив, скрытая сумерками, сама мнилась порождением сумерек белой ночи, казалась фантомом, который невозможен при свете утра.

- То есть Вы полагаете, что жизнь, рай и Царство Небесное, полагающиеся нам как детям Небесного Отца, надо еще как-то заработать, отработать, заслужить? Может быть, именно вот страданиями невинных детей это все надо заслужить, тех самых деток, которые, едва родившись и не имея грехов, мучаются от рака, диабета, муковисцидоза – этим, да? Или все-таки Господь, который есть Любовь и Жизнь, дал нам все это даром, как Своим детям, и ничьи, ничьи страдания вовсе не нужны для того, чтобы нам всем войти в Его Царство и быть с Богом. Ведь не зря же Христос взошел на крест и уничтожил ад и победил смерть!

- Но в Евангелии же сказано: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!»

- Все повторяют эти слова, совсем не думая о том, что надо понимать под покаянием. По-гречески покаяние, метанойя, означает перемену жизни, преодоление барьера, отречение от всех злых дел раз и навсегда. Отреклись – и все, теперь только вера имеет значение, только вера и жизнь по заповедям. А Христос не учил нас все время каяться. Только это, – новую жизнь для Бога и ближнего и можно считать настоящим покаянием. А мы все каемся и каемся в том, что съели в пост сардинку, хотя какой это грех? Такое покаяние даже и не аскетическое упражнение, а просто процесс ради процесса. Типа игры, но всерьез.

...Люся пропустила последние слова Кати мимо ушей. Ее совершенно захватила мысль, что все, что она пережила из-за Андрея, все его мучения – всё это было зря, бессмысленно. И потому она опять перебила Катю:

– Что же получается – все, что мы перестрадали, все мучения наши, это не от Бога было?

– Не от Бога, Люсенька, но для того, чтобы вам быть с Богом.

– Вот парадокс! Вы говорите – как наказание, как вразумление. Не наказует так Господь, ибо Он дает жизнь. Он и Сам – Жизнь. И Он – совершенная Любовь.

Если вместо слова «Бог» всюду поставить слово «Любовь», то словосочетание «Любовь наказывает» дикостью кажется, оно нелепо, противоречит самой сути любви. В Первом послании апостола Павла есть слова, которые все знают: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.» Даже если отнести все это к любви человеческой, несовершенной, то как же может «мыслить зло» Любовь совершенная? И Жизнь. Как может Жизнь давать жизнь и тут же отнимать ее во имя каких-то будто бы высших, нам непонятных целей? Невозможно, совершенно невозможно, чтобы так было! Но кругом – страдания, боль, зло. Что же – люди бессильны преодолеть все это? Нет, им даны от Бога жажда жизни, инстинкт продолжения рода, врожденное стремление, дано то, что есть одновременно и цель, и средство – жизнь и

любовь. И сохранивший все это, спасший ближнего, продлевающий жизнь в других и в себе – Божий. А тот, кто отнимает жизнь – тот не друг Христов, но его противник. Враг.

Понимаете ли вы, я сумбурно излагаю, что страдания не от Бога, но перестрадавшие и выжившие, не потерявшие любви и доверия к Богу, доверия, а не рабского подчинения воле Страшного Господина – становятся друзьями Христа, делают, если можно так выразиться, одно дело с Богом, чтобы когда-нибудь стать с Ним едиными, стать едиными с миром, как и было до того, пока зло не открыли дверь в этот мир.

– А кто не вынес? Те как же? – Торопясь, чтобы не потерять нить, спросила Люся.

– А те, кто не вынес... Это нам всем, ближним их, грех. Мы им не помогли – совершили грех. Отсиделись, спрятались от чужой беды, не дали просящему, не накормили голодного. Не поступили по заповедям Христа.

- Нет, я не о том... Их-то ждет Царствие?

- Господь зовет к себе всех и все будут с Ним.

- Против воли? Насильно? Ведь есть те, кто не захотел быть с Христом сам. Отрекся, отказался!

- Но спасают же людей от смерти против их воли. Самоубийц, например. Или бывает, пострададут люди при пожаре – 90% кожи сгорело, кажется, что тут лечить, только продлевать мучения, а ведь лечат. Деток с врожденным диабетом – лечат, колют

инсулин в такие ручки крошечные, кровь берут из пальчиков, в которые и попасть скарификатором-то сложно, из мочек ушек этих крошечных берут... И никто в здравом уме не скажет: а давайте этого ребенка не лечить насильно. Вон он кричит от уколов, от операций. Может, он не хочет лечиться...

Или Вы предпочли бы, чтобы дети погибали, а те, кто совершил некое зло в этом мире – временное, замечу, зло – вечно мучились бы за него в геенне? Если Господь милосерден, то какая может быть геенна?

Человек многое претерпевает, преодолагает в этой жизни; слишком многое... Даже мысль о том, сколько горя кругом – и ее-то вынести трудно; трудно не сойти с ума и найти какую-то путеводную нить в этом мире.

Люся в два глотка выпила остывший чай, боясь отвлечься и не спросить о чем-то важном, еще не разъясненном.

– Катя, ну вот вы столько всего наговорили... Это ведь ересь. Вы не боитесь оказаться вне Церкви? Ведь в ней спасение!

– У вас был очень тяжелый период в жизни, правда? Вам нужна была помощь – кто вас спасал?

– Машенька и Кирилл. Они не дали...

– Ну, вот вам и ответ на ваш вопрос. Кто спасал, тот вам и Церковь. А кто мимо прошел, кто отмахнулся от чужой беды, какой же он член Церкви и христианин, будь он самым усердным прихожанином и посещай он все службы на все праздники?

– А как же быть, если рядом нет... ну, того самого ближнего, которому нужна помощь – что же мне, идти на вокзал, искать бомжа, вести его домой, отмывать, лечить...

– Я думаю, – как-то робко ответила Катя, – что бомжа лично я, как говорится, «не понесу». Видно, кривоватая у меня метанойя. Но я думаю еще, что отдать жизнь близкому человеку, быть ему опорой – уже по-христиански. Он на переднем крае, он в гуще событий... А я ... Я хоть горячего супу ему принесу; успокою, поддержу, получая взамен... практически ничего, кроме его работы, работы, работы. Удел жены – быть рядом тогда, когда нужно, а не надо – не лезть.

Катя вздохнула и замолчала. И Люся уже больше не спорила, не горячилась. Они сидели в молчании, пока на веранду не отворилась дверь и бодрый, хоть и слегка осипший Иванов не возгласил:

– Ну, не замерзли? Спать, спать давно уже пора! Катя, иди стели гостям! Завтра в 8 подъем, физзарядка, водные процедуры, потом по плану у нас...

Но никто его не услышал, поскольку Люся собралась с мыслями и начала говорить - строго, хотя голос ее и срывался временами:

– Вспомним Евангелие – когда Христос говорит разбойнику благоразумному: «Нынче же будешь со мною в Раю». Если Рай, как вы утверждаете, открыт для всех, и обитателей в нем много, то каким разбойник попадет в Рай? Что толку, что он в самый последний миг, уже в самом преддверии смерти покался, стал новым человеком, уверовал в Христа и пожалел Его – убийца, который никого не жалел? Неужели этот миг, перевернувший его разбойничью душу, может перевернуть и его вечную жизнь? Христу, конечно, не жаль Рая для разбойника, Ему ни для кого не жаль Рая, Он всех спас. Если Вы говорите, что Царство небесное не заслуживается, а является нашим родным домом, домом Отца. Кем мы придем в этот Дом? Что станет делать бандит в вечности?

Катя замерла – ей до сих пор не приходило в голову задумываться, что будет там, в обителях вечного блаженства, «идеже нет ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Но ответить ничего не успела, сверху раздался плач Толюшки, и Петровы бросились к ребенку, на ходу желая хозяевам спокойной ночи. Катя ушла в кабинет, открыла окна настежь, включила компьютер...

- Спокойной ночи, любимая! – раздалось с веранды.

- Спокойной ночи, Валера...

Катя пошла посмотреть, как там собака, думала позвать ее к себе – так славно, когда собака лежит, привалившись теплым боком к ногам, вздыхает и похрапывает во сне. Но Марта улеглась в прихожей, чтобы все двери были под контролем, чтобы в случае чего бежать-охранять-спасать спящих за этими дверями людей.

– Вот даже собака, – думала Катя, усаживаясь к компьютеру, – даже она старается спасти всех. Это животное-то, которое считается неразумным и лишенным бессмертной души. Она как бы уже очеловечилась, она много веков живет рядом с людьми, и люди с собаками стали – заодно. А человек, Божий ребенок, разве не заодно с Отцом? Тогда отчего же он-то не в силах понять, что они с Богом «заодно» и у него с Богом одно, общее дело, общая забота... «Спасение души», но не своей личной, а любой живой души, то есть живого существа. Не леонтьевский метафизический эгоизм, забота о собственном спасении, а апостольское «для всех быть всем».

Как просто. И как трудно объяснить людям. Даже лучшим из них, умным, одаренным, но пропитанным древней и вовсе не христианской верой в то, что Богу нужны жертвы и его надо умиловать постом и молитвой, и хождением на службы, и поклонами, и 40 раз «Господи, помилуй», а то Он может прогневаться и убить, например, как Кураев писал, молнией какого-то депутата – противника визита патриарха Кирилла на Украину.

Нет, конечно, Бог не насылает беды и муки, войну и болезни, пожары и наводнения. Не готовит Он ни для кого и адских мучений. Если допустить, что насылает и готовит – то какая же это Любовь? Ведь для воспитания или в наказание не станет и человек ломать, скажем, собаке лапы раскаленной кочергой. Тем более – ребенку. А если станет, то, сколько найдется людей, которые смогут оправдать это «воспитание» и не назовут воспитателя палачом и садистом? (Надо помнить, надо помнить, что люди с Богом – одно и заодно.)

Если Господь благ, то не он несет ответственность за то зло, которое совершается в мире. Если всемогущ, то отчего допускает это зло? Считается – для того, чтобы люди приходили к Нему «свободно», претерпев все со смирением. Тебя мучают, а ты выбирай Бога, Который все это «попускает». Культ личности какой-то, обожествление кесаря, оправдание крепостного права экономическими выгодами, существование Министерства Правды

– благом государства. Так и террор оправдывают, находятся люди
– он-де во имя свободы.

Нет, господа-товарищи, отцы и братья мои, – это лукавство, это лицемерие. Вы хотите убивать и мучить, а ответственным за это назначаете Бога. Но какая же свобода может быть под пытками? Какая свобода у ракового больного, кричащего от нестерпимой боли? Нет, всемогущий Бог этого всего ни за что не допустил бы.

Кате было куда легче признать, что Бог не всемогущ, чем то, что он не Благ. Жизнь блага, но всемогуща ли? Жизнь обладает огромным запасом прочности, огромной силой – именно этой силой трава пробивается сквозь асфальт. Но на весь асфальт в мире ее не хватает!

Катя вспомнила, как она однажды вышла на веранду, такую мирную, такую уютную – и увидела, как бабочка бьется в стекло. Для Кати эта веранда была самым любимым местом в доме; для бабочки превратилась в тюрьму, в пыточную. Катя осторожно поймала бабочку, стараясь не стереть пыльцу с крылышек и обратила внимание, что их края уже обтрепались – так долго билась пленница. Открыла дверь и выпустила бабочку в летнее небо. Спасла бы она другую такую же бабочку, третью, десятую? Конечно. Но сколько таких веранд, а бабочек мириады. Всех нельзя спасти...

Ах, Люся! Она ухватила суть, перешла от теории к практике. От Люсиного вопроса, который, конечно, содержал в себе намек на необходимость и правильность ада, но еще имел и второй смысл, отмахнуться так просто было невозможно. Следовало думать над ним, надо было найти ответ.

Если люди придут после смерти в Царство Небесное, придут ли они готовыми? Считается, что войти туда сможет только готовый, тот, кто в земной жизни вымостил себе дорогу в Рай покаянием, добрыми делами, правильной верой, чистой жизнью. Остальных ждет ад, вечные муки. За пусть неправильную, но временную жизнь – вечное наказание. Но ада нет, и не может

быть, так как – ад это не жизнь, и гестапо не жизнь, и концлагерь не жизнь. А Бог так и называется – «Бог живой». Но даже если и достигнут рай не все, а только праведники, то, что им делать в вечности, чем заниматься?

Очень мало положительного опыта райской жизни – тут Катя усмехнулась. Про котлы и сковородки много написано, а вот про Рай... Данте перечитать? Помнится, там было описано нечто невообразимо скучное.

Да. Придешь в Рай, а там уж Господь все решил, все организовал и придумал, как «вечность проводить». Слава Господня, красота и радость царства вечной Жизни – этого должно, по мысли христианских богословов, хватить на всю бесконечную отныне жизнь, и созерцание райских куц должно поглотить человека настолько, что даже добрейшим и умнейшим будет все равно, что грешники мучаются в аду. Некоторые утверждали даже, что мать, зная, что ее сын мучается в преисподней, будет славить Божие правосудие и радоваться тому, что оно свершилось над грешником. Радоваться!

Итак, что нам дано: созерцание, радость о близости к Творцу и радость от общения с праведниками, наверное. Отсутствие болезней и смерти; после Армагеддона – вечное лето на новой земле под новым небом. Воспевание Творца, ибо и сонмы ангелов ничем не занимаются, кроме воспевания ангельской песни: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя». Физическое совершенство – коли ни болезней, ни смерти. И творчество, конечно, ведь человек творец и его называют даже «сотворцом Творцу», образом и подобием Божиим. А раз творчество – то и познание. Бесконечное познание бесконечно разнообразного мира. Осмысление его. Не зря же каждый из нас помнит еще из школьного курса биологии, что используются всего 10% возможностей человеческого мозга. Ученые гадают – для чего такой запас? Вероятно, вот именно для этого – для познания.

Если Бог не всемогущ, то Он и не статичен, не замкнут в Себе. Он Творец и будет творить все новые и новые формы жизни, он станет развиваться! И познавать Себя! И человек, ставший

Богочеловеком, станет развиваться тоже, точнее, не потеряет той способности к развитию, которой обладает уже теперь, но которая ограничена ограниченным смертию существованием и необходимостью трудиться ради куска хлеба. Кто не захочет петь Осанну и не будет ее петь, не потому, что трудно воспевать Бога, а потому, что в грядущем Царстве, как и теперь, каждый сохранит свой талант, свои способности, склонности и умения. А надоест быть небесным плотником - человек сможет выучиться на астронома и созерцать миры невооруженным глазом...

...Катя уже давно писала, склонившись к монитору. Ушла усталость и скука нудного вечера, ушли обиды. Мир казался прекрасным, мир будущего Царства Христова, в котором найдется место и ей, в котором она поймет все тайны мироздания, все тайны и скрытые страницы истории - и в котором, наконец, у нее ничего не будет болеть...

Нежный туманный рассвет уже сменился блистающим утром, но Катя не выключала настольную лампу на прикроватном столике, думая о Рае, и не замечая, что рай вокруг уже теперь.

~~~~~

Наверху легкими, неслышными шагами Люся подошла к раскладушке, на которую уложили Толюшку и поправила тонкое одеяльце. Подошла к окну, распахнутому в сад, услышала даже сквозь первых птиц голоса быстрое щелканье клавиш внизу, в Катиной отдельной спальне с ноутбуком.

– Катя никак не заснет, – подумала Люся с жалостью. – Какая у нее тяжелая форма депрессии, никто не понимает, как ей тяжело, даже Иванов, наверное. – Надо завтра улучшить время, да поговорить с Катей по душам, она умная, только очень несчастная женщина. Неужели же я, психолог, не смогу помочь даже той, кто мог бы стать моей единственной подругой? К чему мои знания о душе?

Господи, помоги нам, спаси и помилуй! Ты всеблаг, ты всемогущ, молю тебя, Господи, пусть все обретут счастье свое, и Катерина тоже!

Вот бы удивилась Люся, прочитав написанные Катей этой ночью страницы! Не было у них еще разговора, а вот же, записан он уже, и даже отдельным файлом сохранен...

Глава девятая

Кирилл предполагал вчера, уйдя от Ивановых, от застолья, от Машеньки – в неизвестность в лучшем случае, в худшем – прямо в следственный изолятор ФСБ, что увидит именно эту картину. За поворотом, так, чтобы не перед самым его домом, стояла серая неприметная «Волга». Единственное, что утешало, что в машине никого не было, значит, коллега из службы собственной безопасности сначала один приехал, сопровождающие, конечно, наготове, но ждут вызова.

Мужчины поднялись на второй этаж, в кабинет Плещеева. Как любят в Вырице, кабинет был весь отделан светлым деревом, – вдоль стен тянулись стеллажи с книгами, у окна, с видом на лес до горизонта, письменный стол, компьютер, ноутбук рядом. Посередине просторной комнаты легкие мягкие кресла и подобие журнального столика, самолично изготовленное Кириллом из причудливого толстого корня дерева, к которому прилажена была круглая, гладко зашкуренная, но не покрытая лаком крышка из дуба. Кирилл плюхнулся в кресло по-хозяйски, одновременно жестом пригласив садиться и гостя. Уселись. Полковник стал набивать трубку, некуривший гость поморщился, но промолчал – не у себя дома.

– Чему обязан вашим визитом, Эрнест Петрович? – раскуривая трубку, пробубнил Кирилл.

– Да я ненадолго отвлеку ваше внимание, товарищ полковник, – гость открыл толстую кожаную папку, бывшую у него с собой, и

выложил на круглый столик перед Плещеевым пачку фотографий и пистолет. Обыкновенный ПМ, старенький, потертый, явно послуживший много лет, а кому – какая разница?

Кирилл фотографии и смотреть не стал, знал, что он там увидит. Взял в руку пистолет, привычно прокатил большой палец по запирающему обойму выступу в низу рукоятки, – конечно, один только патрон в обойме. Полковник вставил обойму обратно, опустил предохранитель, загнал патрон в патронник и прицелился гостью прямо в лоб.

– Неужто не страшно, Эрнест?

– Я вам ничего плохого не сделал. Служба.

– Ну и что вы мне посоветуете в сложившихся обстоятельствах?

– Пистолет опустите, для начала. Спасибо. У меня в кармане платок – жарко очень. – Кирилл кивнул понимающе, гость осторожно, двумя пальчиками вытащил из заднего кармана брюк платок, развернул, промокнул пот на бледном, высоком лбу с едва заметным шрамом. – Это то, что мне начальство передать вам велело. А вот это от меня лично.

Гость полез опять в папку, снова осторожно, показывая, что вытаскивает оттуда не оружие, а бумаги и компакт-диски. Много бумаг и два CD. В стопочку выровнял гость подарки и опять на столик положил. – Вы, товарищ полковник можете до завтра спокойно подумать, что делать. Воспользоваться предложением высокого начальства... – он выразительно посмотрел на пистолет в руках Кирилла, – или просмотреть и надежно спрятать вот эти материалы. Я их 5 лет собирал, там вся противоправная деятельность генерала Щербатого, как на ладони. У вас есть шанс доказать, что просто не было другого выхода, кроме как устранить самому «оборотня», как сейчас любят говорить, – преступника в погонах. Самооборона, так сказать. Если повезет, то за превышение получите условный срок, максимум.

– А если не повезет? – быстро спросил Кирилл, прекрасно зная ответ на свой вопрос.

– Если не повезет, то вас не довезут до Питера, вот и все. Сердце у вас слабое, диабет, мало ли что. У вас, простите, выбор невелик, а мне мое досье жжет душу. Но у меня шансов вообще нет на расследование. Вас знают, уважают. А я слишком незаметный

человек в управлении, со всеми вытекающими последствиями. Сейчас пошла новая волна «внезапных разоблачений», может быть, кто-то еще выше, чем наши начальники, сидящий, воспользуется ситуацией в своих интересах. Но я в любом случае останусь в стороне, у меня дети еще в школу ходят.

– Сколько детишек-то, Эрнест?

– Трое.

– Ты где и сколько должен ждать «результата» нашей встречи?

– Велено было, чтобы вы при мне все... закончили. Ну, правда, несколько часов, плюс часть ночи есть, я мог не найти вас сразу.

– А если бы я просто отказался стреляться и все? Когда, по-вашему, меня приехали бы ликвидировать? Под утро?

– Думаю, что да.

– То есть, я должен ускользнуть от вашего наблюдения, просмотреть документы и связаться с Москвой? Выйти на самый верх?

– Желательно. Я, конечно, получу нагоняй, но это не смертельно. Скажу, что клиент был готов, настраивался, я ждал «самоубийства» в машине на улице... А вы припасли компромат на Щербатого и вместе с ним улизнули. Я ведь потому один приехал, что начальство тоже боится документировать выезд группы, планировать операцию, привлекать дополнительных людей. Риск.

– Я подумаю, – медленно процедил Кирилл, глядя на гостя со смешанным чувством неприязни и жалости. Чужими руками решил продвинуться. Судя по всему, этот майор твердо решил с одной большой звездочкой не оставаться. А может быть, все это просто часть игры? И надо вбросить компру на Щербатого и его окружение сразу высоко-высоко? И в такие взять тиски, чтобы полковник Плещеев не раздумывал, браться ли за это дело, будучи уже на пенсии, а просто мозги мне отшибить угрозой ликвидации? Это уже правдоподобнее. Иначе, почему бы, задокументировав фотосъемкой последние минуты жизни Щербатого, не взять меня на месте рыбалки, тепленьким? Или даже предотвратить это дело? Как же они выследили нас? Неужто, мы с генералом так постарели, что ничего не заметили? А может, меня просто подтолкнули убрать генерала? И теперь продолжают играть со старым больным человеком новую игру? – Я подумаю, – повторил Кирилл. – У вас в машине хоть поесть-попить найдется? А то я вам минералки дам, да пирожков домашних.

Гость удивленно вскинул брови, что-то явно пошло не так.
– Спасибо, товарищ полковник, у меня все есть. Так я пойду?
– Так вы идите, идите. Если через пару часов я вас не позову, значит, я принял ваше предложение насчет досье на Щербатого. И испарился. А если услышите выстрел, то ради Бога, не морочьте хотя бы мою жену дурацкими допросами, ей и так нелегко придется.

Эрнест нерешительно поднялся с кресла, в дверях обернулся, посмотрел еще раз в глаза полковнику. Глаза как глаза. Выцвели только – васильковые когда-то. А лицо обычное – красное, доброе, на пенсии человек. Во даёт!

~~~~~

Машенька посидела в веселой компании за шашлыком, но аппетит пропал. Под первым же предлогом она вскоре выскользнула за калитку и побежала домой. Но не к воротам. Обошла квартал, зашла со стороны леса, увидела около дома серую «Волгу», культурно поставленную водителем в самом конце тупичка, которым заканчивалась их улочка. Почти в лесу, с краю, на обочине стояла эта, знакомая по номерам Управления, служебная машина. Рядом с машиной, оставив открытыми все дверцы, чтобы не нагревалась, прогуливался знакомый майор, этот, как его, ну, ведущего телевизионного из «Новостей» так зовут, Эрнест! Только не Мацквичюс, а Сироткин. Эрнест Сироткин, да, из молодых, да ранних.

– А что же Кира? Не повел гостя в дом или уже поговорили? Тогда чего Сироткин тут ждет? Почему не уезжает? Маша, не выходя из леса, обошла стороной машину, тихонько притаилась неподалеку в высоком подлеске. – Комаров нет, слава Богу! Сожрать должны были бы меня в лесу за пять минут в эту пору, а их нет!

В нескольких шагах от Машеньки хорошо замаскированный снайпер уже третий раз менял патроны в своей винтовке. Выцелит аккуратно Эрнеста в голову, нажмет на курок – нет выстрела.

Перезарядит, прицелится – опять осечка! Потеряв терпение и разум, не заметив даже неслышно подкравшейся Маши, молодой лейтенант собрал винтовку в кейс и выхватил пистолет, не ПМ, конечно, специальную модель для прицельной и бесшумной стрельбы. Осечка, осечка, осечка! С сумасшедшими глазами снайпер подхватил кейс, засунул пистолет в плечевую кобуру, элегантный легкий пиджачок накинул снова на плечи, как жарко-то! И попёрся растерянно, почти не таясь, едва не наткнувшись на внимательно следившую за ним Машеньку, к своей машине, стоявшей в километре отсюда, за железной дорогой. Бубнил тихонько что-то в спецгарнитуру, качал головой, чуть ли не бил себя в грудь, что-то доказывая кому-то, явно недоверчивому.

В дом Маша дошла, что называется, огородами. Перелезла через невысокий забор и соскочила, расцарапав руку о гвоздь, прямо на лапу поджидавшей ее с другой стороны Даре. Щенок взвыл, тьякнул и тут же замолк, непонимающе разглядывая «маму»: так хорошо играла в прятки, и на тебе!

Через заднюю веранду вошла Маша в дом, осторожно, сдерживая бьющееся бешено сердце, поднялась в кабинет. Кирилл сидел перед компьютером, быстро проглядывая какие-то файлы. Полковник почувствовал затылком, спиной, присутствие Маши и, не отрываясь от монитора, начал ее успокаивать:

– Родная моя, все нормально, небольшие проблемы у них, на службе, просили помочь, всё, абсолютно всё в порядке и под контролем...

Машенька подошла к мужу, поцеловала родную потную лысину и увидела на мониторе фотографию Щербатого на фоне панорамы Таллина, снятой где-то на Вышгороде. Рядом с генералом знакомые всё лица – представители эстонской разведки и резиденты МИ-6 в Эстонии, работающие под крышей посольства. Пьют коктейли на заднем двореке какого-то кафе с видом на город и море, общаются весело, смеются. Но снимок сделан явно несанкционированно, – видно по композиции и перекошенному горизонту. Строчки документов на разных языках, платежки, фамилии, опять фотографии, мелькали на мониторе сплошным потоком, – Кирилл проглядывал файл за файлом буквально за секунды.

- Кто это тебе принес, да так не вовремя и поздно уже? Сироткин?
- Какой Сироткин? Ах, да, Эрнест... Он и принес, Машенька.
- Его сейчас прямо перед нашим домом снайпер караулил, – тихо-тихо сказала Маша. Кирилл убрал руку с мышки и впервые позволил себе посмотреть на жену.
- Убили? – Кирилл мгновенно стал сворачивать окна и выгружать компакт-диск из компьютера. – Уходим. Прямо сейчас и в чем есть.
- Не торопись, Кира. Его хотели убить, но не смогли.
- То есть, как не смогли? Как не смогли?! – громким шепотом «заорал» потерявший терпение полковник.
- Все патроны дали осечку. И в винтовке, и в пистолете. Ну не ножиком же ему Эрнеста резать? Да еще и не факт, что самого не зарежут, Сироткин парень крепкий.
- Что за ерунду ты несешь, Маша?!
- Выбрось это досье на помойку, Кира. Пригласи Эрнеста в дом, раз его пытались убить, он не враг. К Ивановым, жалко, уж не пойдем сегодня. Ну, посмотрите футбол, пивка попьете, я вам закуски настрогаю. И будем спать. Успокой Эрнеста, скажи, что ты все проблемы решил, тебе он поверит.
- Мне он поверит! – выпрыгнул из компьютерного кресла полковник и зашагал, забегал длинными ногами по кабинету, бия себя по и без того багровому лбу ладонью. – А я тебе поверю? Что мы можем идти пить пиво и смотреть футбол, а ты дремать за сериалом, накормив нас ужином?!
- Поверишь, Кира, куда ты денешься? Давай лучше подумаем, в какой комнате Эрнеста устроить жить. Он теперь у нас жить будет, ничего не поделаешь. Ну, пока дом себе не построит, конечно.
- Маша, бедная моя, ты сошла с ума?! – Кирилл остановился и беспомощно прижал худенькую, маленькую жену к себе. Гладил по волосам, успокаивал, вспоминал, где в доме лекарства стоят, и есть ли там какие транквилизаторы?
- Очнись, Кира! Это не я, это ты перепутал время и место, когда на нас всех свалилось столько «гостей». И Петровы, и Саша с семьей, Ивановы вон, тоже, играют, как дети, в хозяев, не хотят вспоминать правду. А правда ведь не плохая, милый мой?! Правда ведь гораздо лучше и справедливее того, что *было!*

На одну секунду буквально в кабинете возник парящий силуэт Круглова, сверкнул острыми глазками, пытаюсь все-все запомнить вокруг и разговор подслушать, но не удержался в воздухе, упал сквозь пол и исчез где-то внизу, впрочем, без шума и грохота.

Полковник пришел в себя и упал в кресло. – Всё подглядывает, сосед, любопытствует. Ничего, скоро сам тут у нас пропишется, – не без некоторого злорадства прошипел, остывая от перенапряжения Кирилл.

– Побойся Бога, Кира, что ты говоришь? – всплеснула руками Машенька. – Ну, зови Эрнеста, пусть обживается.

~~~~~

Андрей Николаевич и Люся лежали, обнявшись, на широкой тахте в гостевой спальне на втором этаже дома Ивановых. Неподдалеку, на удобной раскладушке с матрасом, сопел маленький Толик, опять выставив из под батистовой ночной рубашонки на свет голую попку. Жарко!

– Все, как ты хотел, Андрюшенька? Ты рад?

– Конечно, рад, Люсенька. Я так испугался тогда, в Индонезии. Только из-за вас и выплыл. Сели на отмель, самолет развалился, но меня выбросило в воду, а потом перебросило через коралловый риф, а потом лагуна, дикари эти, и кровь из каждой, кажется, клеточки тела...

– Бедный мой Андрюшенька! Как я плакала, как я плакала, если б ты знал. И тут еще Глашка позвонила, и мир рухнул. – Люся поерзала под уютной, тяжелой и надежной рукой Петрова и несмело сказала вдруг:

– Знаешь, а я маму вчера видела! У входа в Дом культуры с какими-то девчонками сидела в тенёчке под березками и учила их рисовать!

– Показалось...

– Конечно, показалось. Но так вдруг спокойно стало. А остановить машину, подойти – постеснялась.

– А я вчера черешню покупал у того самого грузина, который хотел наш пароход взорвать, – тихо рассмеялся Андрей Николаевич, нежно поглаживая свободной рукой упругую Люсину грудь. – Ну просто копия! Вежливый такой, обходительный. Ни одной гнилой ягодки не насыпал и так странно на меня смотрел, что мне в какой-то момент показалось, что он сейчас скажет: дэнег нэ надо, дорогой, так кюшай!

– Да ну тебя, грузины фруктами давно не торгуют, тем более здесь, в Вырице. У них своя специализация.

– Может, изменился человек? Толик с Сашей тогда сказали, на пароходе, что они его просто выпроводили на пристань и заставили уехать. А вдруг?

– Да ну, ерунда!

– Конечно, ерунда! А может, продадим мою конурку у Парка Победы, добавим денежек и купим в Вырице дачу, а?

– Нет, милый, давай лучше купим пасеку! – вспомнила старый анекдот Люся, горячими пальчиками нащупав под простыней некое доказательство мужского к ней интереса. – У мужа ко мне мужской интерес, – хихикнула даже, как девчонка, про себя, не отнимая, тем не менее, руки от того, что принадлежало и ей по праву.

– Люська, я серьезно, не отвлекай меня, ну, Люсенька!..

– Сделал дело – гуляй смело! – звонко и торжествующе разрешила, наконец, Люся расслабившемуся Петрову перекатиться с нее в сторону. Простыней промокнула мужу крупные капли пота на вспотевшем лбу – ночь была тёплая, да и спальня их на втором этаже нагрелась за день от железной крыши.

– Летать я теперь уж точно не смогу, никакая комиссия не пропустит, – грустно продолжил говорить о своем Андрей Николаевич.

– Нежный муж! Страстный любовник! Где благодарность за испытанные только что чувства, любовь моя? Где романсы, сонеты, дифирамбы, да просто нежные поцелуи, хотя бы? – возмутилась Люся. – Ты о чем думаешь в постели с молодой женой? Господи, что дальше будет?

– Люсенька, я люблю тебя, ты единственная на свете. Ты самая нежная и красивая, ты похожа на ветер над цветущим полем, ты прохладна летом и горяча зимой, ты слиток страсти и верности, ты одна такая на свете, и ты любимая жена моя, и я все никак не могу

поверить в это счастье, и ни о чем не могу думать, только о тебе – и не нужны мне больше никакие полеты, потому что я летаю каждую ночь вместе с тобой так высоко и далеко, куда не заберется ни один лайнер!

– По утрам мог бы летать со мной и почаще, – фыркнула смешливо Люся. – Ну ладно, студент, зачет! – Люся расписалась пальцем на голой спине Петрова, поставив в конце «подписи» точку острым ноготком, чтобы не зарывался, продолжал стараться и учиться.

– Домик в Вырице? – Люся посмотрела на жалобные глаза мужа, улыбнулась и соскочила тихонечко с тахты, голышом подошла к открытому окну, полюбовалась на верхушки елей, освещенные первыми лучами солнца, воздух начинающегося утра вдохнула жадно, с сожалением посмотрела на лужайку перед домом, седую от росы – вот бы побегать. Андрей жадно впитывал в себя каждую линию силуэта любимой, чуть нагнувшейся, выглядывающей в окно, вспоминал круиз, как фотографировал Люсю на закате, на парохде, на корме белоснежного судна и мечтать даже боялся о *такой* женщине.

Надышавшись, да и дав полюбоваться мужу собою, – глазами любят, как дети малые, ну и пусть, раз нравится! Надышавшись и отдышавшись, Люся прихватила со столика пачку сигарет, зажигалку и пепельницу, принесла в постель, положила щедро на стул, заменявший им на даче прикроватную тумбочку. Сделала широкий жест: кури, если хочешь, – а сама снова юркнула под простыни и прильнула к горячему Петрову, теперь захотелось согреться.

Петров благодарно и облегченно вздохнул и с наслаждением закурил, следя за тем, чтобы дым улетал в окошко и не тревожил маленького, спящего так безмятежно.

– Да, Люся, домик в Вырице. У тебя роскошная квартира, я ее очень люблю, но город иногда утомляет, а здесь, мне кажется, и зимой чудесно, и осенью, и весной, не говоря уж про лето! Мне надоели города, страны, приключения. Я хочу пожить на одном месте, я хочу видеть, как растет трава, как наливаются на моих глазах яблоки, как выпадает первый снег и как тает последний сугроб в моем дворе. Я хочу видеть, как, на моих глазах, растет сын,

на моих глазах, а не на глазах воспитателей элитного детского сада или языковой школы-интерната. Я хочу, чтобы ты была рядом всегда, и тогда я никогда не замечу, как ты стареешь, а я теряю силы. Глупости говорю? Эгоизм проявляю? Не пугайся любимая, я просто мечтаю, – Петров погрузился немного, повернулся на спину, курил, молча, глядя как извивы сигаретного дыма сливаются с узором досок над ним.

– Дауншифтинг, – рассмеялась чему-то Люся. – Я вышла замуж за дауншифтера!

– Но не за дауна же, правда?

– Нет, Петров, ты не даун. Ты умнейший мужчина на свете. Книжки я смогу писать и здесь. Работать над монографиями тоже.

Библиотеки больше не так уж и нужны, когда есть Интернет.

Полевые исследования буду проводить на вырицком базаре и в цыганском таборе. Или среди таджиков, строящих коттеджи новым русским. Да и новых русских, которым нужен психолог, здесь на каждом шагу! – Не понять было, или Люся зло иронизирует, или говорит всерьез.

Петров напрягся, но тут же снова расслабился. Пусть все будет так, как хочет Люся. Она молода, ей еще интересен мир, она еще только в теории знает, что весь мир уместается в росинке на цветке, и чтобы понять тайны человеческой души и мироздания в целом вовсе не нужно суетиться в муравейнике больших городов. Сердце ее еще не устало от суеты. А Петров не мог поверить, что всего лишь третий год живет в России. Эстония ушла не то, что на окраины его сознания, она вообще испарилась из памяти и всё. Андрей Николаевич слился с Россией так незаметно, так буднично, несмотря на череду важнейших и захватывающих событий в судьбе своей, что жизни *вне* Родины теперь и представить не мог. Оставалось найти место внутри России. Он нашел – где, он нашел – с кем, осталось еще решить – *как* жить.

– Летать я не могу, – настойчиво продолжил Петров, – досиживать в МЧС до пенсии каким-нибудь диспетчером – не хочу и не буду.

– А что же ты хочешь, муж, объелся груш?

– Я же инженер. Я знаю радио, механику знаю, в железе компьютерном разбираюсь, да многое я могу! Буду в поселке услуги

оказывать частным порядком, клиентуру наберу. Интернет проводить, спутниковое ТВ, цифровую аппаратуру настраивать – ремонтировать сейчас уже не модно, а часто и невозможно, но люди ведь просто разобраться часто не могут в том, что купили и чем пользуются! ГЛОНАСС, GPS – да я все могу! Голодными точно не останемся, и сам себе хозяин к тому же! А соскучимся по самому красивому в мире городу, так у нас квартира на Английской набережной!

– Петров, ты меня убеждаешь, что ли? Или уговариваешь? Ты же ведь все уже решил и теперь просто сообщаем мне о принятом решении!

Петров смутился. А Люся наоборот только развеселилась:

– Послушай, Андрюша, как думаешь, Ивановы долго нас терпеть у себя в доме будут?

– Да хоть всю жизнь! Только к зиме надо второй этаж утеплить будет – комнаты все же здесь летние, – совершенно серьезно ответил Петров.

– Милый мой даун... шифтер! Давай поживем еще, сколько прилично будет. А потом все и решим окончательно. Не смущает меня твое предложение, Петров. И потому, что ты муж, тебе и решать. И потому, что у нас скоро еще один ребенок будет. Куда я от тебя с двумя детьми?

Глава десятая

– Остался бы я здесь, Глаша, на всю жизнь, – Саша с полувывернутой щекой, пол-лица в пене, отвернулся от зеркала, приспособленного к стене гостевого домика, рядом с умывальником и посмотрел на жену, державшую в руках поднос с туалетными принадлежностями и с удовольствием ассистировавшую мужу, пожелавшему побриться на улице, на солнышке, а не в кухоньке их домика или ванной Иванова. – Я полюбил Кострому, но не хочу очередных воспоминаний. И жалости товарищей не хочу, и взглядов – разных – в спину, на улицах тоже не хочу. Газеты и ТВ сделали из меня

областного героя, а это все не так, ты знаешь. Да и ни к чему мне излишне светиться, итак живу под третьей фамилией уже.

– Там родители, Сашуля!

– Я понимаю. Но, можно же навещать друг друга почаще, правда? И ЛюДашу, когда подрастут, отправлять к бабушке в гости. А сами в это время зажигать будем непадецки в Питере! – Саша изобразил худой задницей в сатиновых «боксерах» ламбаду, и Глаша прыснула по-детски счастливым смехом.

– Ты что, уже устал от детей?

– Ну, нет! Я еще хочу парочку, – уже совершенно серьезно посмотрел на жену Саня. – Ты как?

– Я люблю тебя, Саша, вот как! – очень тихо ответила Глафира, зарделась и ушла в домик.

Саша торопливо закончил бритье, сполоснулся теплой водой из бака и поспешил в домик. Глафира сидела на застеленной аккуратно кровати с фотографией Дашки в руках и плакала. Дарья была на этом фото очень красивая, потому что не позировала, а просто смотрела куда-то вдаль, перегнувшись через поручень белого круизного теплохода «Петербург». И профиль её подсвечивало мягко закатное солнце, добавляя румянца обычно белому, как мел, безупречному кукольному лицу. А рядом, спиной к объективу, стоял высокий, широкоплечий мужчина в белых брюках и синем капитанском пиджаке, придерживая Дашку надежнейшей в мире рукой за талию, чтобы не сорвалась ненароком девушка за борт. И не удержал.

– Толян, Толян... Если Толян не смог, значит, никто не смог бы спасти Дашу. Не плачь, солнышко моё. Мы вместе. И маленькая Даша, вместе с маленьким Толиком, проживут, быть может, куда более счастливую жизнь, чем выпала на нашу долю когда-то. Все мы, дети окраин Российской империи, русские, пережившие перестройку и войны, пока на Родине делили власть, деньги и народное имущество те, кто себя назвал потом «россияне», – мы, русские пограничных застав державы – навсегда отравлены невозможностью забыть.

– Что ты хочешь, Саня? Ты, Иванов, Петров и примкнувший к вам Плещеев? Что вы хотите? – Глафира ревела уже навзрыд, закрывая рот двумя смуглыми ладошками, чтобы близнецы не проснулись.

– Справедливости. И чтобы воздалось каждому по делам его. Больше нам ничего не надо, любимая. Только справедливости. Русский должен жить в России, а «вор должен сидеть в тюрьме». Ты знаешь о ком и о чем я. 20 лет назад рижским омовцам, и мне в том числе, не раз преступники предлагали огромные деньги за то, чтобы мы отпустили их. Никто не взял. Мы гордо носили свои черные береты. Прошло 20 лет. Омовцем стало быть стыдно. Стыдно стало быть, кем угодно, если только ты не простой русский человек. Что мы хотим? Того же самого, что мы хотели когда-то в Латвии, в Приднестровье, везде. Мы хотим справедливости!

– Но голубь мой, сердце мое, Сашенька, любимый! Бог велел прощать!

– Личные обиды я простил. Но нельзя прощать врагов веры, врагов рода человеческого и врагов твоего народа.

– Сашенька, давай останемся здесь! Здесь все для тебя свои! Купим домик, будем растить девочек наших, я тебе еще нарожаю! Здесь тихо, спокойно. А соскучимся в деревне – Петербург под боком. Я буду книжки детские писать, добрые, русские, чтобы было, что детям нашим читать! Обрыдла мне журналистика наша продажная, лживая, льстивая, злая, безбожная! А ты такой у меня, ты никогда без дела не останешься, только пусть оно будет мирным!

Останемся, Саша! Первый раз прошу тебя о важном, на колени встану, ради ЛюДаши, останемся здесь! – Глаша и в самом деле упала на пол, обхватила майору ноги, стала покрывать мокрыми от слез поцелуями. – Я уже молилась Батюшке – Серафиму Вырицкому, пусть примет нас всех в своей веси, всех, всех! Всех!

Саша рывком, как пушинку, поднял жену на руки, положил бережно на постель. Гладил и целовал мокрое от слез, все еще захлебывающееся плачем лицо.

– Всех в Вырице не спрячешь от жизни, Глаша! Каждый до своей Вырицы еще *дожить* должен!

– А мы, мы разве не имеем права?

– Один Бог знает, жена, выпили мы свою чашу до дна или нет еще. Но давай попробуем. Только...

Майор поискал глазами красный угол, заметил там маленький образок святого Серафима Вырицкого, встал, перекрестился уставно и поклонился до земли. – Только тогда уж навсегда.

~~~~~

Осень все никак не наступала. Созрели ягоды, грибы появились в ближайшем лесу. Да что там лесу, за забором пройдишь с утра с лукошком – наберешь колосовиков – белых, крепких; лисичек на жарёху, маслят нежных с ободравшейся по краям липкой шкуркой. Яблоки налились соком и созрели. Сперва белый налив, потом и осенние сорта. Пожелтела и опала в один день после короткого бабьего лета листва, расцветившая было лес «словно терем расписной». Увяли, тронутые легкими заморозками георгины и хризантемы в саду Ивановых.

Но на следующий день уже снова проклюнулись крокусы и подснежники, стрелками зелеными потянулись жадно к солнцу нарциссы, набухли почки на только что облетевших деревьях. И снова поселились в скворечнике под самой крышей дома птицы, запели по-весеннему громко, начали выводить птенцов.

Работал Интернет, исправно на диво почтовые сервера гоняли туда-сюда немногочисленную переписку, банк аккуратно переводил деньги на пластиковые кредитные карты гостей. Рассказывал о чем-то важном, наверное, круглосуточный канал «Россия 24». Страна готовилась к очередным выборам. Там, у них, лили дожди, постоянно объявляли штормовые предупреждения. А на Первом канале страшно-равнодушным голосом Катя Андреева, выскакивая на зрителя грудью из экрана, рассказывала новости о погибших на дорогах, убитых на Северном Кавказе, подорванных в метро, сгоревших в шахтах людях. И все это на фоне заставки с белосиним логотипом на заднем плане – выборы, выборы...

Рядом с Ивановыми съехали из дома цыгане. Торопились куда-то, очень быстро оформили продажу участка и стоявшей на нем развалюхи, пусть и двухэтажной, майору Анчарову. И как корова их языком слизала. Как и всех цыган в Вырице. Саша нанял русскую бригаду с бульдозером, те снесли все постройки на цыганском подворье, сняли даже верхний слой земли. Поверху навозили потом самосвалами плодородного чернозема и заложили фундамент бревенчатого рубленого терема в три этажа – Глаша опять ожидала двойню.

Петров перекупил уже готовый новенький сруб рядом с Плещеевыми, поближе к лесу. И теперь не вылезал из старого лётного комбинезона, все строил, закупал, проектировал хитрые, а точнее, как сейчас говорят, «умные» домашние системы. Пока шла стройка, жили все по-прежнему у Ивановых.

Катерина шла на поправку от своих неизлечимых, как говорили ей когда-то врачи, болезней. Помолодела, похорошела, не присядет за день, вникая во все вопросы домашнего хозяйства, помогая подругам, занимаясь с детьми подготовкой к школе. Двухлетние ЛюдАша с Толиком уже научились у Кати читать. Живой журнал давно был Катериной заброшен. Спать она ложилась рано. А утром, едва соскочив с постели, ехали с Ивановым вместе на велосипедах на Оредеж – купаться. Высокая, гибкая фигура, длинные рыжие волосы – распластывались на воде, как в Христовой купели. Вода в реке не остывала, только стала совсем чистой и держалась на комфортных плюс двадцати в любую погоду. А справившись с домашними хлопотами, Катя бежала в кабинет, в который переделала, пойдя на поправку, свою отдельную спальню – и снова писала стихи, занимаясь тем самым, что привело ее в Литературный институт когда-то. А спали они с Ивановым снова вместе и смущенно, вспоминая возраст свой, подумывали о мальчике. По воскресеньям все дружно ходили в церковь. И литургией нескончаемой и светлой казалась вся наступившая в Вырице новая жизнь.

Миша, сосед давний, подкузьмил Иванова – выдвинул его в депутаты местные, как тот ни отбивался. И надо же, неожиданно, негаданно, а выбрали Иванова выричане не просто депутатом даже,

а своим городской головой. Почитали придуманную им программу развития Вырицы, послушали его выступления в местных школах и Доме Культуры. И определили на должность – хоть и недавно стал вырицким мужиком, а голова есть, пусть на благо народа поработает, нечего в Москве штаны просиживать, нам здесь, дома, такие люди нужны – судачили бабки в очередях супермаркетов и на рынке.

Нашлось дело и Плещееву с прижившимся у них с Машенькой Эрнестом Сироткиным. В этом деле им и майор помогал - Анчаров, когда находилась минутка, свободная от строительства своего терема. Взвыла, было, милиция местная, и ЧОП охранный взвыл. Но при поддержке главы администрации Иванова товарищи офицеры наладили такой общественный контроль за правоохранительными структурами в поселке, что народ впервые за десятки лет сам потянулся к участковым со своими бедами и бояться милицию перестал, начал даже порою похваливать. И наркотики вместе с цыганами ушли из Вырицы навсегда, и хулиганы резко поутихли и делом занялись.

Связь с внешним миром не прекращалась, как мог бы подумать иной читатель. Да только, приезжающие, либо оставались в Вырице, либо, уезжая, забывали про вырицкие чудеса с вечным летом, отличными дорогами и полным изобилием хлебов насущных. Слухи, конечно, ходили разные, да кто ж им поверит? Они, слухи эти и по сию пору услышать можно и в питерских ресторанах, и в поездах дальнего следования, и в разделе «непознанное» рекламных бесплатных газет прочитать можно.

Эпилог

– Каждый сам себе и рай, и ад, и земля, и небо. И Родина, между прочим, тоже – в сердце у нас, а не вовне.

Петров подошел к краю облака и задумчиво посмотрел вниз – на зарницы, играющие яркими всполохами огня над Европой. Где-то там, внизу, все еще воевал Толян, – уже генералом стал Русской армии. Где-то там, внизу, ждала его Дарья с двумя мальчишками-погодками, мечтавшими о юнкерском училище. На месте Америки синим отливали на хмуром, с ржавчинкой едва пробивающегося солнца, рассвете, слившиеся в одно целое океаны. Только торчали гнилыми зубами островки горных цепей над Атлантидой блока Североатлантического. Безжизненная, занесенная песками Африка, Ближний Восток, казалось, и отсюда видно – светившийся радиацией. Индия, Китай – все безжизненное и тусклое. Только на огромном пространстве России, включая Аляску, горели огни городов, подальше от европейского – последнего фронта.

– Держись, Толян! Скоро встретимся! – вслух сказал Петров негромко. Анчаров, неслышно подошедший сзади, обнял друга за плечи и оттянул подальше от опасного края.

– Пойдем, Андрюша, Люся зовет чай пить! Иванов самовар ставит, Кирилл обещал подойти. Не надо тут долго стоять, затягивает...

Теплоход «Петербург» – Санкт-Петербург – Вырица, 2008 - 2010.
